

VITOLUPO

Dal Giorno alla Notte
Day to Night

VITOLUPO

Dal Giorno alla Notte
Day to Night

a cura di / edited by
Andrea B. Del Guercio

SKIRA

Sommario / Contents

- 6 Day to Night
- 7 Dal Giorno alla Notte
Andrea B. Del Guercio

13 La Camera da letto / The Bedroom

33 La Sala da pranzo / The Dining Room

89 Il Salotto / The Living Room

181 Lo Studio / The Study

197 Disegni / Drawings

245 Il Brand / The Brand

249 中文文本

263 Русский текст

Art Director
Marcello Francone

Design
Luigi Fiore

*Coordinamento redazionale /
Editorial coordination*
Carlotta Santuccio

English translations
Carol Rathman

English copy editor
Emanuela Di Lallo

中文翻译
罗马Scriptum公司特邀翻译刘洪波

中文编辑
罗马Scriptum公司特邀编辑白桦

Перевод на русский
Ольга Дубровина для Scriptum, Рим

Русская редакция
Гала Добрынина для Scriptum, Рим

First published in Italy in 2020 by
Skira editore S.p.A.
Palazzo Casati Stampa
via Torino 61
20123 Milano
Italy
www.skira.net

Nessuna parte di questo libro
può essere riprodotta o trasmessa
in qualsiasi forma o con qualsiasi
mezzo elettronico, meccanico
o altro senza l'autorizzazione
scritta dei proprietari dei diritti
e dell'editore.

© 2020 Vito Lupo Srl
© 2020 Andrea B. Del Guercio
per i testi / for his texts
© 2020 Skira editore, Milano
Tutti i diritti riservati

All rights reserved under
international copyright conventions.
No part of this book may be
reproduced or utilized in any form
or by any means, electronic or
mechanical, including photocopying,
recording, or any information
storage and retrieval system, without
permission in writing from the
publisher.

Printed and bound in Italy.
First edition

ISBN: 978-88-572-4341-2

Finito di stampare
nel mese di gennaio 2020
a cura di Skira editore, Milano

VITOLUPO

Presidente / Chairman
Vito Lupo

Coordinamento / Coordination
Chiara Cassani

*Intervento artistico sui bozzetti /
Artistic intervention on the models*
Nicolas Steiner

Si ringraziano Fabio Crippa,
Joe Gentile e tutti i collaboratori
dell'Ufficio Stile di Vito Lupo per il loro
prezioso contributo a questo progetto /
We wish to thank Fabio Crippa, Joe
Gentile and all the staff at the Vito Lupo
Style Office for their precious
contribution to this project.

Day to Night

Andrea B. Del Guercio

With the aid of quite a few images, this volume observes the time that elapses between waking up and the return to rest, passing through the hours of daily life. It is a path through the day as it unfolds, repeated at regular intervals “between day and night,” kept within the domestic walls, played out between the patterns of use and the solutions sought inside the home, accepting and “savoring” one’s own life, as well as sharing it with others, experiencing moments of silence and participating in those of communication.

As time passes in this place, observing the flow of the hours in the home, the “stations” that dictate the nature and the quality of our existence take shape; the configuration of the “settings” is characterized and enriched by means of a series of “details” capable of introducing and distinguishing the whole, thanks to a refined extension of the aesthetic function.

It is the furnishings, occupying the home with their beauty, that lend value to the passage of time in our habitat; each object constructs, in the spatial distribution of the various settings, a web of iconographic relationships aimed at meeting and expressing our taste, attaining the private, intimate sphere of “pleasure.”

The elegant dimension of this publication, linked to a prestigious series focused on the culture of art and architecture, photography and design, so far from the reductive nature of a commercial catalogue, introduces the reader to the sphere of beauty inherent in the work of art, the fruit of ancient craftsmanship, noble know-how, and precious materials experienced and revisited with the contemporary sensibility of a creative person. We can state that this book holds and organizes a Collection that blossomed from within the heritage of the culture and the history of art.

Thus, we discover a manufacture of furnishings based on the scientific use of often precious and rare materials, carefully selected from the Archive of Nature and deposited in the Database of a Research Institute. We observe objects with forms and colors that belong by all rights to the system of artistic culture, respecting the concept of design from its origins in the Renaissance *botteghe* and the early workshops of modern times, where manual expertise was a constant presence. A way of

doing things that comes up from the past to represent excellence in the present.

Just as with fine art prints and sculpture, the limited edition of each piece of furniture makes every object a unique and unrepeatable work, independent even while in full respect of the basic model. Indeed, it is the materials themselves, the shifting identity of the stones as well as types of wood and leathers, that endow the works with their uniqueness and rarity within the biological diversity of the natural heritage.

Besides, a work of art is an object that represents the best of craftsmanship and excellence of execution, where all the details come close to perfection, accepting the challenges posed by the material, learning its secret instructions for use, its very nature, which is often autonomous and independent of the will of man.

It is a design process and a production method that advances through sensitivity, striving for and attaining its current position in the contemporary art system.

This book describes a Collection for “home time,” the narrative beginning in the morning when we awaken. Thus, the first focus is the bedroom, the most intimate place in the house, the place that trade publications always avoid as their point of departure—as though intimacy were not the primary value of the dwelling, its most precious nucleus. From this private place, access to which is unlikely if one is not the “owner,” intimacy spreads throughout the habitat, lending luster and splendor even to the open and shared spaces, such as the living room and the dining room, leading back to the learned intimacy of the studio. Intimacy is everything in the home, it is the thorough respect of the place where the most important blessing—life—goes on, and as such demands never less than the best in quality.

Aesthetics, the pursuit of beauty, take on a decisive role in the attainment of quality, without being consumed by extreme rigor, by the data that have confined the space of creativity to the very strict rules of the market, in order to reclaim both the warmth and the ephemeral dimension and restore the energy and the vitality intrinsic to the shades of color that soothe our anxieties.

Dal Giorno alla Notte

Andrea B. Del Guercio

Questa Edizione, attraverso un considerevole numero di immagini, segue il tempo che trascorre tra il risveglio, lungo le ore della quotidianità, e il ritorno a quelle ore che reintroducono alla nuova stagione del riposo; un percorso che copre lo sviluppo del tempo ‘tra il giorno e la notte’, trattenuto nell’ambito della propria casa, tra le funzioni d’uso e le soluzioni che in essa si cercano, accettando e ‘assaporando’ il proprio essere, ma anche condividendo con altri, attendendo a momenti di silenzio e partecipando a quelli della comunicazione.

Lungo il tempo e nel luogo, seguendo lo scorrere delle ore nella casa, si inseriscono quelle ‘stazioni’ che dettano i caratteri e la qualità della nostra esistenza; l’articolazione degli ‘ambienti’ va caratterizzandosi e arricchendosi attraverso una serie di ‘particolari’ in grado di introdurre e contrassegnare il tutto grazie a una raffinata estensione della funzione estetica.

Sono gli arredi, attraverso la bellezza, a stazionare nella casa, andando a dare valore al tempo del nostro habitat; ogni oggetto costruisce, nella distribuzione spaziale dei diversi ambienti, una rete di rapporti iconografici tesa a incontrare e a esprimere il nostro gusto, a raggiungere l’ambito riservato e personale del ‘piacere’.

La dimensione raffinata di questo volume, ‘legato’ a una prestigiosa Collana attenta alla cultura dell’arte e dell’architettura, della fotografia e del design, così lontana dalla natura riduttiva di un semplice catalogo commerciale, introduce il lettore invitandolo a entrare in relazione con l’ambito della bellezza proprio dell’opera d’arte, frutto di mestieri antichi e di tecniche nobili, di materiali preziosi, vissuti e rivisitati con la sensibilità contemporanea di un uomo creativo. Possiamo affermare che il volume raccoglie e sistematizza una Collezione nata all’interno del patrimonio della cultura e della storia dell’arte.

Si scopre una produzione di arredi, realizzati sulla base di un impiego scientifico di materiali spesso preziosi e rari, attentamente selezionati dall’Archivio della Natura ed entrati a far parte di una vera e propria Banca Dati, presenti all’interno di un Istituto di Ricerca. Si osservano oggetti le cui forme e colori appartengono a pieno titolo al sistema della

cultura artistica, rispettando il concetto di design sin dalle sue origini, quando nacque nelle botteghe rinascimentali e nelle prime aziende artigiane dell’epoca moderna, dove costante è la presenza esperta della manualità umana. Un procedere che viene dal passato per essere l’eccellenza del presente.

La limitata tiratura di ogni arredo, così come avviene per la grafica d’autore e per la scultura, fa di ogni oggetto un’opera irripetibile e indipendente anche all’interno del rispetto del modello base. Sono di fatto i materiali stessi, la dimensione mutevole delle pietre come dei legni e dei pellami, a far dono dell’unicità, dell’irripetibilità, della rarità nella diversità biologica propria del patrimonio naturale. D’altra parte l’opera d’arte è quell’oggetto che rappresenta il saper fare ‘a regola d’arte’ cioè nel modo migliore, in maniera esemplare, in cui tutti i particolari si avvicinano alla perfezione, accettando il confronto con il materiale di supporto, apprendendo le sue stesse segrete indicazioni, la sua natura spesso autonoma e spesso indipendente dalla volontà dell’uomo. Un procedere progettuale e un produrre che avanza per via di sensibilità, che tende e raggiunge nell’attualità il suo posizionamento nel sistema dell’arte contemporanea.

Il volume racconta una Collezione per il ‘tempo’ della casa iniziando dal mattino, al risveglio. Così si concentra nella camera da letto, nel luogo più intimo della casa, nel luogo da cui le pubblicazioni commerciali evitano sempre di cominciare, come se l’intimità non sia il valore primario dell’abitazione, il suo nucleo più prezioso. Da questo luogo privato, in cui difficilmente si ha accesso se non se ne è ‘proprietario’, l’intimità si distribuisce all’intero habitat, rendendo pregiati anche i luoghi aperti e di condivisione, come il salotto e la sala da pranzo, per tornare all’intimità colta dello studio. Tutto è intimità nella casa, è rispetto religioso del luogo in cui il bene più importante, la vita, si svolge così da richiedere sempre la migliore qualità.

Nella qualità l’estetica, la ricerca della bellezza assume un ruolo determinante, senza farsi fagocitare dal rigore estremo, da quei dati che hanno ristretto lo spazio della creatività alle regole ferree del mercato, per essere in grado di riprendere sia il calore che la dimensione

*He clung fast to the faded lilac . . .
to the jolly greens and reds . . . to the
blue-and-white framing poles . . . Fiercely,
he wallowed in cadmium, savagely in cool
sweet cobalt, drew melting lines of crimson
lake through the yellow and green sky.*
(Hermann Hesse, *Klingsor's Last Summer*,
1920, translated from the German by
Richard and Clara Winston. © 1970 by
Farrar, Straus and Giroux)

We explored the realm of Nature and found trees: so, every piece of furniture has taken the name of a tree, of a flowering bush, of a fragrant hedge. Without seeking shortcuts or ill-formed solutions, the stability of a plant—the certainty of its presence in the landscape—is turned over so that it is reflected in the vision we have of the home, by means of our furniture Collection. Every single tree—from the Maple to the Magnolia, from the Cedar to the Cypress—has, along the naming process, conveyed this relationship, which speaks to and benefits life on this planet. Each plant has transferred from the exterior landscape to the interior environment of the home the solidity of the materials used, their naturalness and spontaneity through the polychromy of the surfaces, their stability and rootedness as the substance and the quality of our relationship with the place, and again and forever, the Beauty that lives in time, growing, always benefiting us with its presence. Giving a sofa or a table the name of a tree, without seeking out flashy connections, we have recreated the intimacy of the woodland and the strength of the tree in our own home, so that from Day to Night one talks about life as time passes, about our story, about the home that remains there ensuring our stability, our safety, faithfully waiting for us—the place where we finally become whole. These atmospheres were born of the transfer of values that turn up again in the relationship between the exterior and the interior, between the woods and the home in Charles Baudelaire's "Correspondences" of 1861:

*Nature is a temple where living pillars
Let sometimes emerge confused words;
Man crosses it through forests of symbols
Which watch him with intimate eyes.
Like those deep echoes that meet from afar*

*In a dark and profound harmony,
As vast as night and clarity,
So perfumes, colors, tones answer each other.
There are perfumes fresh as children's flesh,
Soft as oboes, green as meadows,
And others, corrupted, rich, triumphant,
Possessing the diffusion of infinite things,
Like amber, musk, incense and aromatic resin,
Chanting the ecstasies of spirit and senses.*
(*Selected Poems of Charles Baudelaire*,
edited by Geoffrey Wagner, New York:
Grove Press, 1974)

We thought that in our bedroom, and likewise in the studio, not everything should be guided by the strict principles of a single style, nor should everything meet the formal specification imposed by a coordinated system of objects, colors, and forms. Rather, we have preferred a path of articulation and dialogue between the objects, the result not only of the creativity of whoever designed and made them, but above all of the imagination of whoever will choose them, combining and matching them according to personal taste and sensibility nourished by emotions. Here you will not find single-minded aesthetics or the style and formal schemes that all look alike and belong to passing fashions, because we know that uniformity is often a means for hiding the blunders and faults of a mediocre creativity that believes a couch or a desk can be designed by simply drawing the lines and volumes in passive correspondence to the functions of use one seeks to meet. We believe that the perception of beauty is the fruit of personal involvement and, consequently, it is the result of choosing qualities that are the hallmark of furnishing born of the perfect harmony between their maker and the materials and techniques, in a process of receptivity and respect. Freeing creativity from the conditioning of the restrictive economic rules of production, which often determine the poor quality of the materials, allows to break out of repetitive solutions that cancel all forms of diversity and, therefore, the aesthetic independence of whoever happens to own these objects. A bookcase is installed in our home that is the result of a creative relationship with its roots in the symbolic value of the object, in its intimate nature, in the aesthetic dimension of the onyx

slab... My bookcase appears as the fruit of a completely affective interpretation shared between all the elements acting together in the final work. Isn't the richness of the materials, heightened by the warm and enveloping backlighting of the stone and its intense and variegated veining, perfectly correlated with the role of my books, their function of illuminating my thought, orienting my taste, providing me with tools useful to my personality?

The gaze is drawn by a compact piece of furniture that, in spite of its hermetic dimensions, is a symbolic presence appertaining to wealth. Just when the perception of its functions of use eludes us, that enigmatic entity that attracts our attention begins to grow, projecting us toward the experience of beauty, in which forms and materials, chromatic solutions and aesthetic lines define the object. The Juniper takes its place in the space and catalyzes our perception, almost as if we were afraid of revealing its role. Its function seems that of a strongbox, a protective armor that holds a treasure, recognizing its great value; the Bar Cabinet reveals itself through the gesture that opens it, a further aesthetic stretch toward dazzling opulence.

The light is the feature that spreads through our idea of home, where our aim is no longer to rely exclusively on luminous sources, but rather to embrace the idea that each piece of furniture—from the Magnolia to the Mulberry, from the couch to the table—emits "a light of its own," that is to say, it does not just respond to external stimuli. I believe that, during the phases of conception, design, and production, the idea of backlighting emerged as a device to allow the object to express itself always, whether it is cloaked in a specific atmosphere or as an independent projector of an inner luminous energy. This experience seems to be the result of a creative process in which the materials selected and used—mixed and matched in perfect harmony—are able to play a role in the system of associations within the home, in the presence of the light of both day and night. We have to observe and draw attention to how the condition of contemporaneity—the excellence of the product of creativity—finds its origins in the "Back-lighting" principle emphasized by Mark Rothko, which is decisive in the conceptual-analytic culture of art and

effimera, riconsegnare l'energia e la vitalità insita nel colore, di quei valori che tanto addolciscono le nostre ansie.

"Si accaniva sul viola intenso [...], sul verde e rosso festoso [...], sugli striscioni bianchi e azzurri [...]. Guazzava rabbiosamente nel cadmium, frugava nel cobalto fresco e dolciastro, prolungava le strisce del rosso garance attraverso il cielo giallo e verde."
Hermann Hesse, *L'ultima estate di Klingsor*, 1920

Siamo andati a cercare nella dimensione della Natura e abbiamo trovato gli alberi: così ogni arredo ha assunto il nome di un albero, di un cespuglio fiorito, di una siepe profumata. Senza cercare scorciatoie e soluzioni infondate, la stabilità di una pianta, la certezza della sua presenza nel paesaggio si è ribaltata fino a specchiarsi nella visione che abbiamo della casa attraverso la nostra Collezione di mobili. Ogni singolo albero, dall'acero alla magnolia, dal cedro al cipresso, ha trasferito lungo questo processo di nomina di ogni singolo arredo quella relazione che parla e porta il bene nella vita del pianeta; ogni pianta ha trasferito dal paesaggio esterno a quello interno della casa la solidità dei materiali utilizzati, la naturalità attraverso la policromia delle superfici, la stabilità e il radicamento come sostanza e qualità delle nostre relazioni con il luogo, e ancora e sempre la Bellezza che vive nel tempo crescendo, facendo sempre il bene con la sua presenza. Nominando un divano, così come un tavolo, con il nome di un albero, senza cercare legami ad effetto, abbiamo riportato l'intimità del bosco, la forza dell'albero dentro la nostra casa, così che dal Giorno alla Notte si parla della vita lungo lo scorrere del tempo, della nostra storia, della casa che rimane lì a garanzia della nostra stabilità, della nostra sicurezza, che ci attende fedele e in cui ci ritroviamo. Atmosfere nate dal trasferimento di valori che rintracciamo nella relazione tra l'esterno e l'interno, tra il bosco e la casa nelle *Corrispondenze* del 1861 di Charles Baudelaire:

*"La Natura è un tempio dove
dei pilastri viventi
Lasciano di tanto in tanto uscire
delle confuse parole;*

*L'uomo vi passa attraverso
delle foreste di simboli
Che l'osservano con sguardi familiari"*¹.

Abbiamo pensato che nella nostra camera, come nello studio, non dovesse tutto 'riconduri' alle regole coercitive di un unico stile, e nemmeno rispondere a quegli obblighi formali che impongono un sistema coordinato di oggetti, di colori e di forme. Abbiamo prediletto invece la strada dell'articolazione e del dialogo tra manufatti, frutto non solo della creatività di chi li ha pensati e realizzati ma soprattutto di quella di coloro che li sceglieranno, subito combinandoli tra di loro secondo il proprio gusto e una sensibilità che vive di emozioni attive. Non troverete il gusto unico né lo stile e i sistemi formali che si assomigliano e che appartengono a una 'stagione effimera' e temporanea del gusto, perché sappiamo che l'uniformità è spesso lo strumento per nascondere gli errori di quella creatività mediocre che pensa di disegnare un divano o uno scrittoio semplicemente tracciando delle linee e dei volumi in passiva corrispondenza con le funzioni d'uso a cui si cerca di dare una risposta. Riteniamo che la percezione del bello sia il frutto della partecipazione personale e quindi il risultato di una scelta che esige quelle qualità che distinguono gli arredi nati dalla perfetta sintonia di chi li crea con i materiali e le tecniche, in un processo di rispetto che vuol dire 'ascolto'. Liberando la creatività dal condizionamento delle più restrittive regole economiche di produzione, da cui spesso dipende la scarsa qualità dei materiali, rendendola così autonoma rispetto a soluzioni ripetitive che annullano ogni forma di diversità e quindi di indipendenza estetica da parte di chi viene in possesso di questi oggetti, il nostro habitat vede l'installazione di una libreria frutto di un rapporto creativo che ha preso origine dal valore simbolico dell'oggetto, dalla sua natura privata, dalla dimensione estetica della lastra di onice... *La mia libreria si rivela frutto di un'interpretazione affettiva totale concordata tra tutti gli elementi che interagiscono nell'opera finale. La preziosità dei materiali estremizzati attraverso la retro-illuminazione calda e avvolgente della pietra, la sua ricchezza di venature e di sfumature sempre diverse non è forse in perfetta relazione con il ruolo*

dei miei libri, della loro stessa funzioni di illuminare il mio pensiero, orientare il mio gusto, fornirmi gli strumenti utili alla mia personalità?

Lo sguardo corre verso la dimensione ermetica di un mobile dalle misure contenute, in grado di segnalare comunque una presenza simbolica attinente alla ricchezza. Nel momento in cui sfugge la percezione delle sue funzioni d'uso, cresce quell'entità enigmatica che attrae la nostra attenzione, proiettandoci verso l'esperienza della bellezza, in cui forme e materiali, soluzioni cromatiche e linee estetiche definiscono il manufatto. Si installa nello spazio il Ginepro, catalizzando la nostra percezione, quasi fossimo timorosi di svelarne il ruolo, rimandandoci alla funzione di un forziere, di una armatura che protegge, che preserva un tesoro, riconoscendone il grande valore; il Mobile Bar si rivela al gesto che apre, un'ulteriore estensione estetica verso ciò che di più prezioso abbaglia.

La luce è il dato che si distribuisce nella nostra idea di casa, dove intendiamo non più dipendere esclusivamente da fonti luminose, ma seguire l'idea che ogni arredo, dalla Magnolia al Gelso, dal divano al tavolo, rilasci 'luce propria', sia cioè entità non solo rispondente alle sollecitazioni esterne. Ritengo che sia stata maturata, nelle fasi di ideazione e di progettazione e realizzazione, l'idea di una 'retro illuminazione', vale a dire che l'oggetto sia in grado di comunicare se stesso sia perché avvolto da un'atmosfera sia come indipendente proiettore di una intima energia luminosa. Questa esperienza appare il risultato di un processo creativo in cui i materiali prescelti e utilizzati – collegati e combinati tra loro in un perfetto accordo – sono in grado di mettersi in gioco nel sistema di relazioni con l'habitat, in presenza della luce del giorno come in quella notturna. Dobbiamo osservare e sottolineare come la condizione di contemporaneità, quindi di eccellenza di un prodotto della creatività, trovi le sue origini nel principio di 'retro-illuminazione' posto in evidenza da Mark Rothko e determinante nella cultura analitico-concettuale dell'arte, applicabile sia al colore nel dipinto che all'essenza di un albero o alla composizione di una pietra. Possiamo così affermare che questo

can be applied to color in painting, or to the type of wood, or the composition of a stone. Thus, we can maintain that this approach runs against the current with respect to a persisting design trend focused on erasing impact, reducing presence, and diminishing bold solutions in order to enter a non-light, that silent place where ideas and emotions do not circulate.

Color enlivens and distinguishes surfaces and volumes without undermining our perception of them, organizing its own distribution in the various solutions adopted. Color does not forsake its presence and its potency, in some cases imposing itself, in others opting to quietly ferment. Color defines an object, follows its outlines, and highlights the details with “sudden flares.”

The process whereby the reds and the whites and the yellows and the blues shape things, like the notes on a page of music, here in counterpoint and there in symphonic form, does not stem from a choice imposed by the design and is not determined by a decision extraneous to the object itself. Color, instead, is literally born inside the object, and then grows until it ripens through the active presence of surfaces that are often so exquisite as to preserve the scent of their natural wood. The chromatic dimension is expressed in its full range and incidence through the presence of the various patinas, from green to brown, that a bronze casting can give us today as along the course of its noble history. The presence of color seems to be a natural choice, a consequence of a healthy relationship, study, and familiarity with the earth’s materials, selected and collected in the great Archive of Experiences. Catalogued and recorded, the different shades of red, or the browns of leathers and fabrics, between the whites and blacks of the stones, suggest and guide the definition of each volume, orienting our taste toward the correct definition of home.

In the definition of our home, intimacy does not represent a closed and inaccessible system, but rather a beloved place that demands respect for its qualities and for our values. Intimacy represents the end result of what, in the best possible way, clarifies the intentions that led us to choose a couch in dialogue with two

armchairs, while a bright series of round table tops lends dynamism to the space. We walk through the house during the busy hours of the day, while at night we stay in the silence that finally envelops us; but always, and in any case, the mood of intimacy is what defines the pursuit of beauty that orients our choices. In this elegant and precious atmosphere, the house and our own existence can enter into a relation of sharing, of selective hospitality. If the large table assumes a soft oval outline for receiving our guests, the living room couch offers itself to the dimension of conversation in a climate of absolute serenity; while the precious surface, perfectly balanced between the marble ring and the bright expanse of the glass, suggests the strength and rigor of the materials and forms, the polychromy of the fabrics prompts perception of the delicate weaving that guides the expression of feelings.

To conclude this long course of research and documentation, we can say that we have been able to face the sphere of luxury, heeding Charles Baudelaire’s words, “*Là, tout n’est qu’ordre et beauté, / Luxe, calme et volupté*” [There, restraint and order bless / Luxury and voluptuousness], choosing to provide real answers and solutions to this important term in the history of art of all times and all cultural geographies of the planet. Indeed, beauty belongs to infinite places and lands, peoples and societies that are widely disparate in culture and spirituality, and that have always known how to renew themselves through the ages, reaching never-imaginable peaks of elegance. The dimension of this heritage, whether rare and secret or explicit and extreme, has indirectly inspired the entire production line, setting the objective of achieving the perfect relationship between beauty and luxury through creativity and the ancient techniques, always supported by the audacious boldness of contemporary thought. Observing and studying the noble heritage of the past, we are certain that there is no scale of values in the narrative of luxury, that it’s not possible to formulate and select our preferences by framing them within a rigid system of judgment, having come to the realization that everything can change in the “blink of an eye,” everything can be reverted in the “beating of a wing.” We know how much

in the present day the questions and interests that revolve around the notion of luxury have been clumsily handled, deviating from the actual value that should invest the term, based on its history. The aim we have set for ourselves—and we believe we represent—is the affirmation of the essence of luxury. Thus, we have decided to go deep inside all that defines the culture of elegance, of beauty that cannot only be formal but is enhanced by the precious content of the earthly materials, cloaking every piece of furniture with that rare condition of authenticity that has consolidated in the fixed imperturbability of time:

*We should have a room
Never out of bloom:
Tables polished by the palm
Of the vanished hours
Should reflect rare flowers
In that amber-scented calm;
Ceilings richly wrought,
Mirrors deep as thought,
Walls with eastern splendor hung,
All should speak apart
To the homesick heart
In its own dear native tongue.
There, restraint and order bless
Luxury and voluptuousness.*
Charles Baudelaire, *L’invitation au voyage*, 1857 (translated by Edna St. Vincent Millay in *Flowers of Evil*, New York: Harper and Brothers, 1936)

Born in Rome in 1954, Andrea Del Guercio lives today between Milan and Freiburg. He is professor of History of Contemporary Art at the Brera Art Academy in Milan. In 1988 he was Commissioner of the International Art Biennale in Venice and of the collateral events in 2005. Between 1990 and 1994 he served as chairman of the Archives of Historical Avant-Gardes at the Fondazione Primo Conti in Florence. He curates major exhibitions and special projects and is the editor of monographic and thematic volumes.

orientamento si pone in controtendenza rispetto a una infinita stagione progettuale orientata ad annullare l’incidenza, a ridurre la presenza, a diminuire le soluzioni di affermazione, per entrare in una non-luce, in quel muto silenzio in cui non circolano le idee e le emozioni.

Il colore anima e contrassegna senza aggredire la percezione delle superfici e i volumi, per distribuirsi articolandosi tra le diverse soluzioni adottate; il colore non rinuncia alla sua presenza e alla sua forza, arrivando in alcuni casi anche a imporsi mentre in altri sceglie di lievitare; il colore definisce un oggetto, ne segue le linee guida dettagliando i particolari con ‘accensioni’ improvvise.

Questo processo in cui i rossi e i bianchi, i gialli e gli azzurri, dettagliano come note su una pagina di musica, ora per contrappunto ora in forma sinfonica, non nasce da una scelta imposta dalla progettazione, non risponde a una determinazione esterna allo stesso oggetto. Il colore nasce bensì dall’interno dell’oggetto e cresce fino a maturare attraverso la presenza attiva delle superfici spesso tanto preziose da mantenere il profumo della sua essenza naturale. La dimensione cromatica si esplicita in tutta la sua estensione e incidenza attraverso l’affermazione delle diverse patinature, dal verde al bruno, che una fusione in bronzo può darci oggi come lungo il corso della sua nobile storia.

La presenza del colore risulta una scelta naturale, una conseguenza del buon rapporto con la conoscenza e lo studio dei materiali della terra, selezionati e raccolti nel grande Archivio delle Esperienze; catalogate e registrate, le variabili dei rossi come dei marroni dei pellami e delle stoffe, tra i bianchi e i neri delle pietre, suggeriscono e dettagliano la definizione di ogni volume, orientando il nostro gusto verso la giusta definizione di casa.

L’intimità non rappresenta, nella definizione della nostra casa, un sistema chiuso e inaccessibile ma un luogo amato, che esige rispetto per le sue qualità e per i nostri valori; l’intimità rappresenta il risultato finale di quello che, in maniera ottimale, chiarisce le intenzioni che ci hanno condotto a fare la scelta di un divano in dialogo con due poltrone, mentre una luminosa serie di piani circolari di appoggio

offre dinamismo allo spazio. Percorriamo la casa lungo le animate ore del giorno, mentre la notte ci intratteniamo nel silenzio che infine ci avvolge, ma è sempre e comunque il clima di intimità a definire quella ricerca della bellezza che ha orientato le nostre scelte. In questo clima elegante e prezioso la casa e la nostra esistenza si apprestano anche a inserirsi in un rapporto di condivisione, di selettiva ospitalità. Se il grande tavolo assume la morbida linea ovale per ricevere i nostri ospiti, il divano del salotto si offre alla dimensione della conversazione in un clima di assoluta serenità; se il piano prezioso in equilibrio perfetto tra l’anello di marmo e l’estesa luminosità del cristallo suggerisce la forza e il rigore dei materiali e delle forme, la policromia dei tessuti invita alla percezione di quella delicatezza che tesse l’espressione dei sentimenti.

A conclusione di questo lungo percorso di ricerca e documentazione possiamo affermare di aver saputo affrontare il territorio del lusso, partendo dalle parole di Charles Baudelaire “*Là, tout n’est qu’ordre et beauté, / Luxe, calme et volupté*”, scegliendo realmente di dare risposte e soluzioni a questo termine importante nella storia dell’arte di ogni tempo e di tutte le geografie culturali del pianeta. La bellezza appartiene infatti a una infinità di luoghi e territori, di popolazioni e società tanto diverse per cultura e per spiritualità, che fanno costantemente rinnovarsi lungo le epoche, toccando picchi di eleganza sempre inimmaginabili. La dimensione di questo patrimonio, ora raro e segreto ora manifesto ed estremo, ha indirettamente ispirato l’intera produzione, ponendo come obiettivo da raggiungere quello della relazione bellezza e lusso attraverso la creatività e le tecniche antiche, sostenute dalla sperimentalità della contemporaneità. Guardando e studiando l’eredità nobile del passato, abbiamo la certezza che non esiste una scala di valori nella narrazione del lusso, che non sia possibile ipotizzare e selezionare le nostre preferenze inquadrando all’interno di un sistema rigido di giudizio, avendo maturato la certezza che nel tempo di ‘un battere di ciglia’ tutto possa cambiare, in un ‘colpo d’ala’ tutto possa essere ribaltato. Sappiamo quanto nella stagione contemporanea le questioni e gli interessi che

ruotano intorno al lusso siano stati maldestramente utilizzati deviando dall’effettivo valore a cui il termine dovrebbe far riferimento, in ragione della sua storia. L’obiettivo che ci siamo posti e che riteniamo di rappresentare è l’affermazione della sua essenza. Abbiamo così deciso di affrontare il confronto con lo spessore di ciò che definisce la cultura dell’eleganza, di una bellezza che non può essere solo formale, ma che si arricchisce del contenuto prezioso delle materie della terra, rivestendo ogni arredo di quella rara condizione di autenticità che si consolida nella stabile imperturbabilità del tempo:

*“Dei mobili luccicanti,
Lucidati dagli anni,
Decorano la nostra camera;
I più rari fiori
Mescolando i loro odori,
Dai vaghi sentori di ambra,
I ricchi soffitti,
Gli specchi profondi,
Lo splendore orientale,
Tutto ci parlerà
A l’anima in segreto
La sua dolce lingua natale.*

*Là, tutto non è che ordine e bellezza,
Lusso, calma e voluttà.”*¹

C. Baudelaire, *L’invitation au voyage*, 1857

¹ Traduzione dell’autore.

Nato a Roma nel 1954, Andrea B. Del Guercio vive tra Milano e Friburgo. È titolare della Cattedra di Storia dell’Arte Contemporanea all’Accademia di Belle Arti di Brera. Commissario per la Biennale Internazionale d’Arte di Venezia nel 1988 e per gli eventi collaterali del 2005. Tra il 1990 e il 1994 è stato presidente dell’Archivio delle Avanguardie Storiche Fondazione Primo Conti a Firenze. È curatore di grandi mostre e di progetti speciali, volumi monografici e tematici.

Il Ciliegio | The Cherry Tree

Letto / Bed

Come sulla superficie di una tela, le cuciture vengono “dipinte” seguendo un disegno armonico e sensuale che si sviluppa su tutta la testata per creare un’emozione, un’esperienza, un sogno. Le fasce perimetrali sono rivestite con lo stesso materiale della testata e si uniscono con la pediera attraverso due piedini in fusione di bronzo. Questi ultimi, alti e sottili, donano leggerezza e garantiscono una percezione tridimensionale del manufatto. I piani dei comodini, come fossero due piccole tavolozze “pittoriche”, con il loro oggetto esaltano maggiormente la lievità della testata. Un sinuoso piedino a stelo li ancora alla base, come fossero sostenuti dalla mano di un artista. In questo oggetto vengono esaltate le fusioni bronzee, insieme alla maestria delle lavorazioni del pellame.

As on the surface of a canvas, the seams are “painted” according to a harmonious and sensual design that develops over the entire headboard to create an emotion, an experience, a dream. The perimeter strips are covered with the same material as the headboard and are joined to the footboard by two small cast-bronze feet. These, tall and slender, lend grace to the bed and guarantee a three-dimensional perception of the structure. The surfaces of the bedside tables, like two small painter’s palettes, further enhance the lightness of the headboard with their jutting position. A sinuous foot at the end of a graceful stem anchors them to the base, as if they were supported by an artist’s hand. In this object, the cast bronze details are emphasized, along with the fineness of the leather work.

Le Ginestre | The Scotch Broom

Toeletta, Comò, Comodino

Dressing Table, Dresser, Bedside Table

La forma discreta e avvolgente rimanda ad atmosfere di sapore antico. La morfologia di questi prodotti vuole reinterpretare, nei mobili, le linee architettoniche ovali ed ellittiche così sapientemente espresse nella cultura barocca. La scocca rivestita in pergamena ne esalta la curvilinearità e crea suggestivi giochi di tramatura. Le gambe sottili e alte con puntali in metallo valorizzano la sobria eleganza di questo prodotto. L'incastonatura di un top in onice completa il comodino e dona armonia ed eleganza.

Per la toeletta vi è l'aggiunta di uno specchio, anch'esso di forma ellittica, montato su un supporto a forcella che permette un'oscillazione longitudinale.

The unobtrusive and enveloping form hails from afar. The morphology of these products aims to reinterpret in the furniture the oval and elliptical architectural lines so skillfully expressed by the Baroque culture. The structures are covered with parchment, which highlights their curved lines and creates interesting textural effects. The slender, brass-tipped legs emphasize the sober elegance of this line. The inlaid onyx tabletop completes the bedside table and creates a harmonious and elegant look. The dressing table includes a mirror, also elliptical in shape, mounted on a forked support that allows it to be tipped up or down.

Il Cirmolo | The Swiss Pine

Letto / Bed

*Allora il Sonno dalla marea dei suoi mille figli destò
Morfeo, un talento nell'assumere qualsiasi sembianza.
(Ovidio)*

Come in un abbraccio tra le sue ali, il disegno della testata rimanda alla figura mitologica di Morfeo. Gli inserti in pelle imbottita seguono la curvatura di testata che suggerisce e amplifica la sensazione dell'abbraccio. Il giro letto, anch'esso trattato con ricami in pelle, completa la sensazione di uniformità e esalta il valore estetico del prodotto.

*Out of the multitude—his thousand sons—
the god of sleep raised Morpheus by his power.
Most skillfull of his sons, who had the art
of imitating any human shape...
(Ovid)*

Like an embrace between his wings, the headboard design refers to the mythological figure of Morpheus. The padded leather inserts follow the curve of the headboard, which suggests and intensifies the feeling of the embrace. The bedframe, upholstered with embroidered leather, completes the sensation of uniformity and highlights the aesthetic value of the product.

Le Tamerici | The Salt Cedars

Scrittoio, Comò, Comodini, Toeletta

Writing Desk, Dresser, Bedside Tables, Dressing Table

Il rivestimento in pelle “abbraccia” le strutture dello scrittoio, del comò, dei comodini e della toeletta. Questo elemento decorativo si ritrova anche nelle lavorazioni di facciata dei cassetti, creando un legame visivo ed emozionale con la testata del letto. I masselli dei piedini e delle cornici esaltano le lavorazioni dell'essenza lignea e donano eleganza al manufatto.

The leather cladding “embraces” the structures of the writing desk, the dresser, the bedside tables, and the dressing table. This decorative element is also found in the workmanship of the drawer fronts, creating a visual and emotional link with the bed’s headboard. The solid wood feet and the frames highlight the workmanship of the woods and lend elegance to these pieces.

Il Gelso | The Mulberry

Tavolo / Table

La plasticità scultorea del tavolo esplicita la mirabile lavorazione dei materiali lapidei, dell'incastonatura del vetro e dei metalli. Il basamento, composto da tre spirali in torsione, dona al manufatto una leggerezza e una dinamicità che sembrano sfidare le leggi della gravità. La cornice del top in marmo incastonata col cristallo esalta il contrasto tra pieno/vuoto, leggero/pesante, e dona al prodotto un equilibrio naturale. Il tavolo, pur avendo una "presenza importante", lascia che gli arredi e gli oggetti interagiscano in maniera armonica, perché la forma elicoidale dello stesso crea un coinvolgimento di tutto lo spazio arredativo.

The sculptural harmony of the table clearly shows the excellent craftsmanship used in its creation, from the stone carving to the settings for the glass and metal parts. The base, made up of three curved stone spirals, lends such a lightness and dynamism to the structure that it seems to challenge the laws of gravity. The marble setting for the crystal tabletop exalts the contrasts between full/void, lightness/heaviness, endowing the piece with a natural equilibrium. Notwithstanding its significant presence, this table allows the furniture and objects to interact harmoniously, since its helical shape involves the entire furnished space.

La Robinia | The Locust Tree

Tavolo / Table

Questo tavolo mostra la mirabile lavorazione di una lamina in ottone, utilizzata come intarsio e inserita come elemento decorativo. Il gioco di luci, esaltate dalla geometria a ventaglio, crea un movimento a vortice infinito. Il disegno del fusto è ottenuto dalla proiezione tridimensionale della pianta e il top è ottenuto attraverso un intarsio bicolore in pietra semipreziosa e marmo.

This table showcases an admirable workmanship using brass foil as inlay, introduced as a decorative element. The play of light, enhanced by the fan-like geometry, creates an infinite vortex movement. The design of the pedestal was obtained from the three-dimensional projection of the inlay design. The tabletop was made using a two-toned inlay technique with semi-precious stone and marble.

Il Platano | The Plane Tree

Tavolo / Table

Il tavolo riprende le linee e le forme canoniche dell'arte classica, sviluppando ed esaltando i principi della curva e del cerchio in tutte le loro parti. Anche il disegno a intarsio in ottone sul piano in marmo suggerisce un'ellisse contenente un cerchio, che si sviluppa a sua volta per cerchi concentrici attorno all'area centrale. Il basamento del tavolo è ricavato dalla piegatura del massello sapientemente lavorato. Il contrasto materico delle due essenze, poste l'una accanto all'altra, sottolinea ancora di più la difficoltà di lavorazione del materiale.

The table goes back to the canonical lines and shapes of classical art, developing and exalting the principles of the curve and the circle in all their parts. The inlaid brass design on the marble tabletop suggests an ellipse that contains a circle, which in turn develops by concentric circles around the central area. The base of the table is formed by the skillful bending of solid wood. The material contrast of the two types of wood, set one alongside the other, further highlights the complexity of the process.

Il Cipresso | The Cypress

Tavolo / Table

Le gambe a sezione variabile, sapientemente tornite, sono l'elemento caratterizzante del tavolo. Posizionate obliquamente agli angoli dello stesso, rompono la rigida simmetria rettangolare e creano un continuum con il piano che, contenuto nella fascia perimetrale, scompare alla vista. Sulla sommità delle gambe sono incastonati degli elementi in pietra semipreziosa (Occhio di Tigre), che, attraverso i bellissimi riflessi di luce ondeggianti, impartiscono alla pietra un effetto detto "fiammeggiante".

The tapered legs, expertly shaped, are the characterizing element of this table. Positioned at its corners, the beveled leg posts interrupt the rigid rectangular symmetry and create a continuum with the tabletop, which, contained by the perimeter strip, vanishes from sight. The tops of the posts are inlaid with semi-precious stone elements (Tiger's Eye), which show beautiful glimmers of undulating light, creating the so-called "flaming effect."

L'Agrifoglio | The Holly

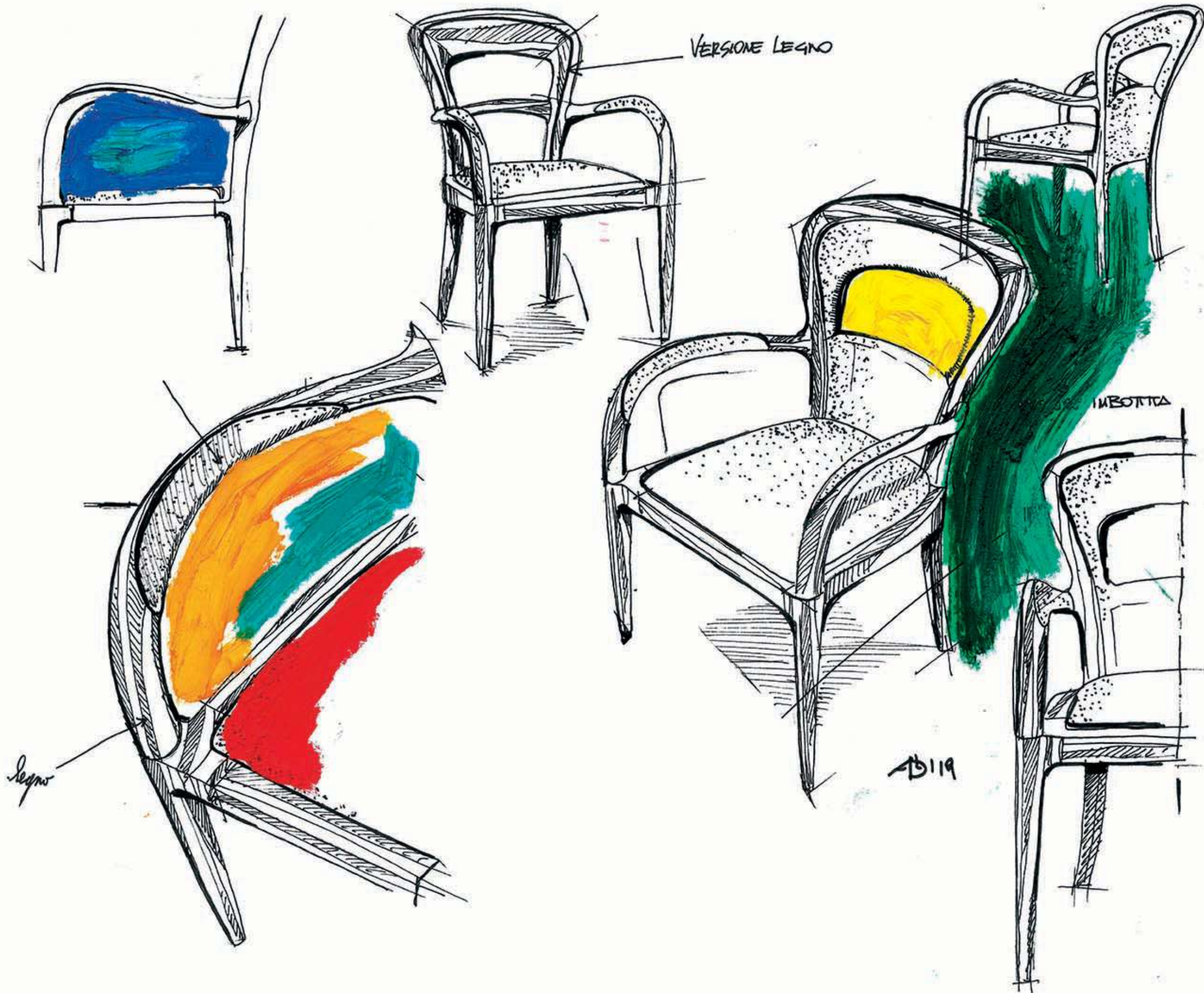
Sedia / Chair

Questa sedia coniuga la maestria della lavorazione del legno con l'artigianalità della lavorazione della pelle. Le forme morbide e avvolgenti conferiscono alla seduta una armonia e una sensualità che la rendono piacevole alla vista e al tatto tipica degli interni del *car design* più lussuoso. La lavorazione del pellame è ottenuta attraverso una sorta di incastonatura nella struttura lignea che ne viene avvolta creando una vera e propria seconda pelle. Nella versione con il bronzo, si arricchisce attraverso l'inserimento di un dettaglio in bronzo del bracciolo.

This chair combines fine woodworking skills with the craftsmanship of leather processing. The soft and enveloping forms lend the seat harmony and sensuality, which make it pleasing to the eye and to the touch, as is typical of the interiors of the most luxurious car designs. The leatherwork was done by means of a sort of inlay technique, wrapping the leather around the wood framework, creating an actual second skin. In the bronze version, the chair is enriched through the inclusion of a bronze detail in the armrest.

VERSIONE LEGNO

legno

ABOTTA

19

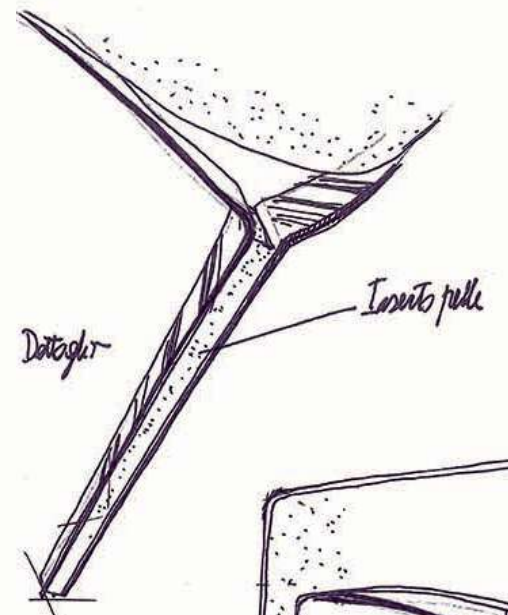
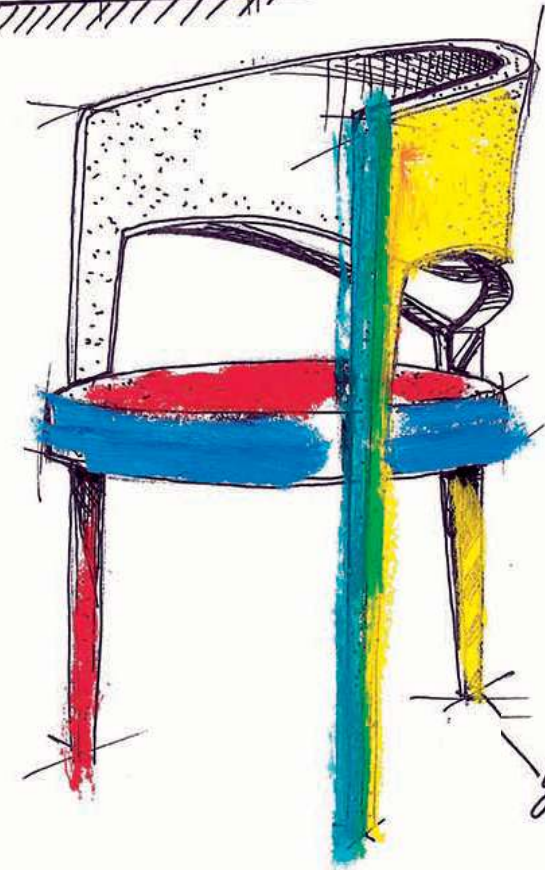
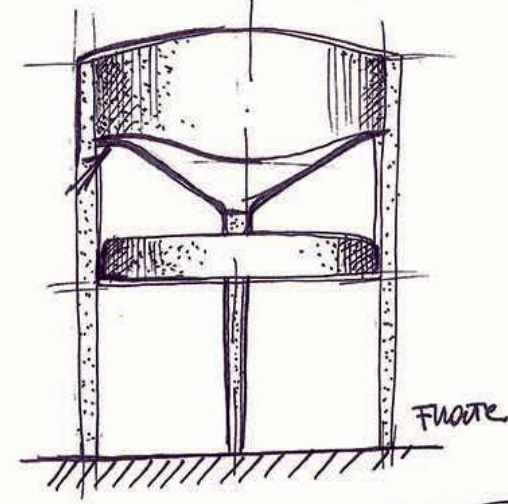
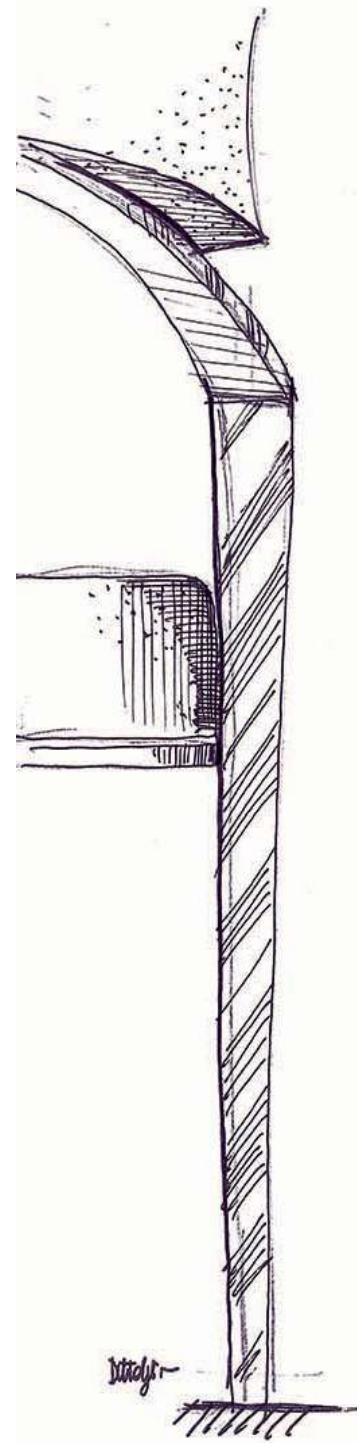
L'Oleandro | The Oleander

Sedia / Chair

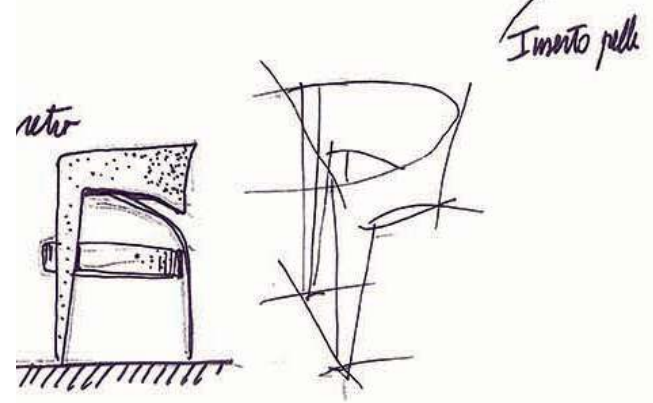
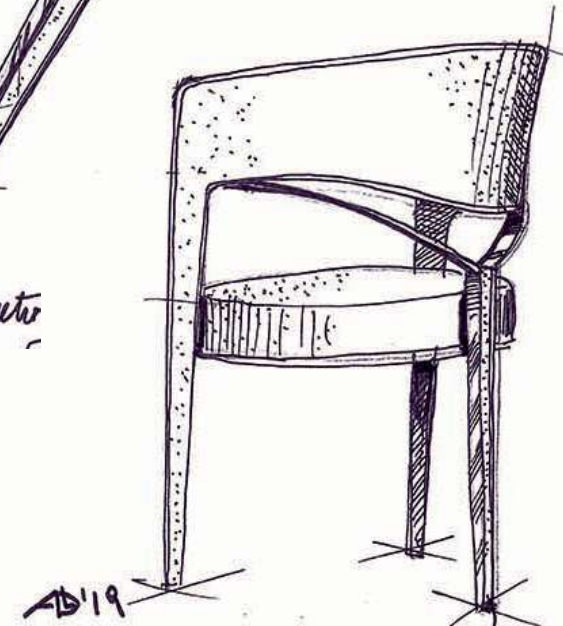
La forma a treppiede di questa sedia la caratterizza in modo significativo. Lo schienale imbottito e avvolgente prosegue a formare le due gambe frontali. La gamba posteriore si discosta completamente dalla morfologia delle sue omonime anteriori. In questo caso l'ottone prende la forma di uno stiletto dalla linea altamente evocativa. Nello stelo di quest'ultima vi è poi un dettaglio in pelle o tessuto che ne esalta ancor di più la leggerezza e la sua tipica forma a "Y". La seduta, con leggera imbottitura, è libera da vincoli strutturali e non preclude la vista di questa particolare silhouette.

The tripod design of this chair strongly characterizes it. The line of the padded, wrap-around back goes on to form the two front legs. The morphology of the rear leg is completely different from that of the front ones. In this case, the brass assumes the form of a dagger with a highly evocative line. In it, the shaft includes a leather or fabric detail that further exalts its lightness and the distinctive "Y" shape. The seat, lightly padded, is free from structural constraints and does not preclude the sight of this particular silhouette.

gamba retro
altina

Il Prugnolo | The Blackthorn

Sedia, Poltroncina / Chair, Armchair

Il disegno dello schienale è suggerito dalla forma di una Calla o Giglio del Nilo. Questo delicato fiore ha una struttura avvolgente e la lunga spatola a forma d'imbuto ne suggerisce un utilizzo diverso. È da questo spunto che è nato il concept per lo studio e il progetto di una seduta comoda ed ergonomica. La base ricavata con sottili profili metallici esalta la "corolla" della seduta, rendendola equilibrata, leggera e armonica.

The design of the backrest is suggested by the shape of a Calla or Lily of the Nilo. This delicate flower has an enveloping structure and the long, funnel-shaped spathe suggests a different use. This was the idea that inspired the study and design of a comfortable and ergonomic armchair. The base, made with slender metal strips that highlight the "corolla" of the seat, makes a balanced, graceful, and harmonious whole.

I Corbezzoli | The Strawberry Trees

Poltroncina / Armchair

Nella poltroncina i rimandi alla moda sono evidenti grazie alla scelta di alcuni dettagli. La cerniera in ottone cromato nero che si estende su tutto il suo profilo conferisce al prodotto un'eleganza e suggerisce la forma di una borsa di alta moda. Le quattro gambe a sciabola esaltano il tema della linea infinita che si sposa bene con le forme femminili della poltroncina. La base sottile ed essenziale slancia la scocca di seduta e ne valorizza il tratto plastico.

In this armchair, references to fashion are explicit, thanks to the choice of some details. The black chromed brass zipper that extends along the entire silhouette lends elegance, suggesting the form of a high-fashion handbag. The four saber-legs highlight the theme of the infinite line that perfectly fits the feminine forms of the armchair. The slim and essential base streamlines the seat and emphasizes its sculptural lines.

La Quercia | The Oak Tree

Credenza / Sideboard

La forma a onda dell'intero corpo centrale conferisce alla credenza un moto infinito che proietta le sue linee oltre l'orizzonte del piano e diventa un unicum con l'ambiente circostante. L'utilizzo di materiali nobili come Palissandro, Erable blu, fusioni di bronzo e pietre semipreziose concorre a una esperienza emotiva raggiunta attraverso mirabili giochi di luce. L'Erable blu viene esaltato grazie all'illuminazione dei due "scrigni bar" laterali. Le ante, con l'inconsueta apertura ad angolo, amplificano il momento di meraviglia. L'intero corpo della credenza poggia su un basamento in fusione di bronzo che lo rende leggero e sobrio. Le lunghe maniglie sulle ante centrali conferiscono una unicità di linguaggio assoluta. Infine il top è esaltato dall'incastonatura della Labradorite su tutta la superficie del piano. La caratteristica principale di questo splendido materiale è il fenomeno ottico della labradorescenza, che si presenta come uno scintillio di lampi di colore azzurro, viola, verde, giallo e arancio, colori tipici anche di molte culture orientali.

The waveform of the entire central body endows this sideboard with an infinite motion that projects its lines beyond the horizon of the surface and becomes one with the surrounding room. The use of such noble materials as Rosewood, Blue Erable, bronze castings, and semi-precious stones contributes to an emotional experience, also attained through wonderful plays of light. The Blue Erable is exalted by the lighting of the liquor cabinets on either side. The cabinet doors, with their unusual corner opening, enhance the wonder. The entire body of the sideboard rests on a cast bronze base that makes it appear light and simple. The long handles on the central doors endow the piece with an absolute indivisibility of language. Finally, the entire top surface is enhanced by the inlaid Labradorite. The primary characteristic of this splendid material is the optical phenomenon of Labradorescence, which appears as shimmering blue, purple, green, yellow, and orange flashes, colors typical of many Eastern cultures.

La Palma | The Palm Tree

Credenza / Sideboard

La credenza si presenta come un antico e prezioso forziere che al suo interno custodisce e protegge un raro tesoro. In questo mobile sono presenti i caratteri distintivi di forme geometriche che rimandano al periodo Decò. L'aspirazione e la ripetitività del tratto bicolore degli intarsi creano giochi ottici che si sposano bene con le forme romboidali delle maniglie. Queste ultime, trattate come gioielli, hanno incastonati dei dettagli in pietra semipreziosa come L'Occhio di Tigre. Questa scelta progettuale dona al fronte della credenza un armonico gioco geometrico. L'interno è esaltato non solo dal motivo a intarsio delle ante, ma anche e soprattutto dall'utilizzo dell'essenza di Zebrano o Noce Canaletto, creando un forte contrasto cromatico ed emozionale. Gli ottoni e il marmo del top completano il valore del mobile e conferiscono maestosità al manufatto.

This sideboard looks like an antique and precious strongbox that contains and protects a rare treasure. It is characterized by geometric forms that recall the Deco period. The overemphasis and repetition of the two-toned line of the inlay work create optical effects that match the rhomboid shapes of the handles. The latter, treated as jewels, have inlaid semi-precious stone details such as Tiger's Eye. This design choice creates a harmonious geometric effect on the front of the sideboard. The interiors of the cabinet are enhanced not only by the inlay motif of the doors, but also, and especially, by the use of Zebrawood or American Black Walnut, which creates a strong chromatic and emotional contrast. The brass and the marble of the top surface complete the value of the furnishing and confer majesty on it.

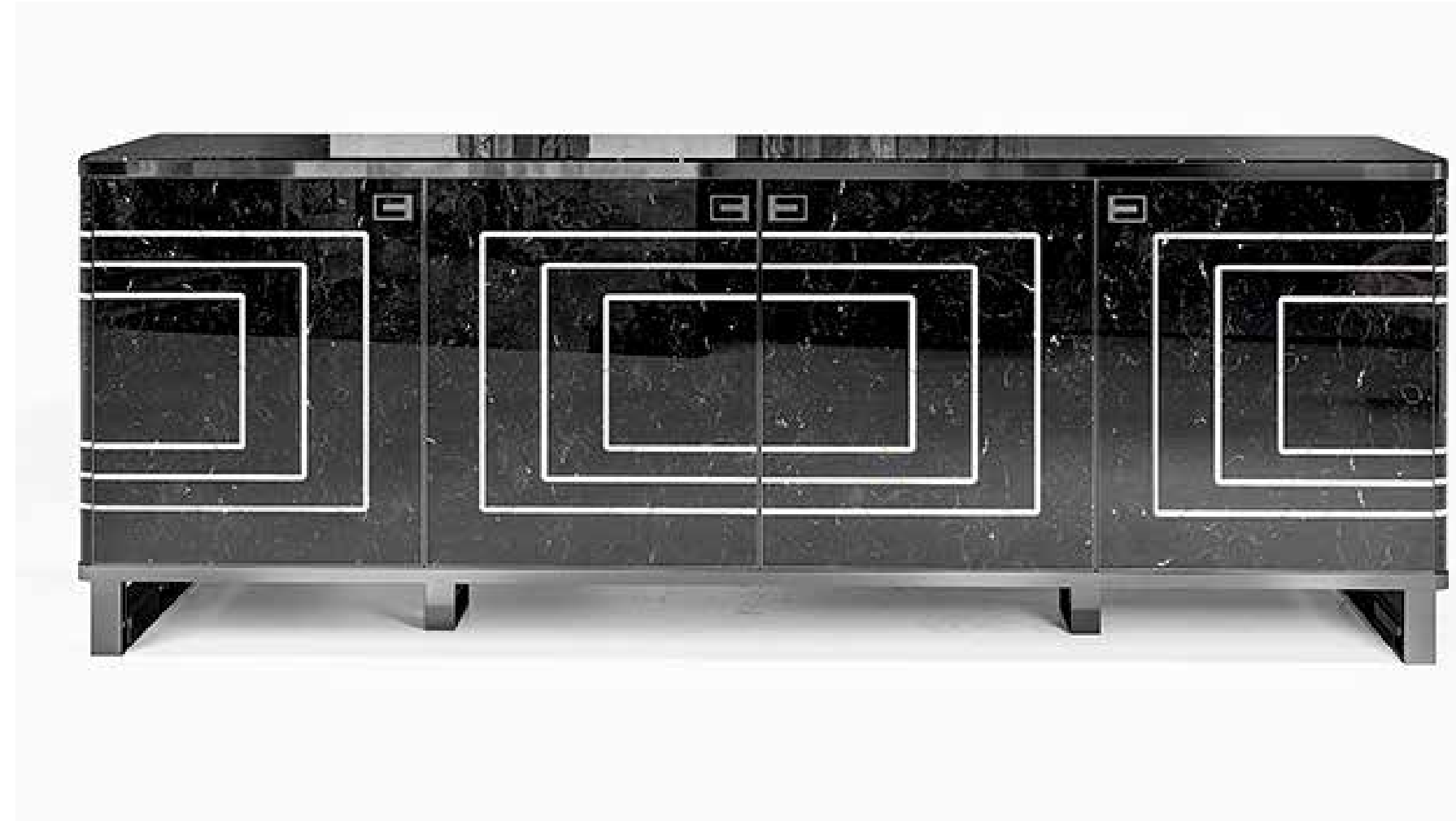

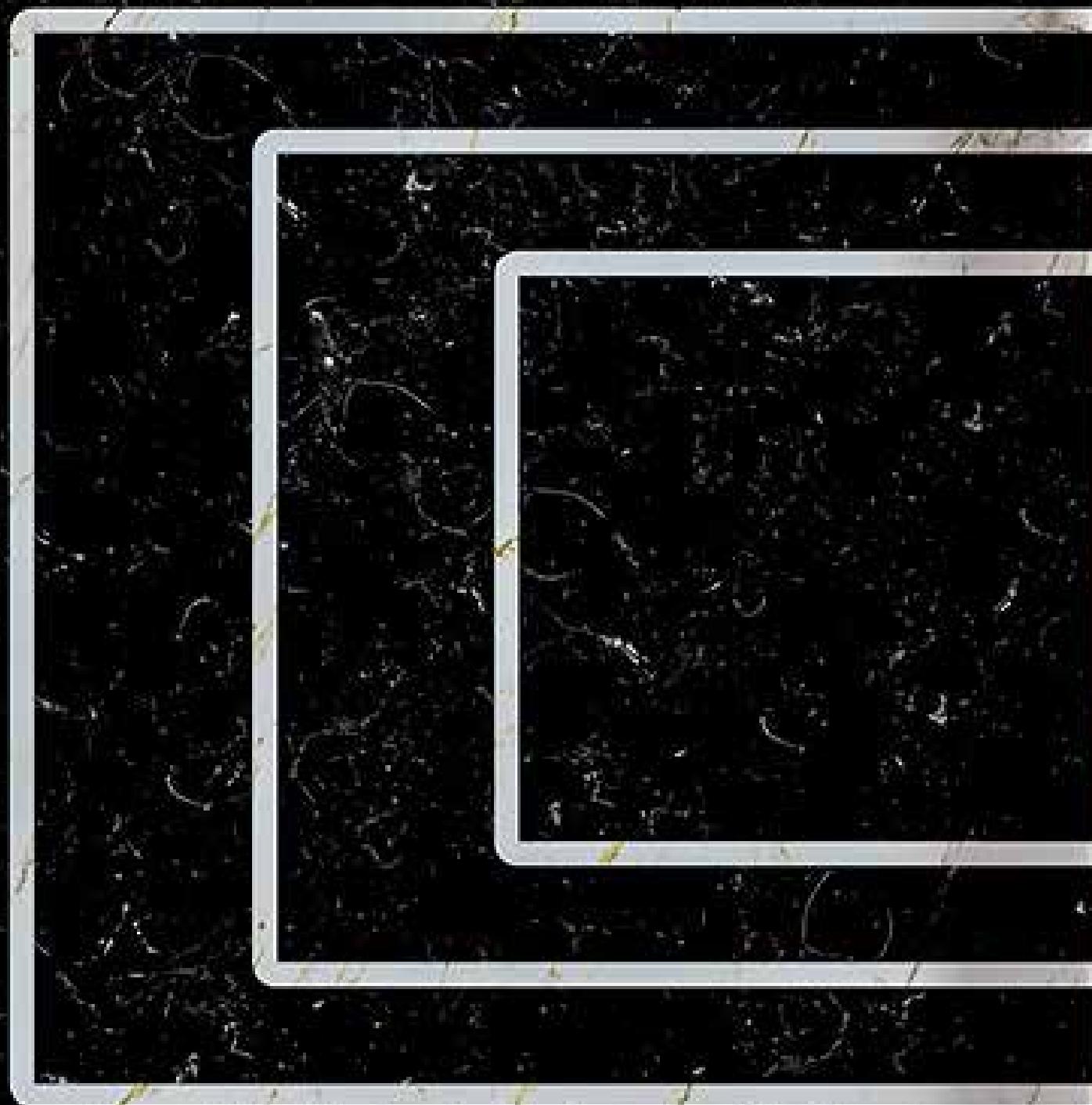
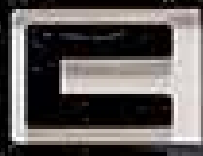
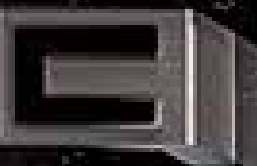
La Camelia | The Camellia

Credenza / Sideboard

In questo caso il “ricamo” marmoreo si sviluppa anche sulle spalle. Con questo espediente grafico il manufatto non si legge più solo attraverso le classiche proiezioni ortogonali, ma spinge la vista a leggere la tridimensionalità della credenza. Il basamento in ottone cromato nero esalta la dimensione luminosa di insieme.

In this case, the marble “embroidery” wraps around to the sides. With this graphic device, the piece is no longer read simply through classical orthogonal projections, but instead encourages the gaze to perceive the three-dimensionality of the sideboard. The black chromed brass base heightens the luminous dimension of the whole.

L'Eucalipto | The Eucalyptus

Divano, Poltrone, Vis-à-vis, Dormeuse

Couch, Armchairs, Vis-à-vis, Dormeuse

La scocca a tulipano con i fianchi alti e larghi offre una seduta comoda e avvolgente. La lavorazione a capitonné, in contrasto con lo schienale liscio e continuo, crea un affascinante contrasto materico tra interno morbido e accogliente ed esterno rigido e continuo. Il profilo segue una linea ondulatoria continua e ne determina la caratteristica silhouette. Nelle poltroncine Vis-à-vis e nella Dormeuse queste linee sono esasperate e creano un gioco intimo ed intrigante.

The tulip-shaped body with the high and wide sides offers a comfortable and cozy seat. The *capitonné* padding, in contrast with the smooth and continuous line of the backrest, creates a fascinating material contrast between soft and welcoming inside and a rigid and continuous outside. The profile follows a continuous wavy line and determines the distinctive silhouette. In the vis-à-vis armchairs and the dormeuse, these lines are exaggerated and create an intimate and intriguing effect.

Il Castagno | The Chestnut Tree

Divano, Poltrona / Couch, Armchair

La particolarità di questo imbottito risiede nella lavorazione a doghe della seduta e dello schienale. Questo dettaglio grafico riprende le lavorazioni delle preziose tappezzerie delle auto d'epoca. La cornice in legno, che si sviluppa lungo tutta la silhouette, e il particolare tipo di lavorazione a "saponetta", riprende i lussuosi dettagli del *car design* di grandi marche automobilistiche. Il basamento, anch'esso in legno, completa il quadro stilistico e consegna un prodotto curato, prezioso e di stile.

The outstanding feature of this upholstered set is the slat motif shown on the seat and the backrest. This graphic detail recalls the workmanship of the exquisite upholstery of classic cars. The wooden frame, which develops along the entire silhouette of the sofa, and the particular type of workmanship recall the deluxe details of the car design of great automotive brands. The base, also in wood, completes the stylistic picture and delivers a refined, valuable, and stylish product.

La Magnolia | The Magnolia

Divano / Couch

I fianchi importanti e sagomati donano al prodotto una solennità che evoca la regalità di troni di età antiche. Questo principio è utilizzato anche nell'imbottitura della seduta che, nonostante il disegno monolitico, garantisce una grande comodità. La sagomatura variabile dei due cuscini centrali crea l'effetto di una cimasa a corona che completa l'immagine solenne del divano. Il gruppo di morbidi cuscini adagiati sulla seduta garantiscono l'effetto di comfort e accentuano ulteriormente la relazione differenza tra un interno morbido e accogliente e un esterno solido e protettivo. Gli inserti in pelle sulle teste dei braccioli e lungo tutta la sagoma, come medioevali bordure, accentuano la silhouette particolare di questo imbottito. Il basso e sporgente basamento in legno consolida e completa la percezione monumentale del manufatto. Questo divano rappresenta la "maestosità" nel genere degli imbottiti.

The imposing and contoured sides lend solemnity to the piece, evoking the majesty of ancient thrones. This principle is also used in the padding of the seat that, in spite of the monolithic design, guarantees great comfort. The variable shape of the two central cushions creates the effect of a crown-like cymatium completing the solemn image of the sofa. The group of soft cushions scattered on the seat guarantees the comfort and further accentuates the relationship between a soft and welcoming inside and a solid and protective outside. The leather inserts at the heads of the armrests and all along the outline, like Medieval decorations, highlight the particular silhouette of this sofa. The low and projecting wooden base consolidates and completes the monumental perception of the piece. This sofa represents "majesty" in the area of upholstered furniture.

Il Frassino | The Ash Tree

Divano, Poltrona / Couch, Armchair

Come in una soffice culla si viene avvolti da un caldo abbraccio attraverso l'imbottitura in piuma dei cuscini strutturali. Il rimando alle lavorazioni artigianali di borse e oggetti di alta moda è evidente. Il basamento in ottone lucido dona un senso di stabilità e conferisce valore al manufatto. La particolarità di questo imbottito è il senso di morbidezza che si percepisce sia visivamente che al tatto.

The down-filled upholstery makes you feel as if you were in a soft cradle, wrapped in a warm embrace. The reference to the craftsmanship of handbags and haute couture is obvious. The polished brass base lends a sense of stability and enhances the value of this upholstered set, which is further emphasized by the extraordinary softness that is perceptible both visually and to the touch.

Il Tiglio | The Linden Tree

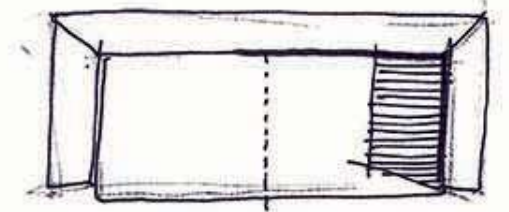
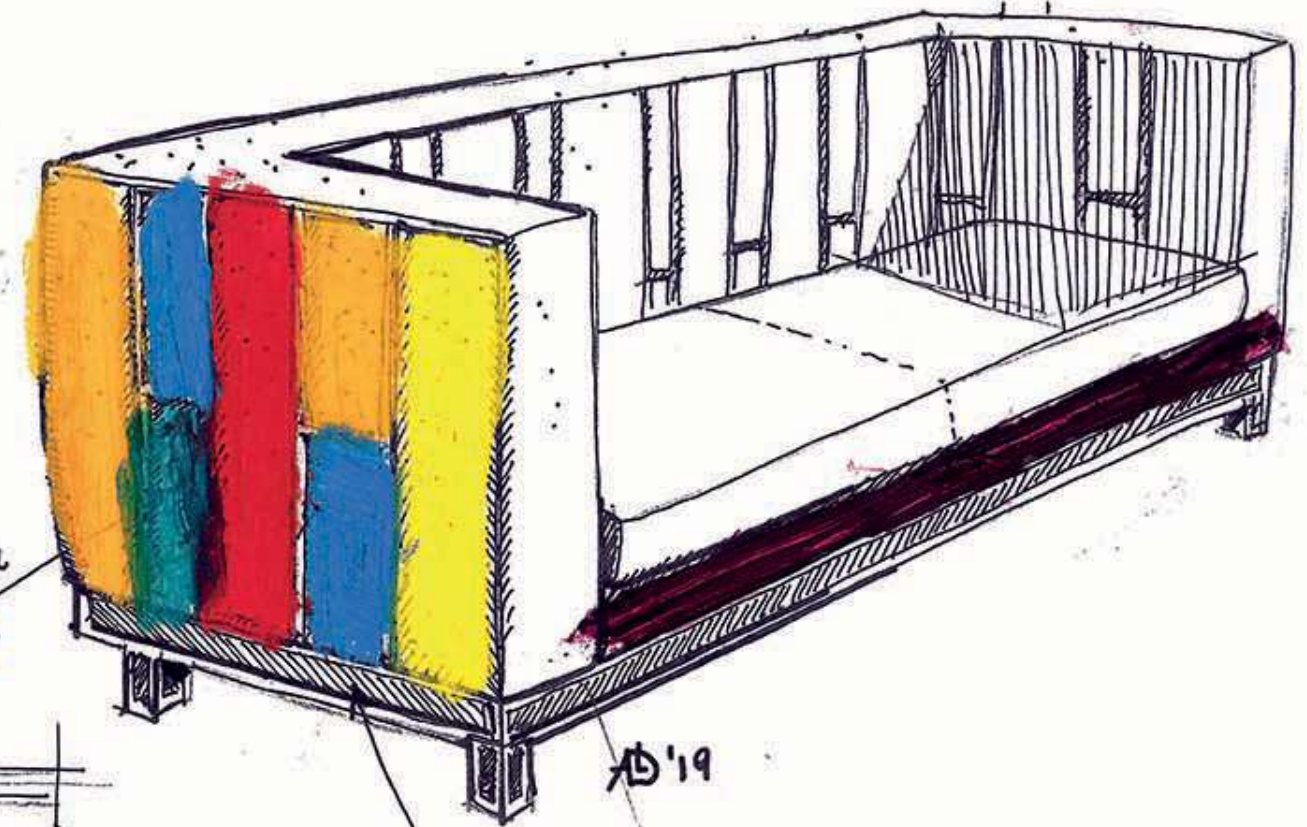
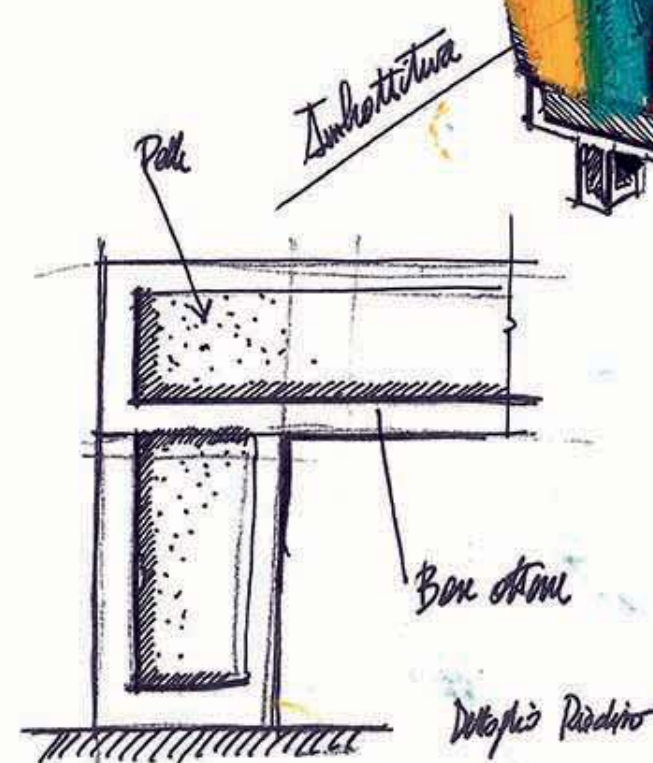
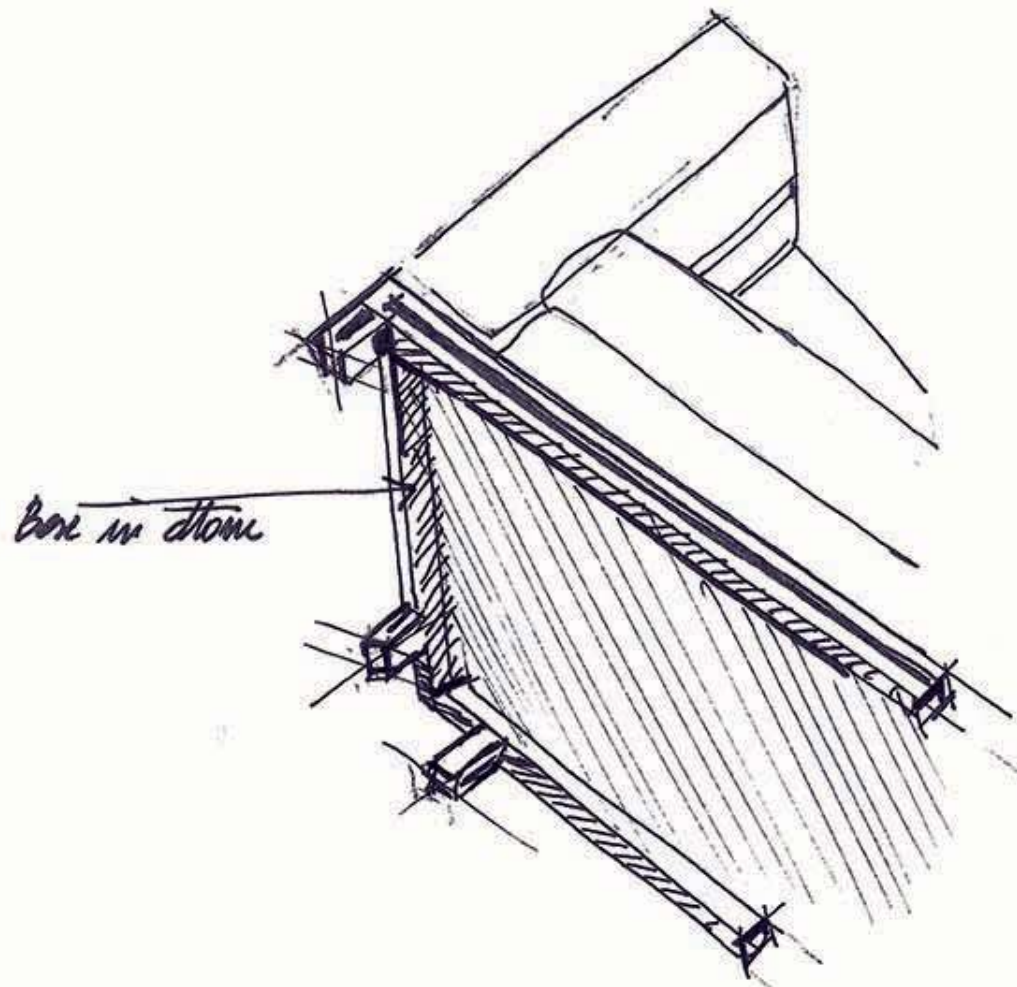
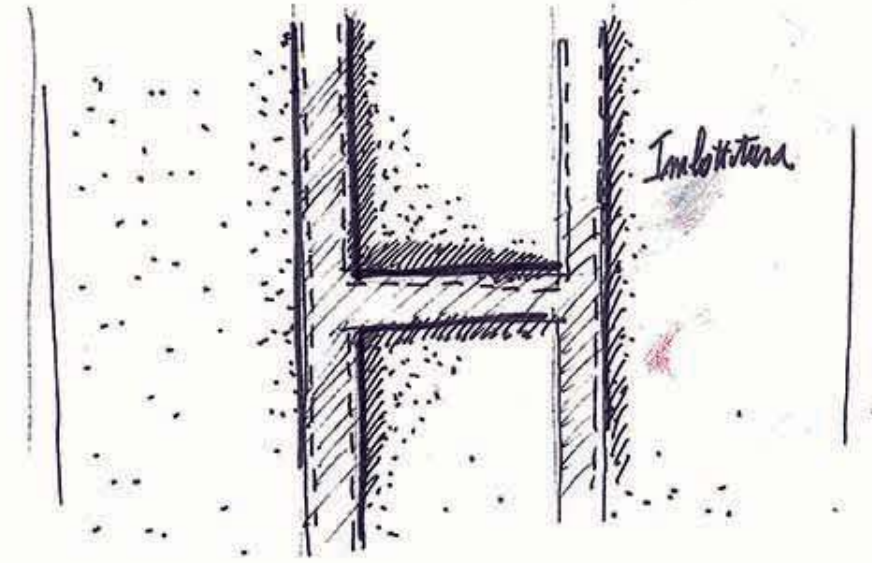
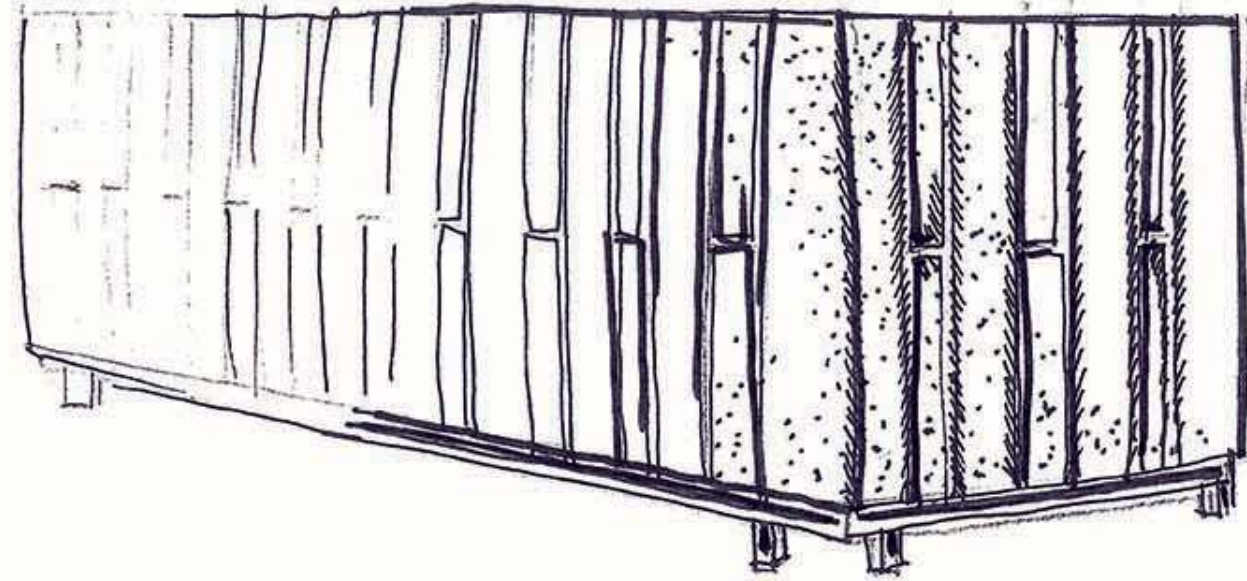
Divano, Poltrona / Couch, Armchair

Il bugnato memore di architetture gentilizie caratterizza la tramatura di questo imbottito. L'evocazione si esplicita nella lavorazione a matelassé della scocca e il dettaglio grafico rimanda alle trapuntature classiche dell'artigianato tessile. Il basamento in ottone viene trattato come un bracciale con preziose incastonature. Nel caso specifico, le bordure riprendono i caratteri cromatici della scocca, regalando un quadro d'insieme coerente e continuo.

This upholstered set is characterized by a texture reminiscent of the rustication found in ancient aristocratic architecture. The suggestion is expressed in the *matelassé* leather of the body, while the pattern evokes a classic stitching technique used in the textile arts. The brass base is treated like a bracelet with precious mounts. In this specific case, the throw pillows pick up the colors of the body, rendering a coherent and uninterrupted overall picture.

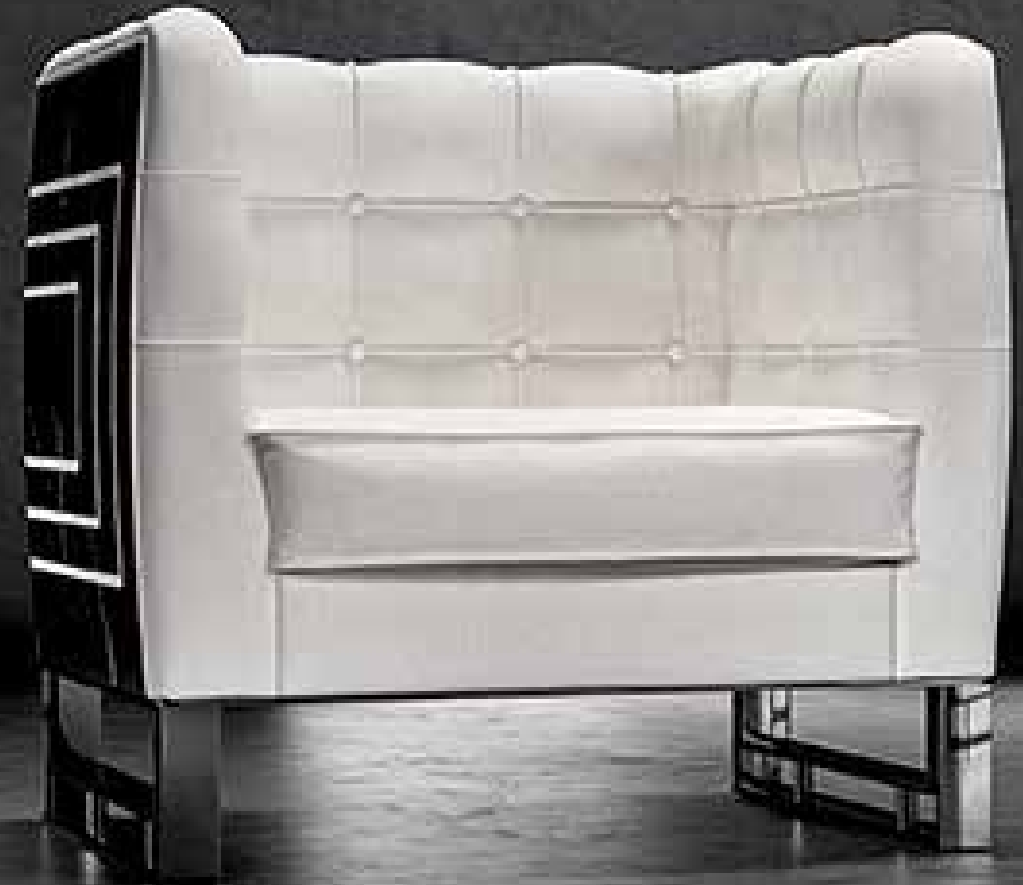

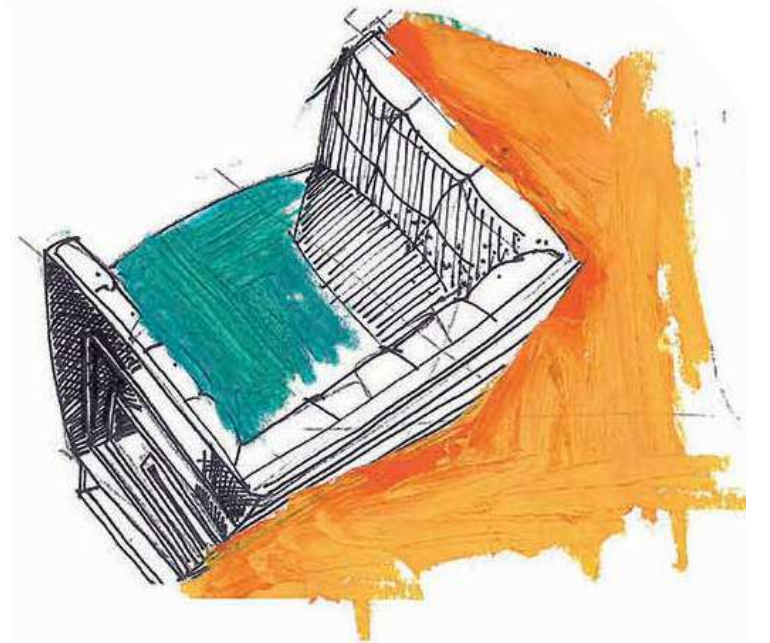
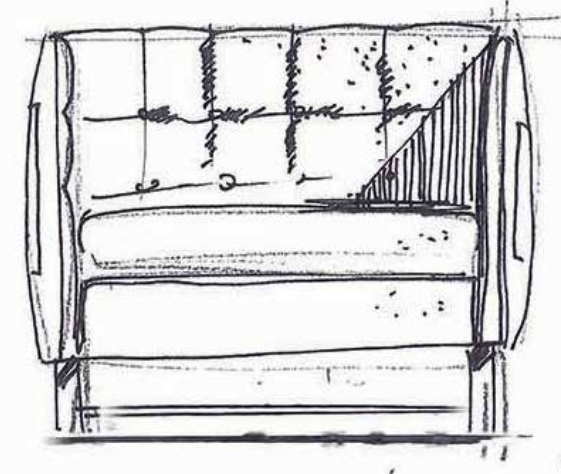
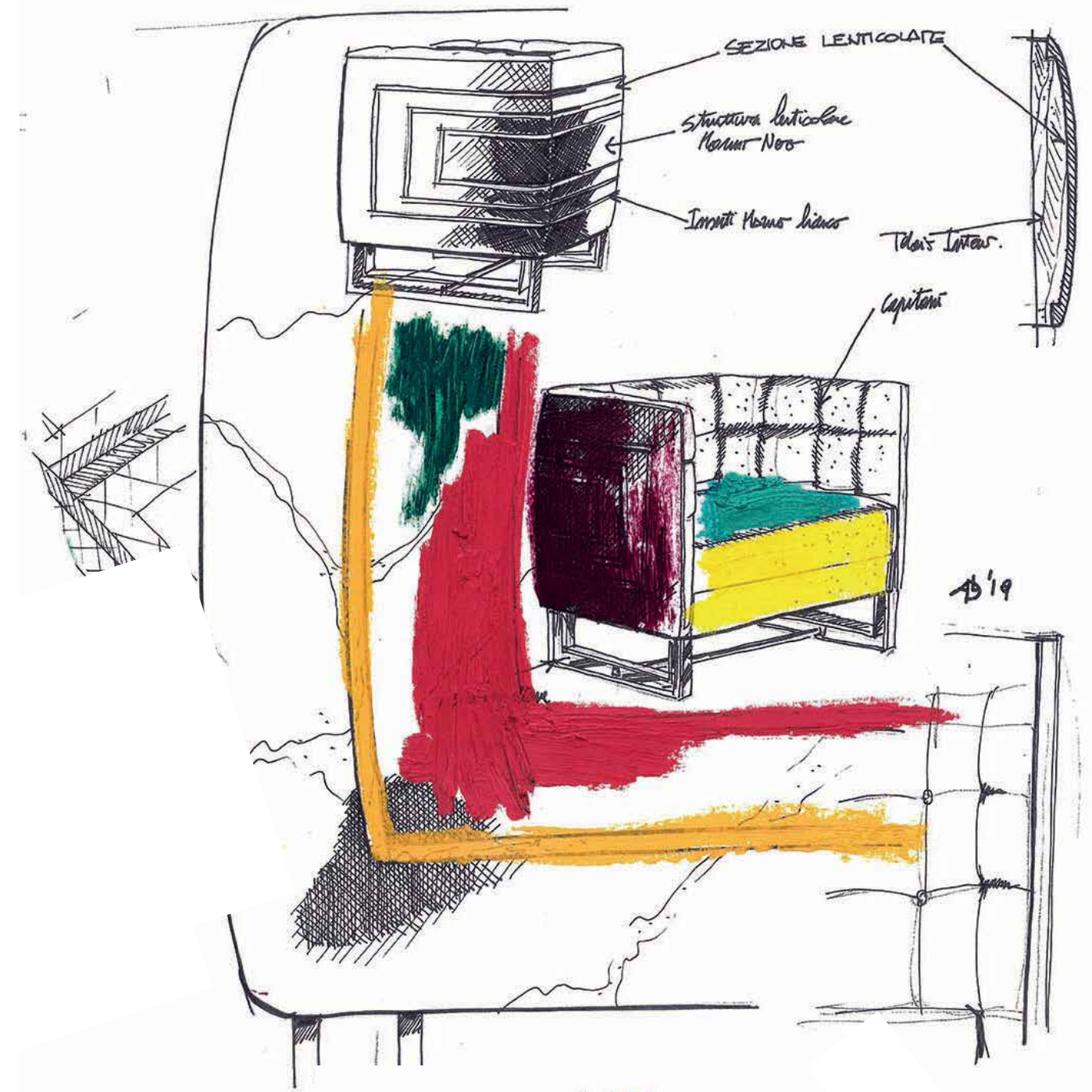
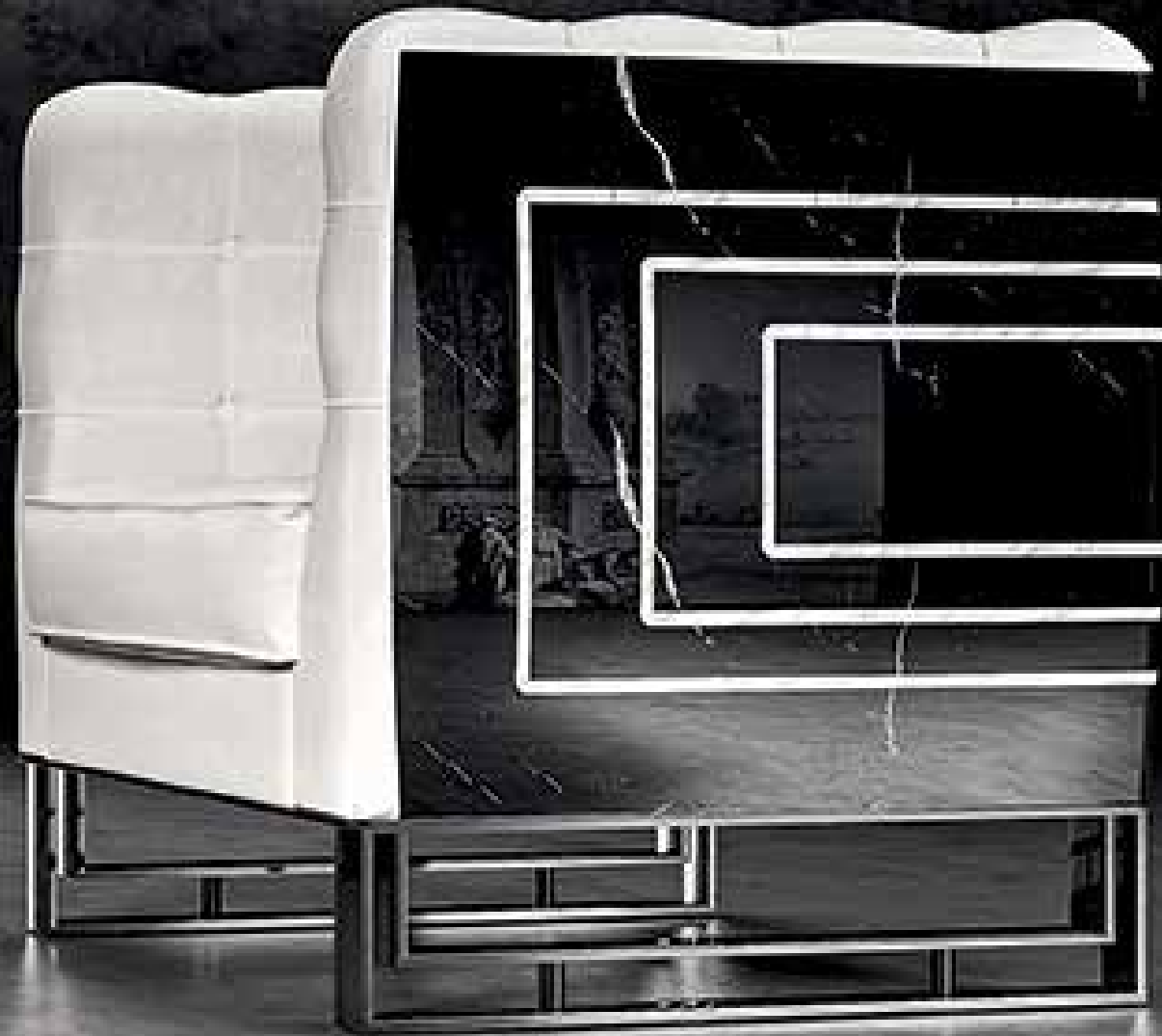
La Betulla | The Birch

Poltroncina / Armchair

L'utilizzo duttile delle linee scultoree rende morbido il profilo della poltroncina, arricchito anche dalla presenza del materiale lapideo. Gli intarsi geometrici in marmo bianco, in contrasto con la scocca in Marquina nero, ne esaltano la leggerezza, mentre il marmo assume le qualità estetiche di un tessuto ricamato. L'imbottito lavorato a capitonné rimanda a sedute di sapore classico che ben si sposano con la struttura più rigida della scocca.

The supple plasticity of the lines softens the outline of the armchair, which is also enriched by the presence of stone details. The geometric inlays in white marble, contrasting with the Nero Marquina marble framework, highlight its lightness, while the marble takes on the aesthetic qualities of an embroidered fabric. The padded, *capitonné* cushions recall a classical style of seating that pairs well with the stony structure.

L'Agrifoglio | The Holly

Lounge, Divanetto / Lounge Chair, Sofa

Questi manufatti coniugano la maestria della lavorazione del legno con l'artigianalità della lavorazione della pelle. Le forme morbide e avvolgenti conferiscono alla seduta una armonia e una sensualità che la rendono piacevole alla vista e al tatto al pari degli interni del *car design* più lussuoso. La lavorazione del pellame è ottenuta attraverso una incastonatura nella struttura lignea che ne viene avvolta creando una vera e propria seconda pelle. Le dimensioni ampie della versione *lounge* e *divanetto* permettono di utilizzarli come imbottiti, rendendo particolarmente confortevole la seduta senza rinunciare a una raffinatezza estrema.

These items combine fine woodworking skills with the craftsmanship of leather processing. The soft and enveloping forms lend the seat harmony and sensuality, which make it pleasing to the eye and to the touch, like the interiors of the most luxurious car. The leatherwork was done by means of a sort of inlay technique, wrapping the leather around the wood framework, creating a veritable second skin. The ample dimensions of the lounge chair and sofa upholstered set permit extra padding, making the seats particularly comfortable without sacrificing extreme refinement.

Il Mirto | The Myrtle

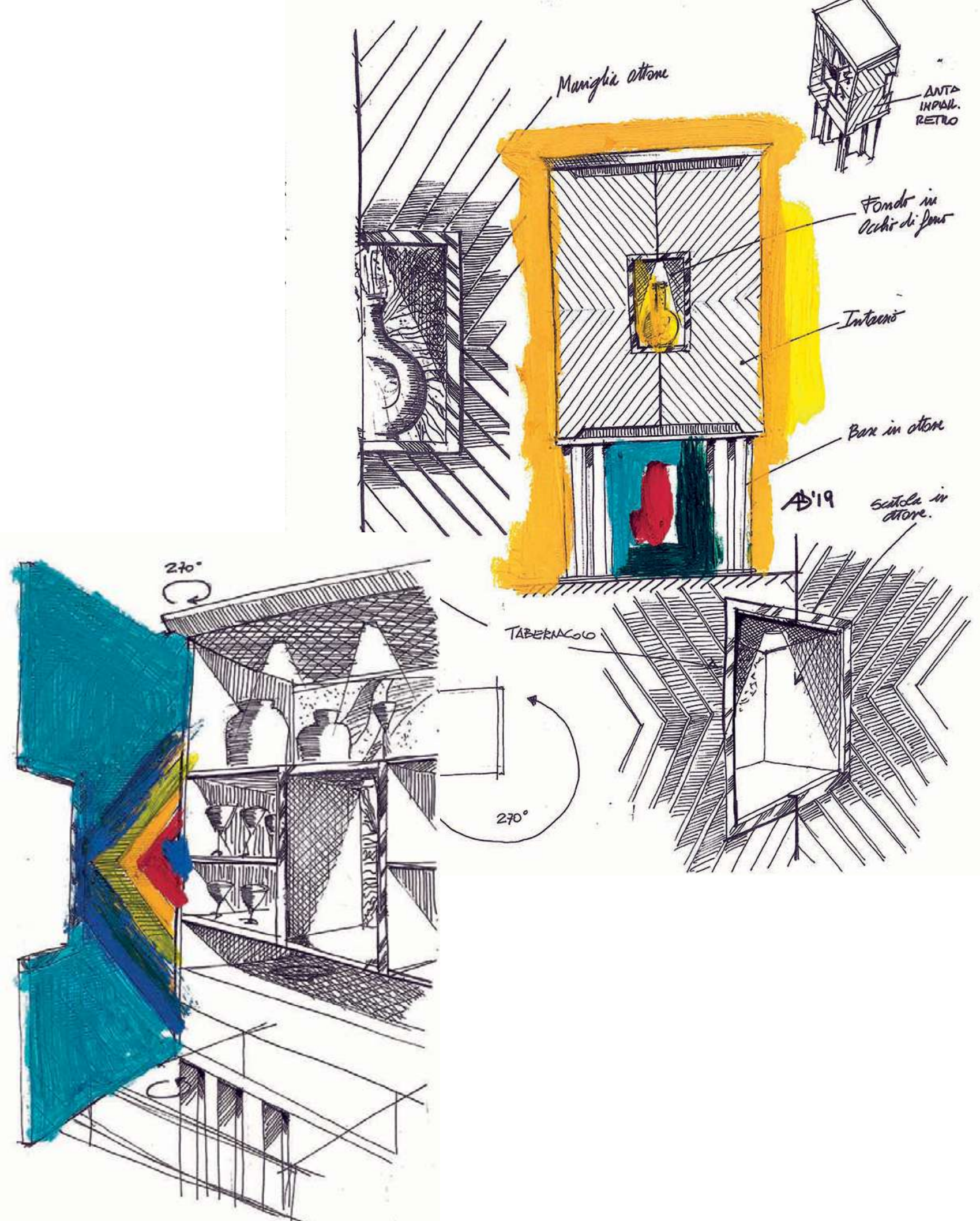
Mobile Bar / Bar Cabinet

La nicchia frontale finemente rivestita in lamina di ottone, con lo schienale trattato con preziosa (Occhio di Ferro), evoca un tabernacolo dove custodire un prezioso elisir. Aprendo le ante si viene colpiti da un'esplosione di riflessi e rimbalzi di luce, che creano uno straordinario effetto scenico e di sorpresa.

The front niche, elegantly lined with brass foil, with the back panel treated with a semi-precious stone (Iron Eye, or Tiger's Eye), reminds one of a tabernacle for storing an exquisite elixir. Opening the door panels, one is struck by an explosion of reflections and flashes of light that create an extraordinary scenic effect with surprise value.

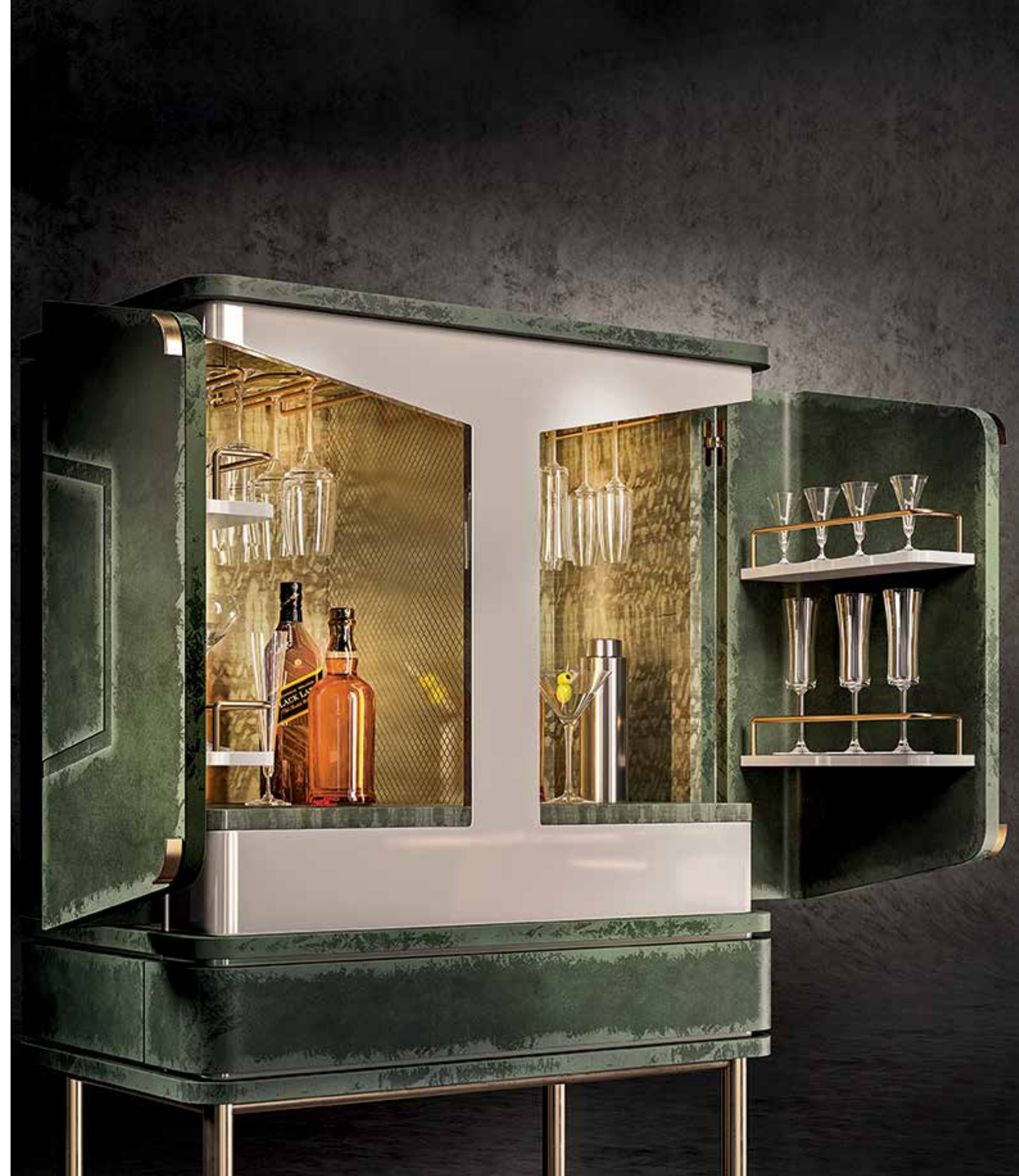

Il Ginepro | The Juniper

Mobile Bar / Bar Cabinet

Lo schiudersi delle ante crea un abbraccio ideale ed evoca le più maestose aperture alari di magnifici volatili esotici. Il bicolore materico della pergamena enfatizza il contrasto tra la struttura sagomata solida e le parti mobili e più leggere. Le quattro gambe sottili e cilindriche in ottone/pergamena suggeriscono forme zoomorfe e contribuiscono a conferire al prodotto una levità e una grazia di grande effetto. L'interno di questo oggetto è trattato con essenze pregiate come il Carbalho e vetri cromatici, in grado di conferire un'emozione e uno stile di innegabile fascino.

The open cabinet doors create an ideal embrace and suggest the most majestic wingspans of magnificent exotic birds. The two shades of the parchment materials emphasize the contrast between the shaped solid structure and the lighter moving parts. The four slender cylindrical legs in brass/parchment suggest zoomorphic shapes and contribute to endowing the piece with a striking humor and gracefulness. The interior of this cabinet is made with fine woods such as Carbalho and colored glass, able to arouse emotion and impart an undeniably charming style.

Il Noce | The Walnut Tree

Libreria / Bookcase

La bifaccialità degli elementi permette di dividere gli ambienti, mantenendo altresì una certa continuità estetica con i complementi e i mobili presenti nell'arredo. Con questo prodotto, che ricorda il gioco della Dama, si possono comporre delle scenografie e degli effetti volumetrici flessibili e sempre diversi. La raggiatura dei masselli sugli angoli e l'utilizzo di essenze ricercate arricchiscono il valore artigianale del manufatto. Gli inserti in ottone regalano degli effetti di luce che suggeriscono ancora di più la condizione di leggerezza della struttura. La libreria può trasformarsi in contenitore attraverso l'inserimento di box con antine, finemente lavorate e arricchite con pelli preziose.

Because of its two-sided structure, this bookcase can be used as a room divider, while also maintaining aesthetic continuity with the accessories and the furniture included in the interior design. This piece, which recalls the game of checkers, can be used to compose settings and flexible and ever-changing volumetric effects. The wood corner fillets and the use of fine woods enrich its craftsmanship value. The brass inlays bestow lighting effects that further enhance a suggestion of lightness. The bookcase can double as a container through the inclusion of boxes with door panels, finely crafted and enriched with precious leather cladding.

Il Melograno | The Pomegranate

Paravento / Partition

Questo paravento evoca un classico motivo geometrico del tessuto a rombi dei variopinti costumi carnevaleschi, cosicché il carattere giocoso e mutevole ben si sposa con l'idea di cromaticità e varietà dei riflessi, sempre diversi e sempre unici, ottenuti dalla possibilità di far ruotare a 360° i dischi interni rivestiti in specchio. Le cornici esterne in legno, sapientemente lavorate a sezione diamante, sono fissate ai montanti in ottone e garantiscono la piena solidità del manufatto. I dettagli a pressione fissati al soffitto e al pavimento imprimono una forza che assicura stabilità al paravento senza provocare danni alle parti murarie. Questo oggetto permette di esaltare le cromaticità attraverso il continuo mutare degli assetti materico-geometrici dei dischi girevoli.

This room divider is reminiscent of the classical geometric motif of the diamond-patterned fabric of colorful Carnival costumes, so that its playful and changeable nature is well-suited to the variety of colors and reflections, ever-changing and always unique, made possible by the 360 degrees rotation of the mirror-clad inner disks. The wooden outer frames, skillfully crafted as sections of diamonds, are fixed to the brass uprights and guarantee the complete solidity of the piece. The uprights are fixed to the ceiling and floor and held in place by pressure strong enough to ensure stability without causing damage to the walls. The chromatic vivacity of this partition is enhanced by the constant changing of the material and geometric arrangement of the rotating disks.

Il Lauro | The Laurel Tree

Paravento / Screen

Il suo doppio movimento lo rende funzionale e molto flessibile. La struttura esterna solida in massello ne contiene un'altra più leggera, anch'essa girevole a 360°. Quest'ultima, svincolata dall'appoggio a terra, riesce a liberarsi nello spazio e riflette le pareti circostanti modificando l'estetica dell'ambiente. I pannelli girevoli sono composti da una facciata a specchio e un'altra rivestita in tessuto o in essenza.

Its double movement makes it functional and very flexible. The solid wood outer structure contains another lighter one, which can be rotated 360 degrees. These rotating panels, liberated from direct contact with the floor, are free to move in space and reflect the surrounding walls, modifying the aesthetics of the room. The rotating panels are made up of one mirrored side and the other covered by fabric or wood.

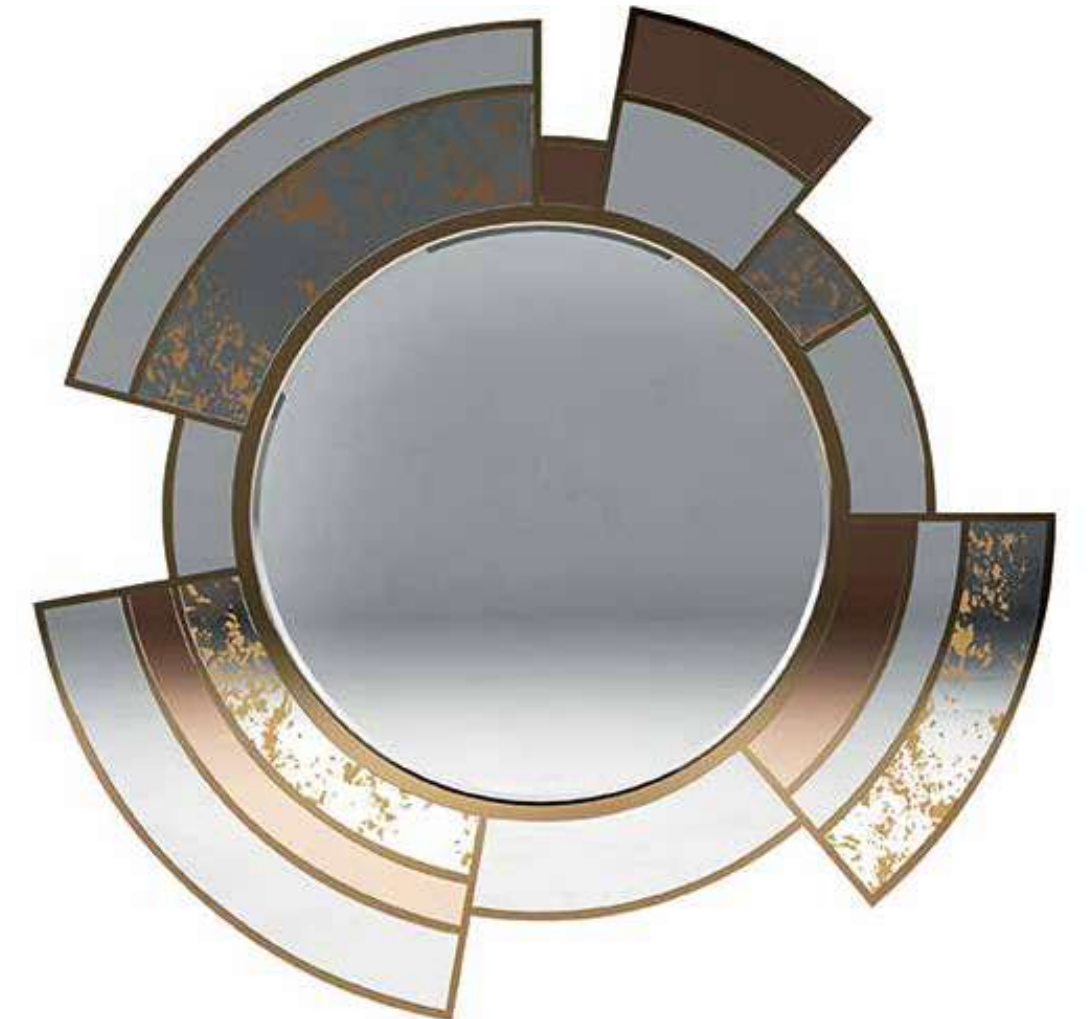
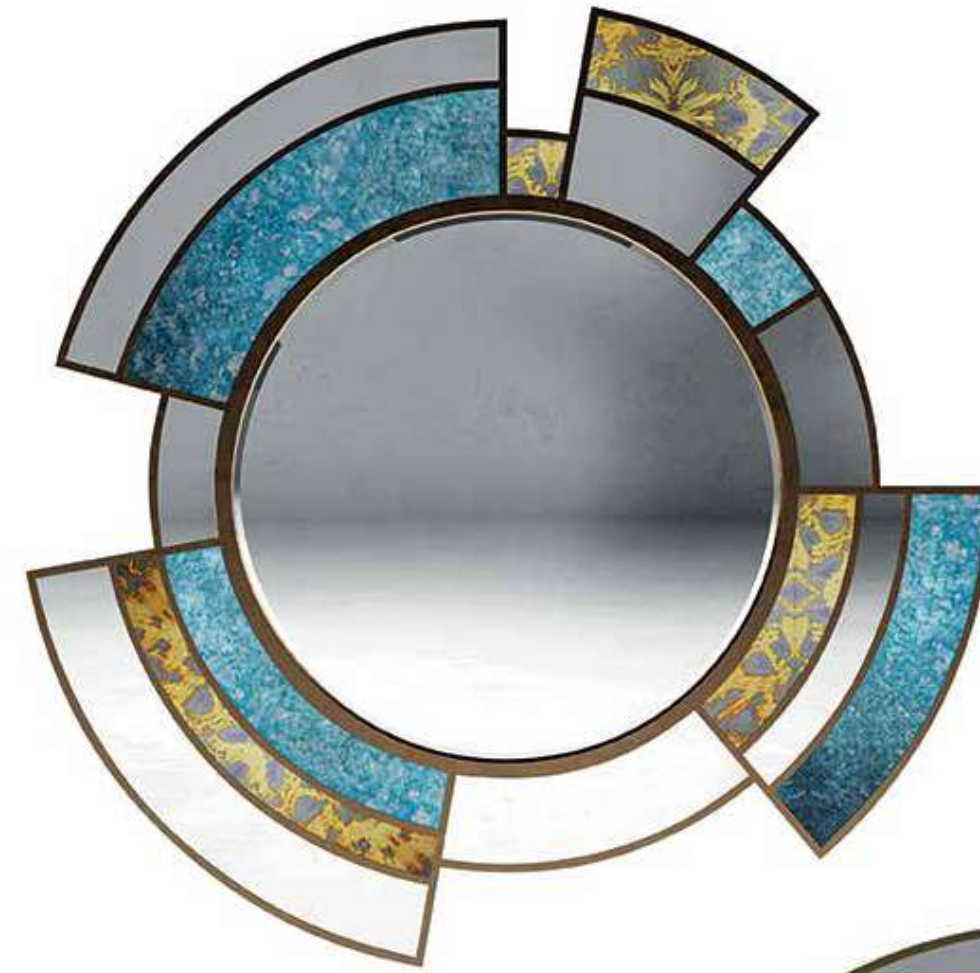

L'Alloro | The Laurel Tree

Specchio / Mirror

Memore dell'antico labirinto cretese e della sua rappresentazione nella cattedrale di Chartres, questo specchio rimanda alla poetica dell'arte antica. Nel disegno si riconosce anche un sole stilizzato e l'ottone della cornice crea riflessi dorati. L'inserito di vetri cromatici associato agli specchi ne esalta la dimensione magica. Questi elementi colorati dialogano con essenze e pietre pregiate.

Reminiscent of the ancient labyrinth of Crete and its representation in the Chartres Cathedral, this mirror refers to the poetics of ancient art. In the design, we can recognize a stylized sun, with the brass in the frame creating golden reflections. The colored glass and mirror inlays intensify the magical dimension. These colored elements enter into dialogue with the wood and the gemstones.

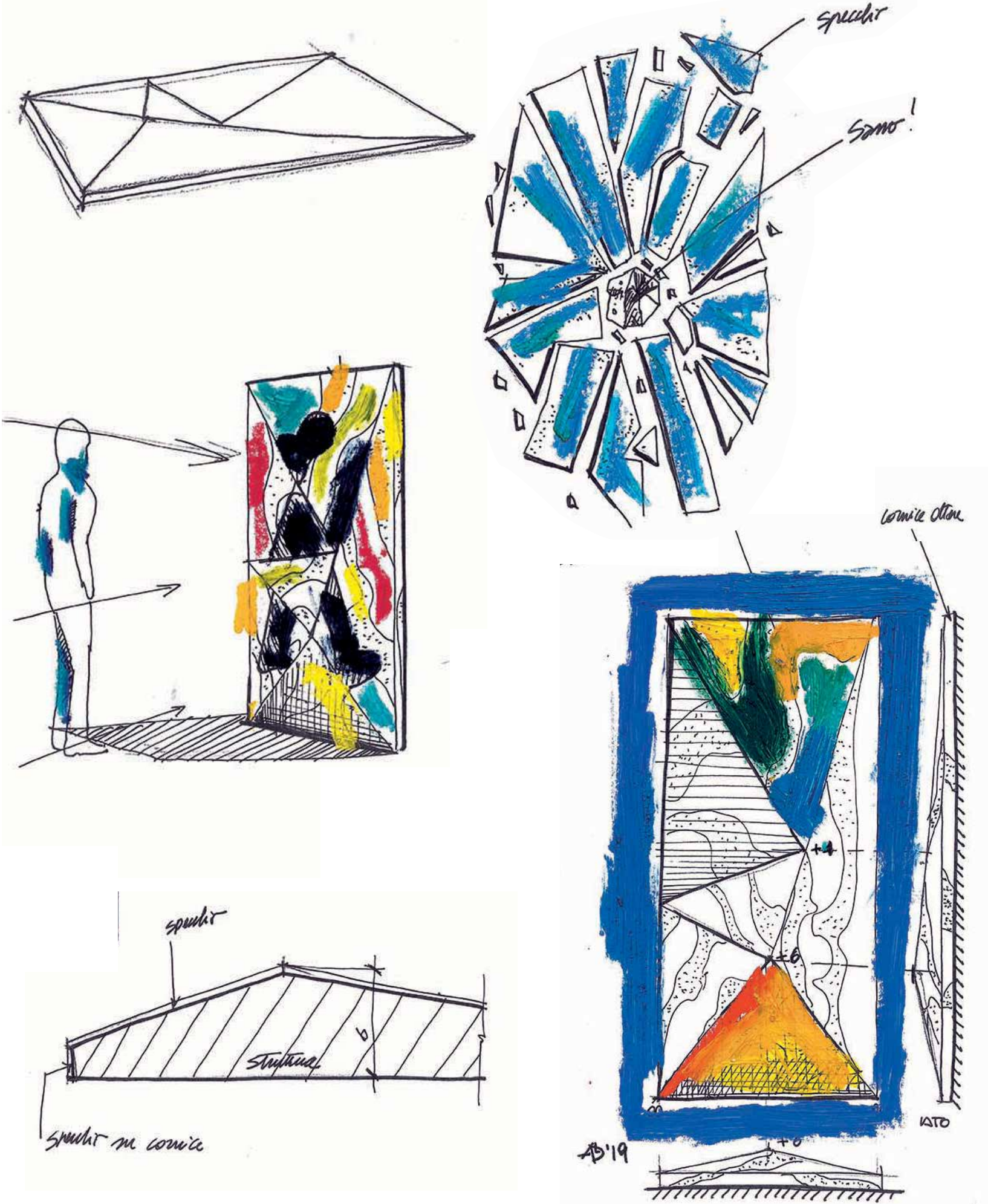
Il Bosso | The Boxwood

Specchio / Mirror

Quando si pensa al mito di Narciso, lo si condensa nell'immagine della compiaciuta auto-contemplazione del riflesso di sé. La frantumazione dello specchio d'acqua nel momento della caduta rimanda alla composizione destrutturata di queste superfici. Le immagini ricompongono la figura attraverso il movimento, il passaggio del tempo, e creano più prospettive alla stessa immagine. Queste figure vengono poi geometrizzate e riassemblate in un mosaico tridimensionale a incastro. A esaltare ancora di più questa sensazione di frantumazione è l'uso di un colore monocromatico che confonde piani e figure.

When we think of the Narcissus myth, we condense it into the image of the young man happily lost in contemplation of his own reflection. The shattering of the reflective pool of water when he falls in is rendered in the destructured composition of these surfaces. The images recompose the figure through movement and the passing of time, creating several perspectives of the same image. These figures are then geometrized and reassembled in a three-dimensional interlocking mosaic. Further accentuating this feeling of shatteredness, the use of monochrome confuses planes and figures.

Il Sambuco | The Elder Tree

Tavolino / Coffee Table

L'immagine evocativa da cui nasce da questo prodotto è quella di ninfee galleggianti sullo specchio d'acqua. Il piano in ottone lavorato a cerchi concentrici evoca movimenti acquatici e dona alla superficie riflessi dorati. La lavorazione a rilievo rimanda a pennellate dense tipiche dell'Impressionismo. L'incastonatura della Labradorite (pietra semipreziosa) rende il manufatto più affascinante e crea, attraverso l'iridescenza della stessa, effetti cromatici che rimandano alle più famose ninfee di Monet. I piani in cristallo fumé invitano a "guardare" al di là della superficie alla ricerca di tesori sommersi.

The evocative image that gave rise to this coffee table is that of lilies floating on the surface of the water. The brass concentric circles of the tabletop recall the ripples of a stone dropped in the water and imbue the surface with glimmering gold reflections. The surface relief suggests thick Impressionist brushstrokes. The Labradorite inlays heighten the fascination of the piece and, through their iridescence, generate chromatic effects that call to mind Monet's celebrated water lilies. The smoked glass invites the gaze beyond the surface, in search of sunken treasures.

La Robinia d'Oro | The Golden Locust

Tavolino / Small Table

Questo tavolino esprime la mirabile capacità di lavorazione di una lamina in ottone, utilizzata come intarsio e inserita come elemento decorativo. Il gioco delle luci, esaltate dalla geometria a ventaglio, crea un movimento a vortice infinito. Il disegno del fusto è ottenuto dalla proiezione tridimensionale della pianta dell'intarsio creando una continuità con la base anch'essa intarsiata in essenza bicolore.

This small table showcases an admirable workmanship in the brass foil inlays, introduced as a decorative element. The play of light, enhanced by the fan-like geometry, creates an infinite vortex movement. The design of the pedestal was obtained from the three-dimensional projection of the inlay design that creates continuity with the base, which also features inlays in two shades of wood.

I Rododendri | The Rhododendrons

Tavolini / Small Tables

Dalle basi in ottone con sottili profili verticali si sviluppa la collezione di tavolini e consolle. Queste strutture metalliche supportano un piano in legno con inserti a mosaico in pietra semipreziosa. La lavorazione della pietra richiama la tecnica rinascimentale utilizzata per decorare mobili e piani dei tavoli, garantendo, attraverso gli intarsi policromi, un efficace contrasto con la struttura del mobile.

This set of small tables and consoles develops from the brass bases with thin vertical strips. These metal structures support a wood tabletop with semi-precious stone inlays. The type of stone working suggests Renaissance techniques used to decorate furniture and tabletops; through the polychrome *intarsi*, it also guarantees a striking contrast with the structure of the table.

I Lillà | The Lilacs

Tavolini / Small Tables

I tavolini Lillà rappresentano una classica serie di complementi con lavorazioni artigianali, eseguite sui masselli delle gambe e del piano. Quest'ultimo è lavorato in modo che le parti in materiale lapideo siano incassate a formare un disegno a rosone. I puntali in ottone, alti e sottili, donano al prodotto uno stile e una grazia d'insieme.

The Lilac tables are a classic living room table set with handcrafted solid wood legs and tabletop. The latter is crafted in such a way that the stone elements fit into a recessed lodging and form a rosette motif. The tall and slender brass tips on the legs endow the table with style and overall gracefulness.

I Noccioli | The Hazelnut Trees

Tavolini / Small Tables

I tavolini a tre gambe nascono dall'idea concettuale di leggerezza conferita dalla lavorazione dei masselli delle gambe e del piano intarsiato a sezione ellittica. Il pianetto intermedio è unito alle gambe quasi fosse una ramificazione del tronco e dona una continuità armonica e naturale al dettaglio.

The three-legged tables are born from the concept of lightness given by the processing of the solid wood of the legs and the inlaid top with an elliptical section. The intermediate shelf is joined to the legs almost as if it were a branching of the trunk, lending harmonic and natural continuity to the piece.

Gli Olmi | The Elms

Tavolini / Coffee Tables

Il disegno a intarsio geometrico viene ripreso sul top. Anche il basamento è disegnato utilizzando questa modalità progettuale. Le linee sottili e decise in ottone cromo nero si sposano appieno con le linee geometriche del top.

The geometric inlay design appears on the tabletop and the base. The slender, clean lines in black-chromed brass are well-matched with the geometric lines of the tabletop.

L'Albicocco | The Apricot Tree

Pouf / Footstool

La forma di questo pouf recupera i valori di sofficiuscini orientali, accentuando l'idea di comodità e di bellezza. Come in un salottino orientale riservato e accogliente, l'insieme di più pouf, anche colorati, crea un'intimità e un gioco cromatico di sicuro effetto.

The shape of this footstool recovers the values of soft, Oriental cushions, accentuating the idea of comfort and beauty. As if in a private and cozy Eastern sitting room, the assortment of several of these items, some of them brightly colored, creates intimacy and striking chromatic effects.

Il Leccio | The Holm Oak

Scrittoio / Writing Desk

Lo scrittoio rimanda ad atmosfere di inizio Novecento. Le serrandine in massello celano i vani di servizio e nascondono il piano estraibile centrale. Lo scrittoio funge da vero e proprio *secrétaire* dove proteggere documenti riservati e di valore. In controtendenza rispetto al rapido e superficiale svolgersi delle relazioni epistolari, questo oggetto vuole recuperare quel “sapore” romantico e un po’ retrò dello scrivere una missiva a mano. Il prezioso rivestimento in pelle della scocca, in accostamento con elementi in essenza pregiata donano un grande valore al manufatto, mentre le quattro gambe tornite in massello e puntali in ottone completano lo scrittoio e regalano una leggerezza e uno stile molto riconoscibile.

This desk recreates an early twentieth-century vibe. Small solid wood roller shutters conceal the pigeonholes and the central pull-out writing surface. It functions as a veritable *secrétaire*, where private and valuable documents can be safely kept. Contrary to today’s fast and superficial handling of written correspondence, this object aims to recover that romantic and a bit retro “taste” for writing letters by hand. The splendid leather cladding of the writing surface, combined with elements made of high-quality wood, heightens the item’s value, while the four turned solid wood legs with brass tips complete the desk and lend it gracefulness and a highly recognizable style.

Il Cedro | The Cedar

Scrivania / Desk

Il disegno del piano attraverso le sue curve si sviluppa come una superficie continua in cui si inserisce, protetta, la cassettera. Il “dente” in testa offre l'appoggio necessario alla struttura e ne garantisce la stabilità. Come per un vero ofide, il piano è rivestito completamente in pelle e le fasce laterali più scure ne esaltano la silhouette. La scrivania rappresenta un prodotto di punta nel panorama degli arredi d'ufficio presidenziali.

The curves of the desktop design allow it to develop as a continuous surface, into which the drawer unit is inserted, as if protected. The “tooth” on the right offers the necessary support to the structure and guarantees its stability. Looking like an ophidian, the surface is completely upholstered in leather, with the darker edging accentuating its contours. This desk is one of the flagship products in the executive office furnishing range.

Il Carpino | The Hornbeam

Libreria / Bookcase

Questa libreria è pensata sia come semplice suppellettile di servizio sia come elemento decorativo. Il focus progettuale si concentra sul pannello dello schienale in materiale lapideo che, se retroilluminato, diviene un elemento decorativo murale, come una vera e propria *boiserie*. L'utilizzo di materiali ricercati come l'Onice verde pakistano e l'Onice miele rimandano a oggetti preziosi dell'arte ellenica. La doppia funzione di questo manufatto permette una grande flessibilità di utilizzo. Il rivestimento in cuoio sui montanti e sul contenitore dona un'eleganza e una grazia che ben si sposano con l'immagine sobria e leggera enfatizzata anche dalla presenza di ripiani in cristallo e da un cassetto in completo oggetto.

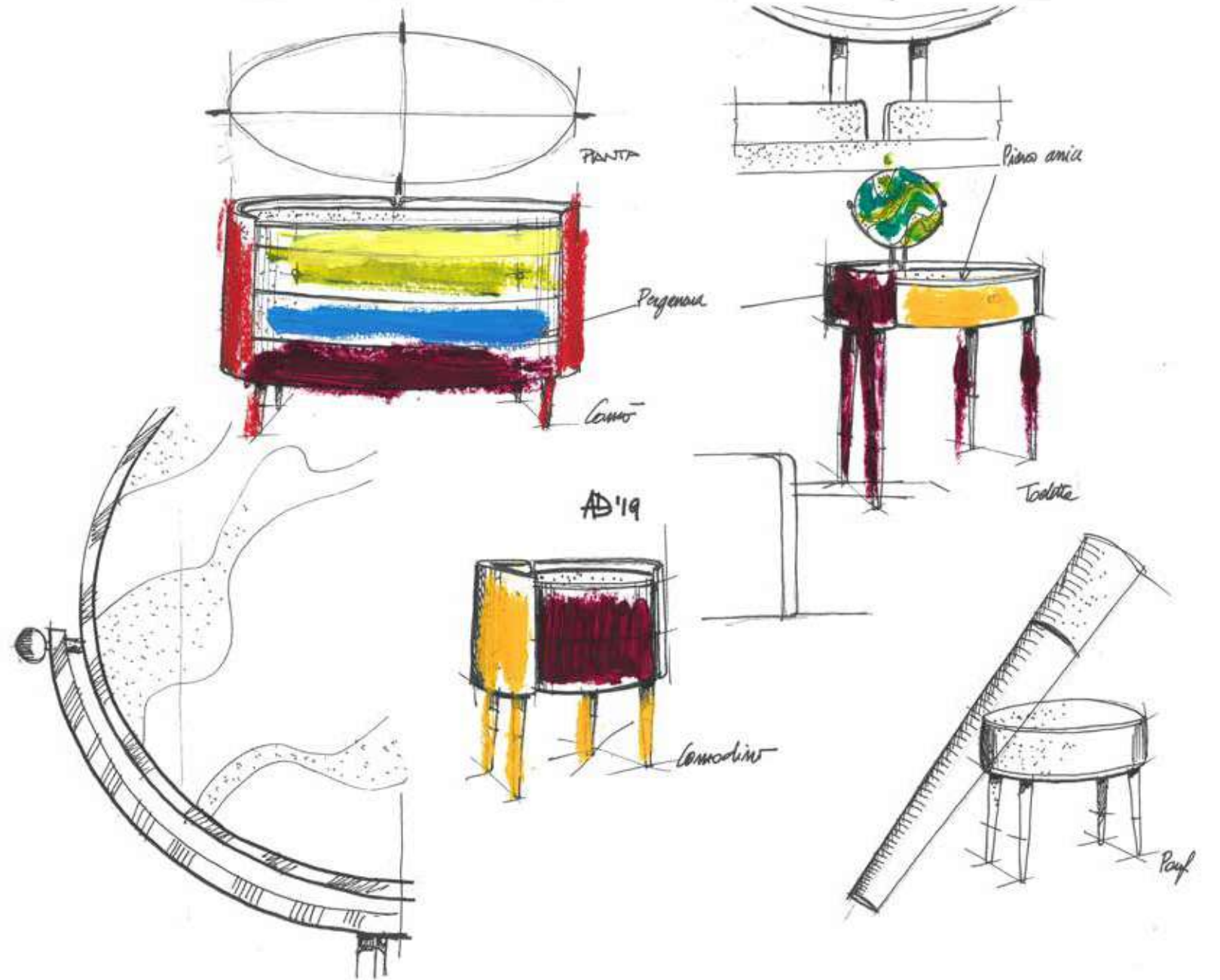
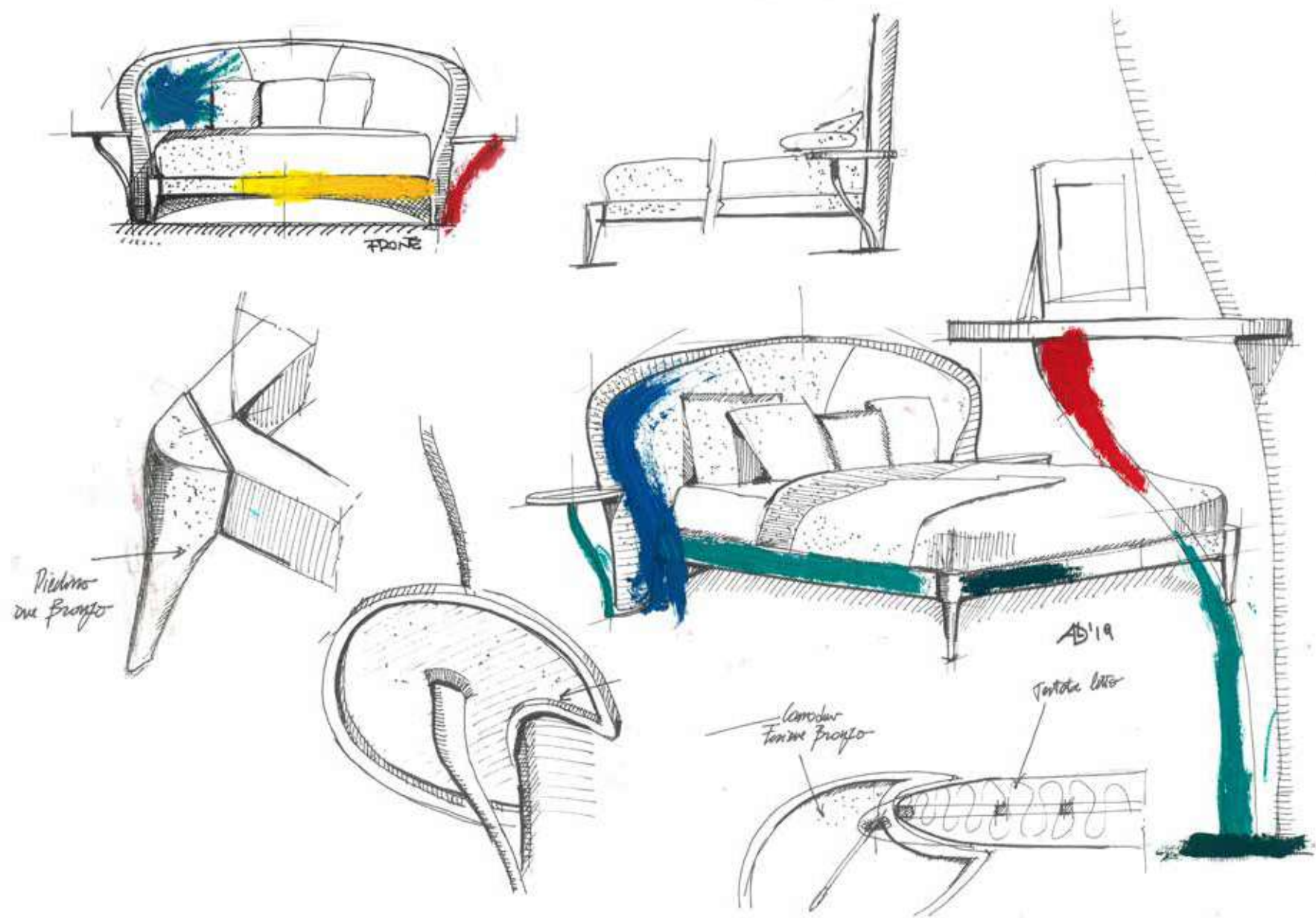
This bookcase is conceived as both a simple service item and as a decorative element. The focus of the design is concentrated on the back panel made of stone that, if backlit, becomes a decorative wall element—a real *boiserie*. The use of such refined materials as Pakistani Green Onyx and Honey Onyx recalls precious objects of Hellenistic art. The dual function of this piece permits great flexibility in its use. The leather cladding of the uprights and the container lends an elegance and gracefulness that fit its solemn and weightless look, also enhanced by the presence of glass shelves and a cantilevered box.

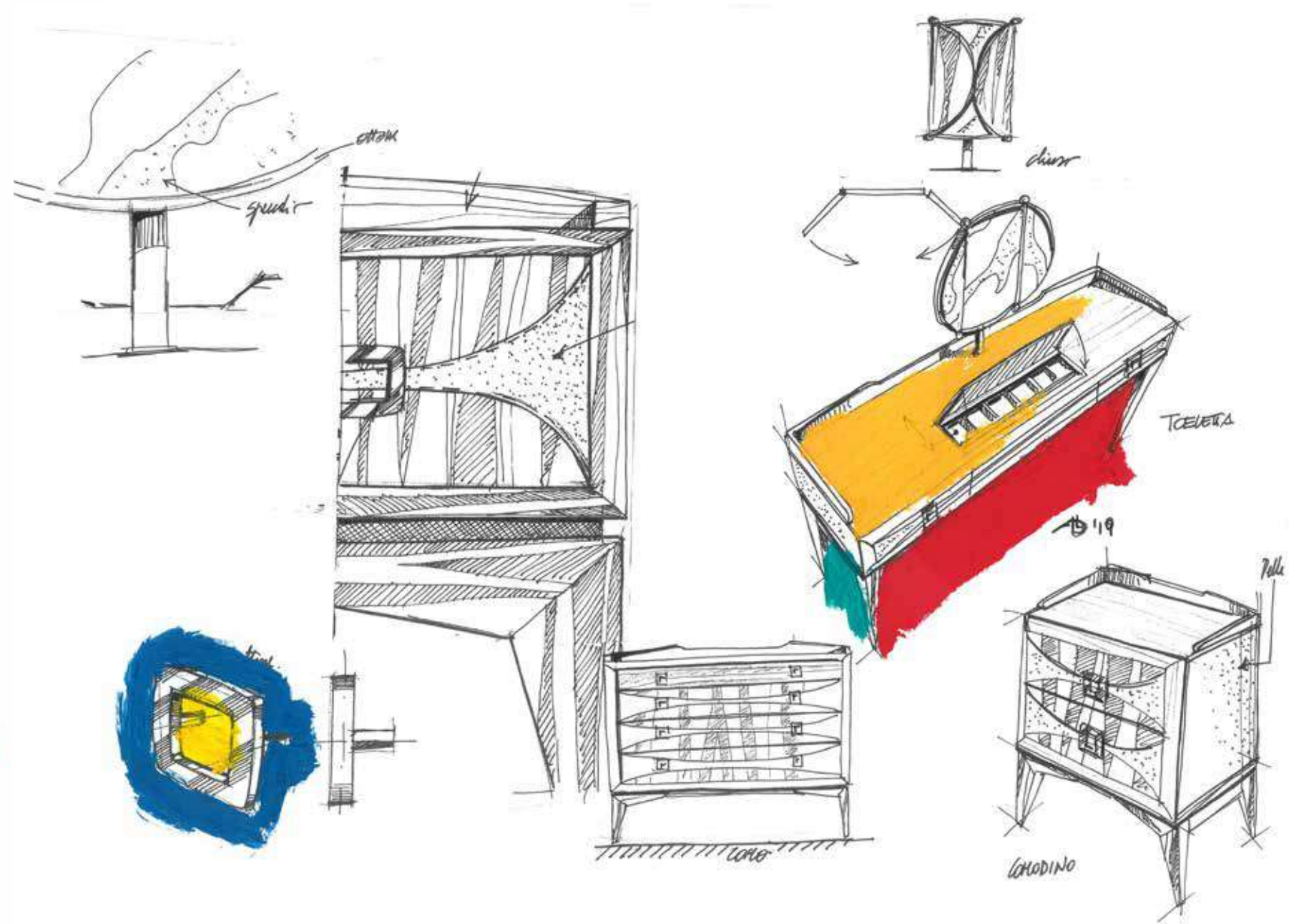

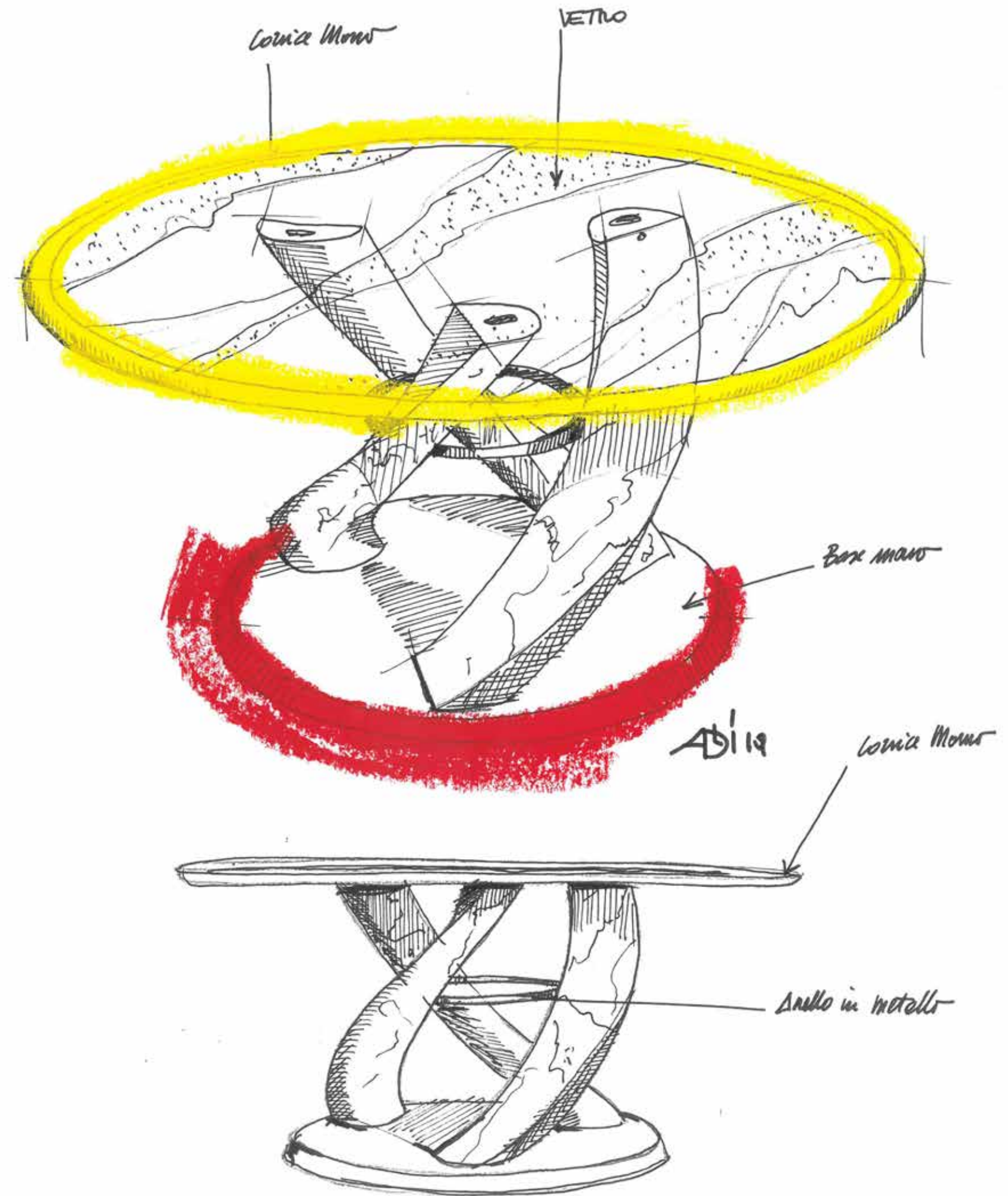
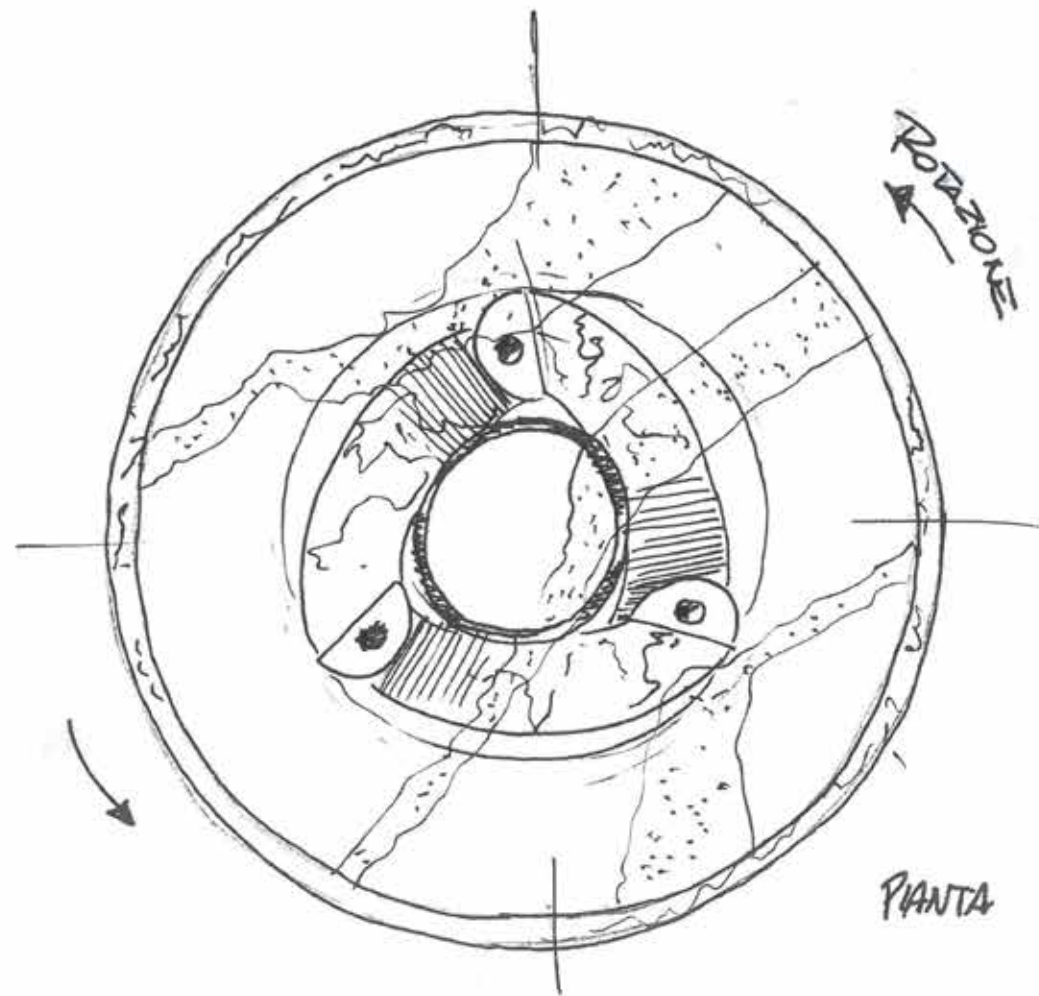
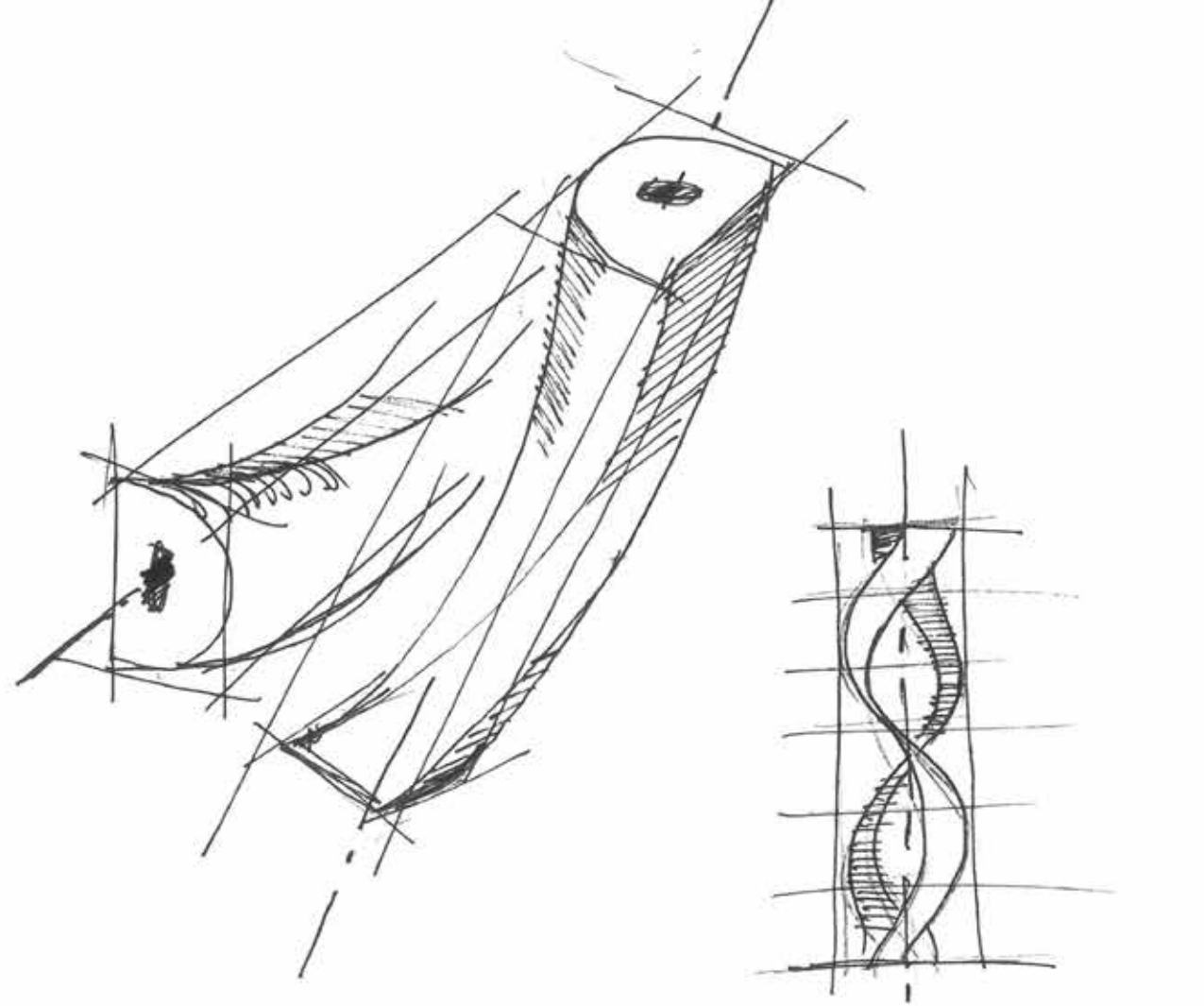

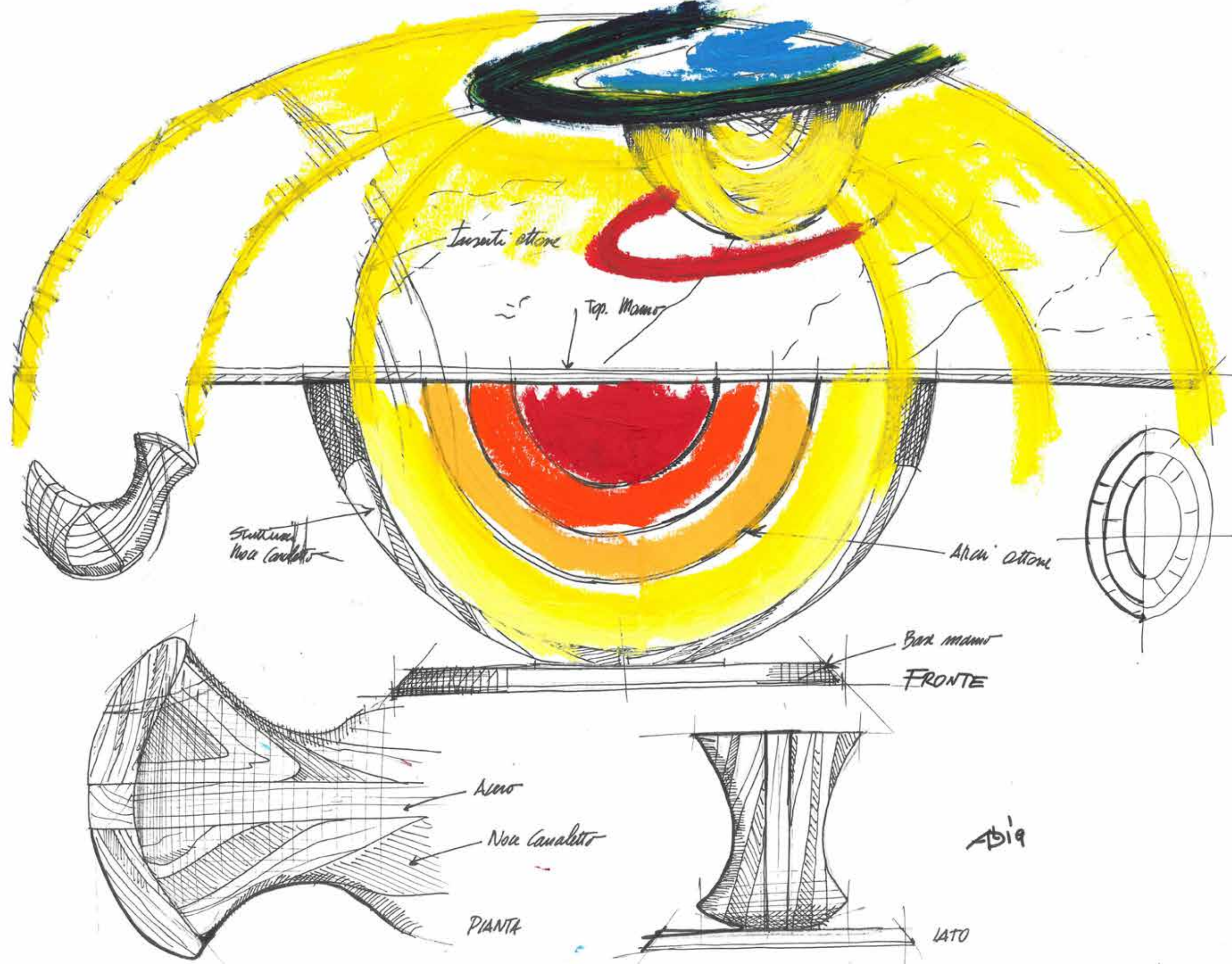

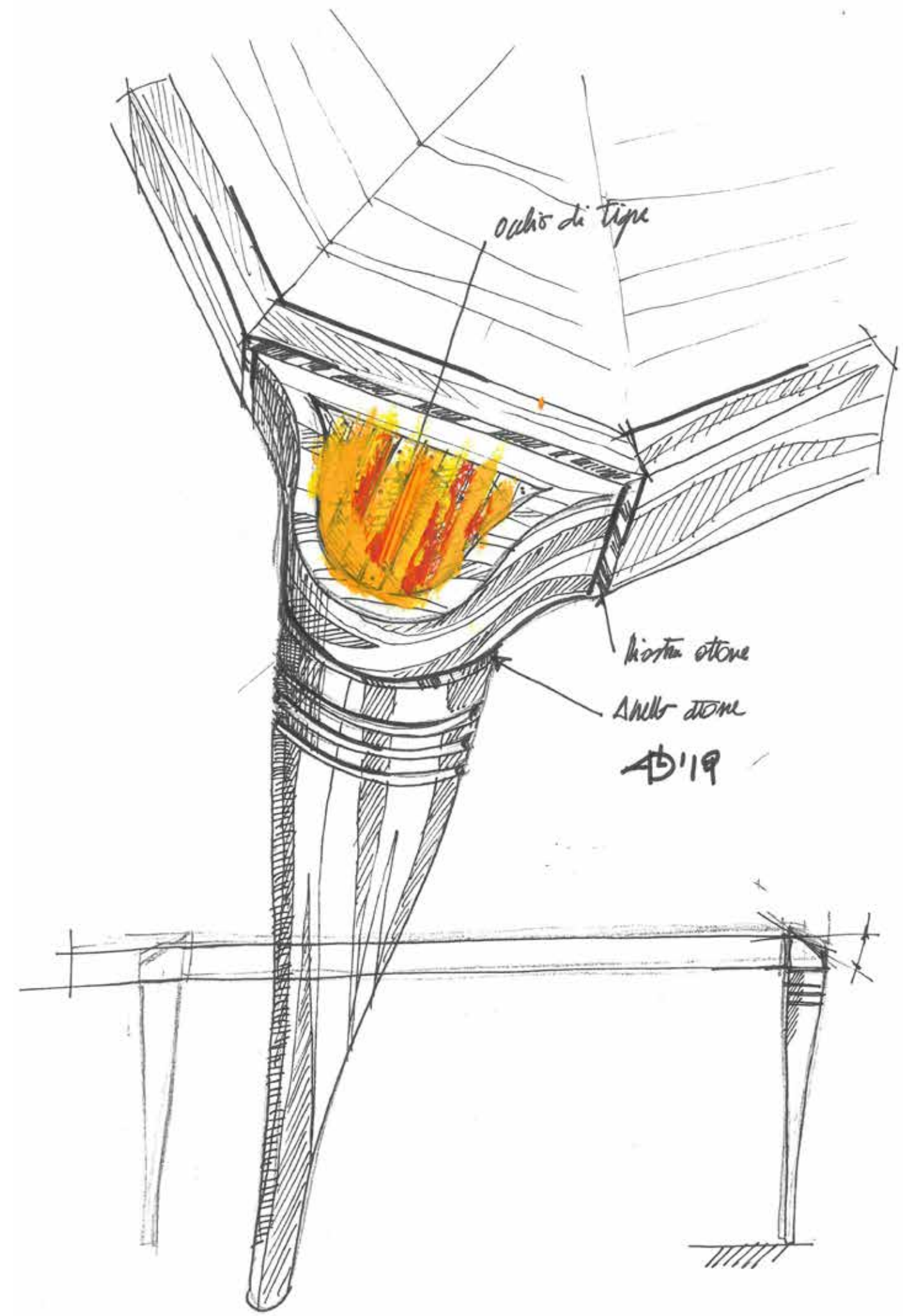
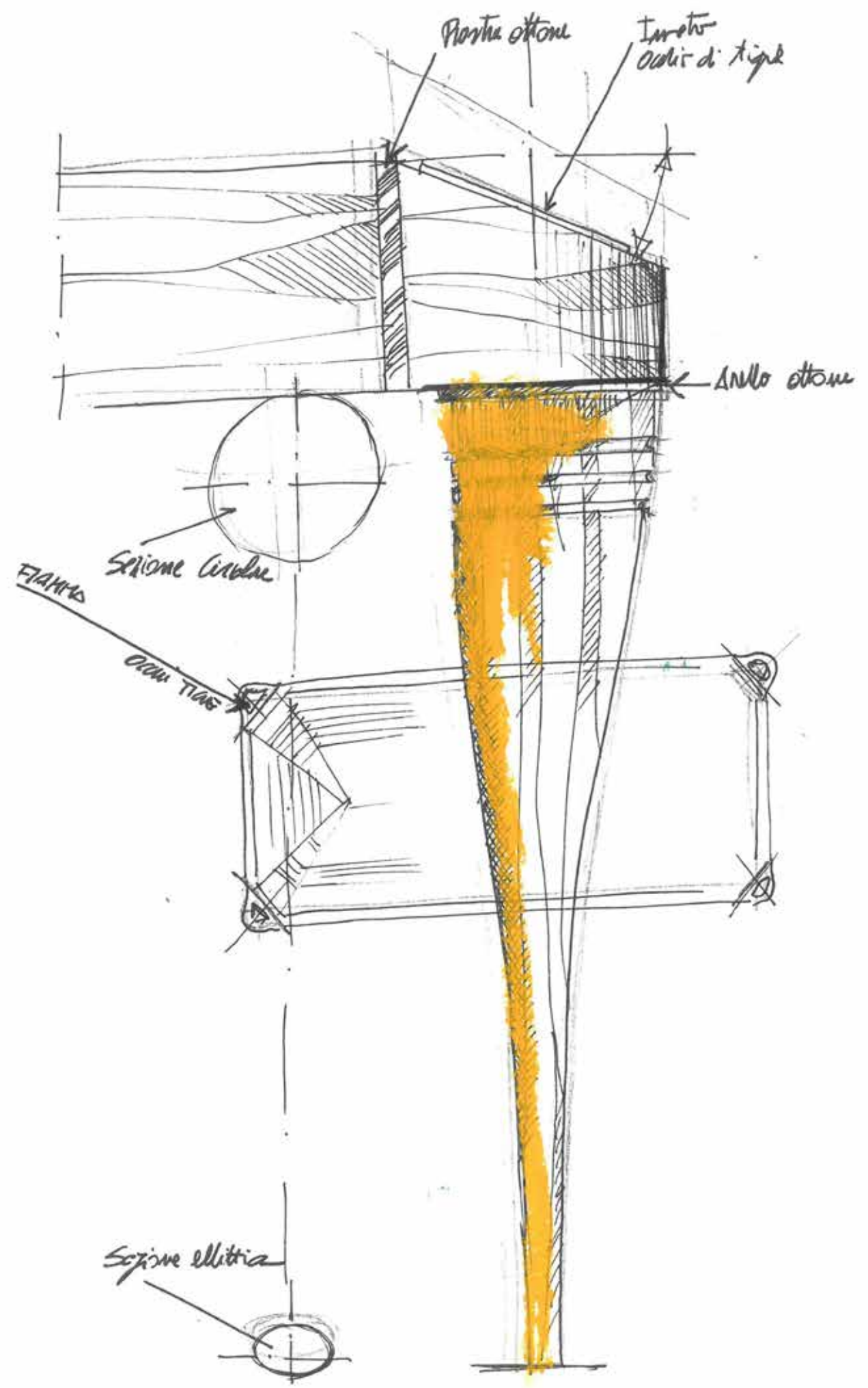
Disegni / Drawings

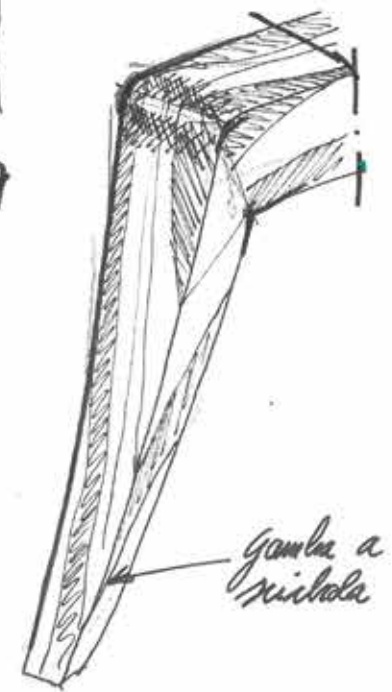
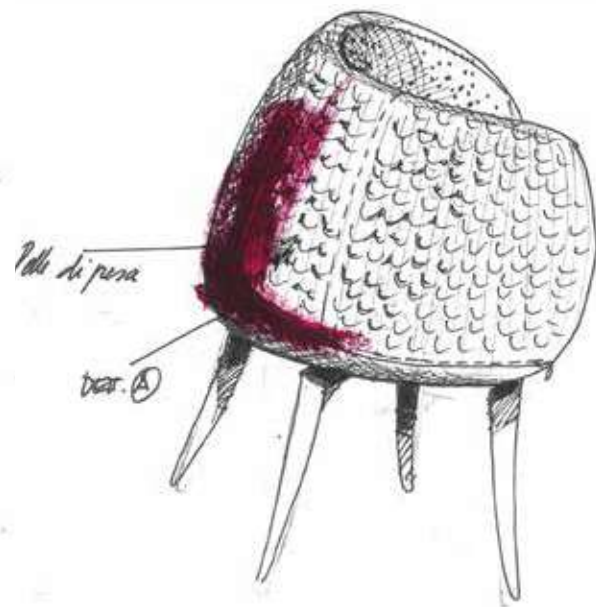
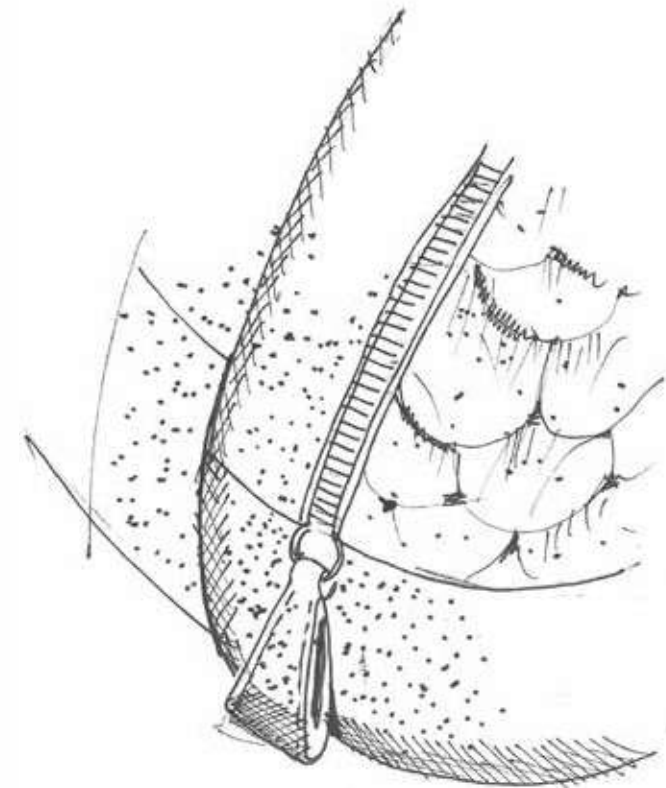
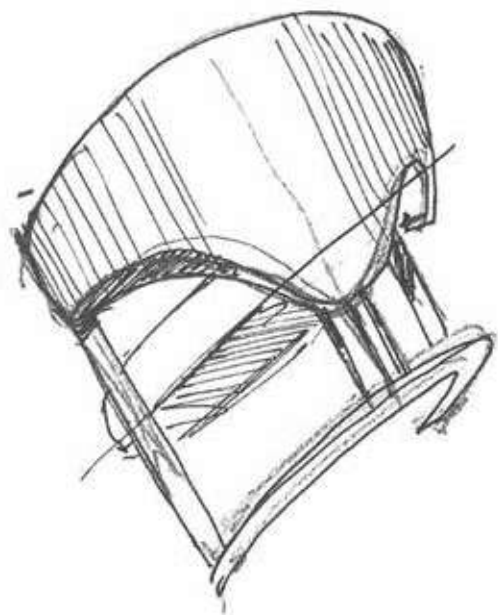
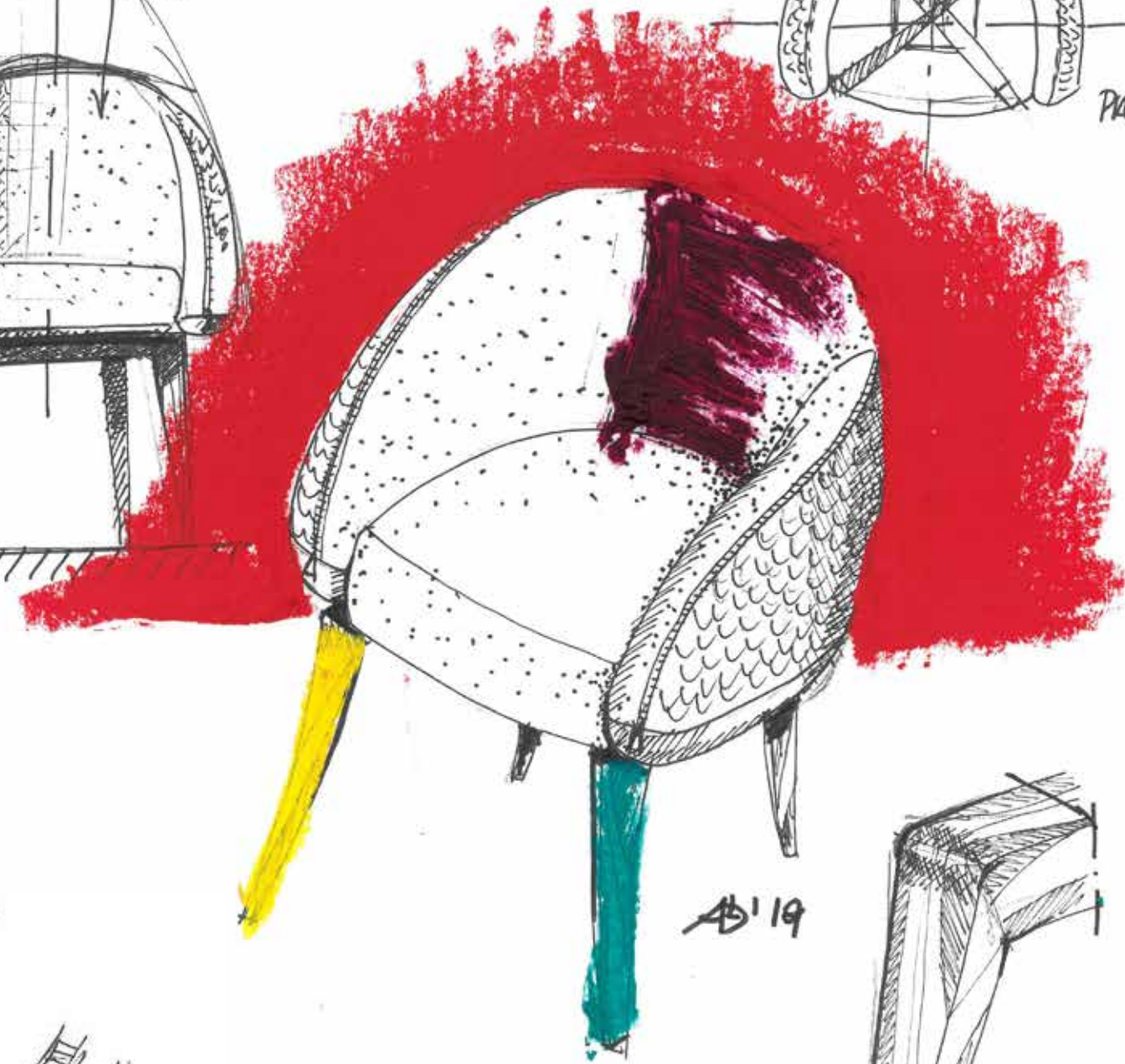
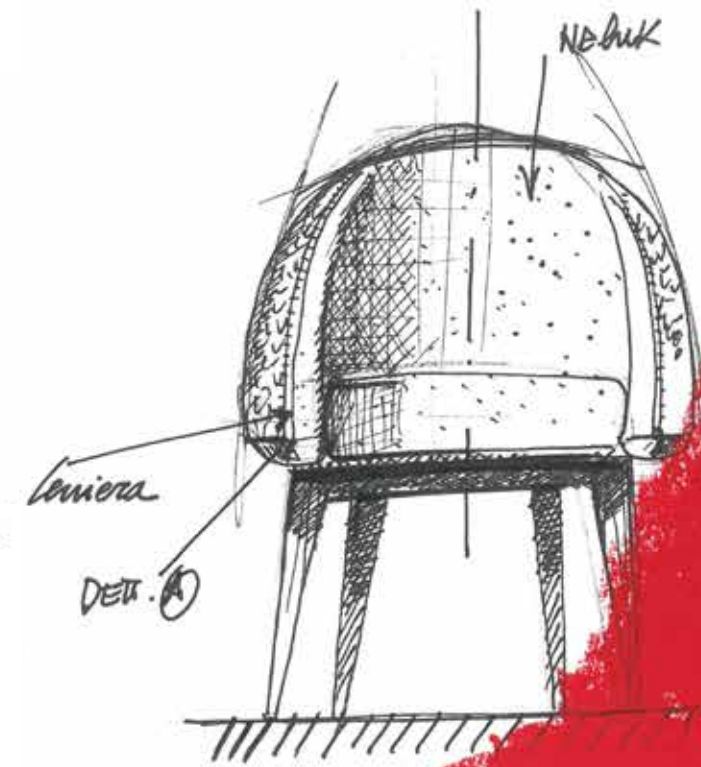
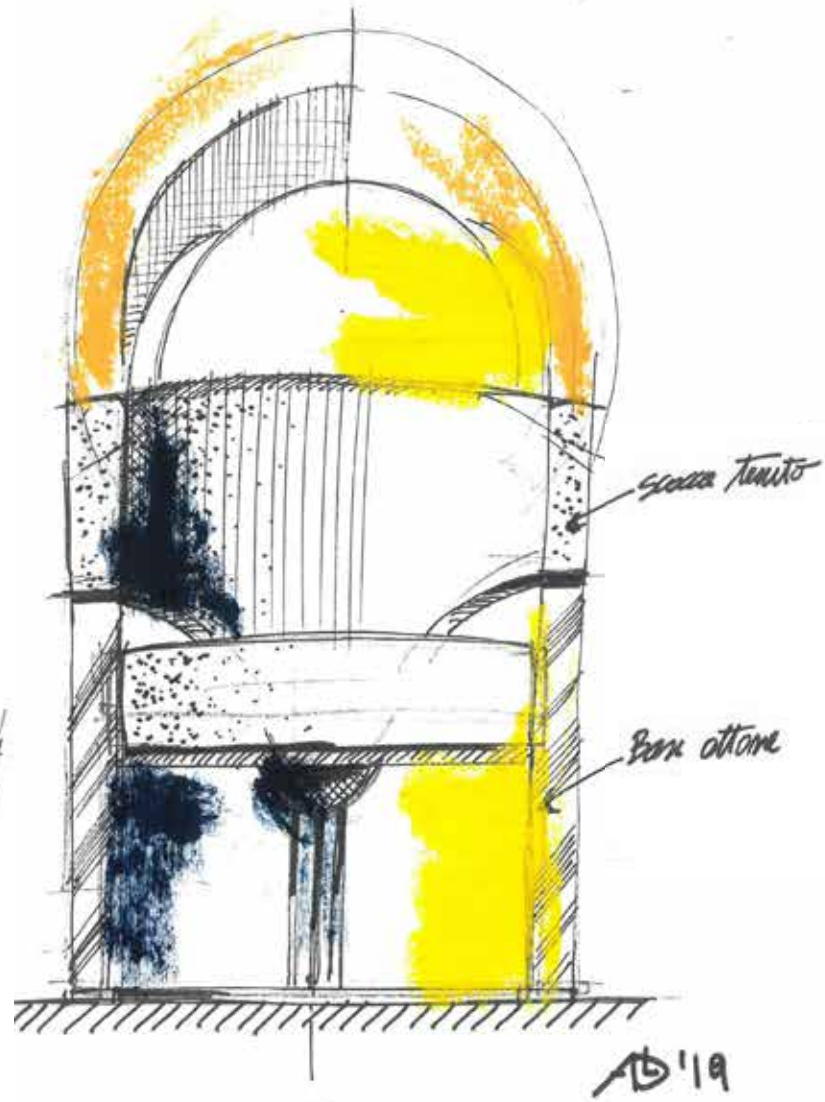
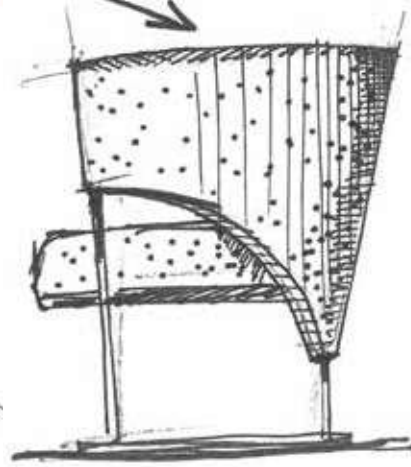
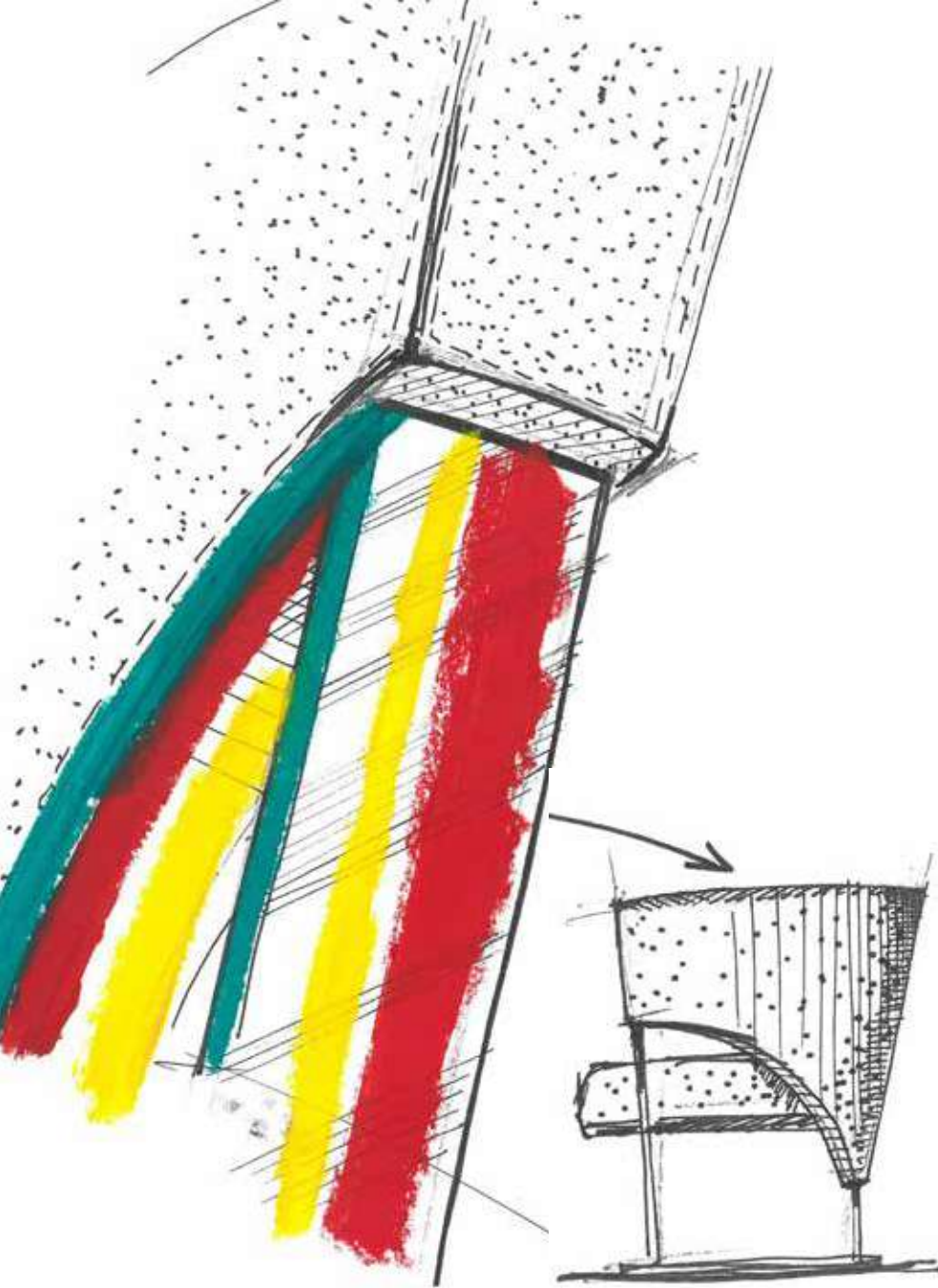

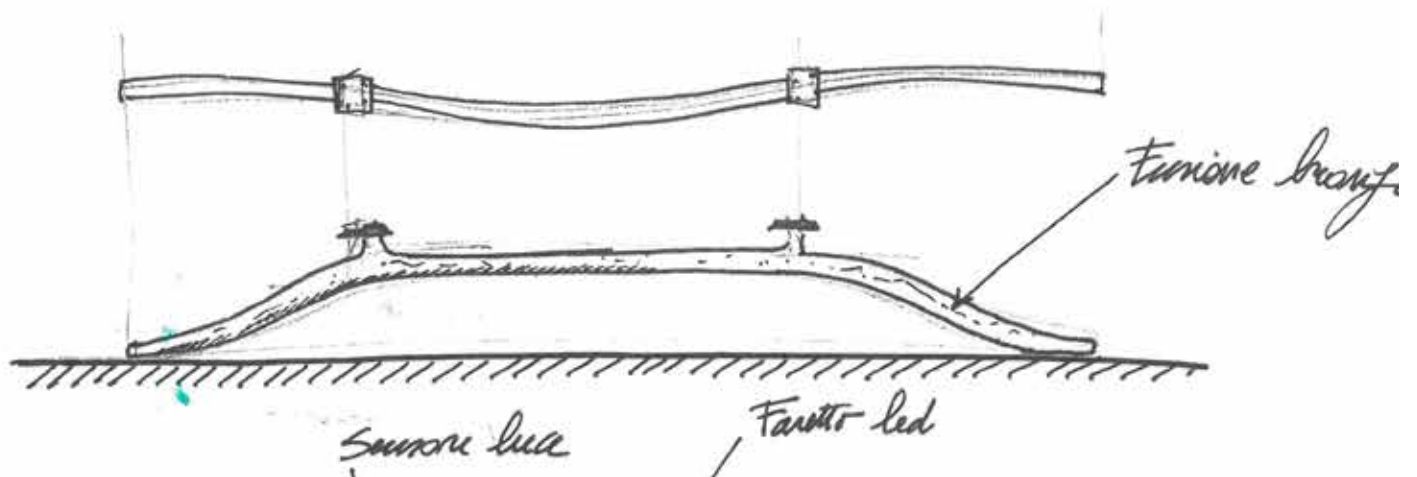

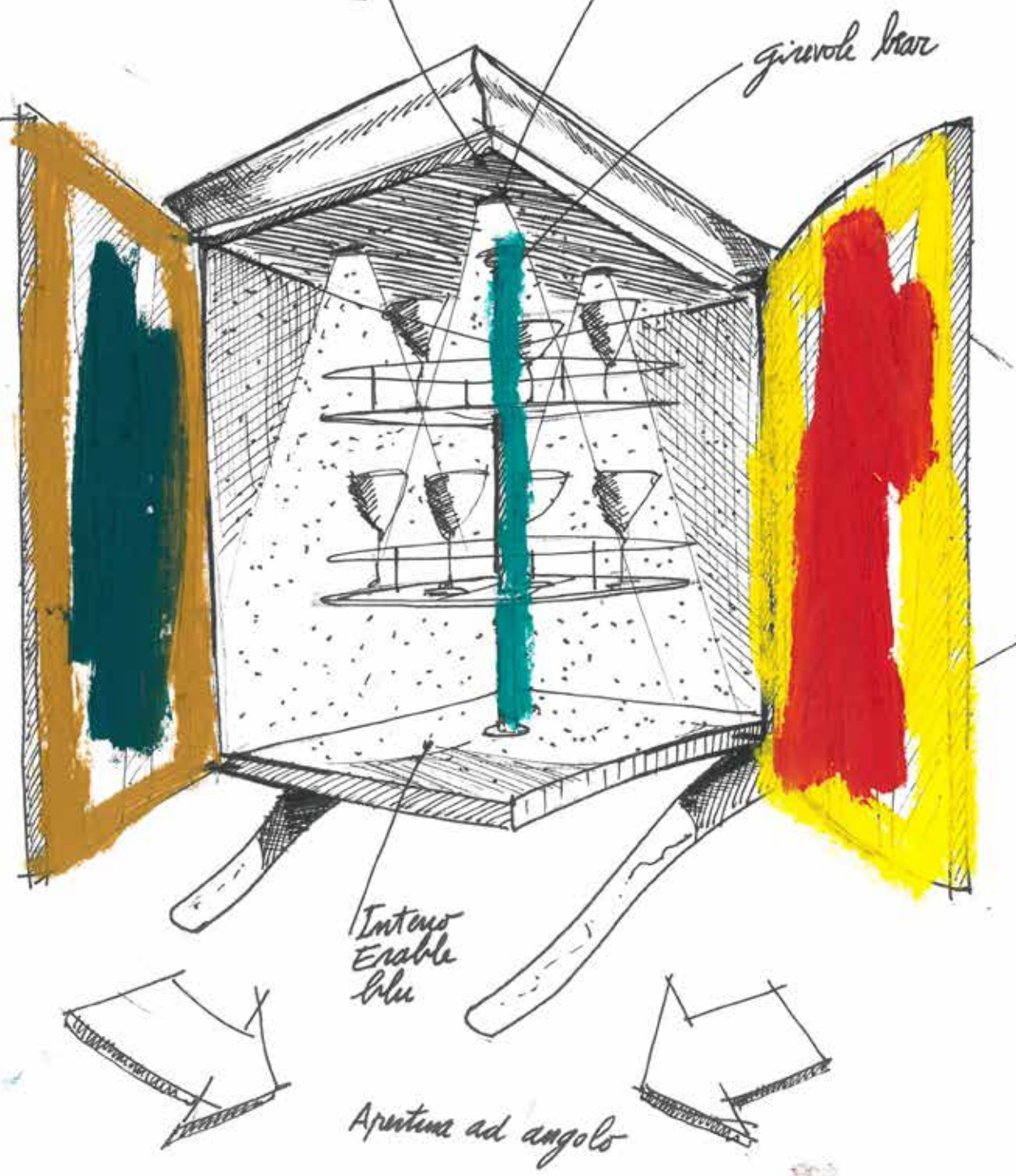

Funzione barraf.

Suono luce

Farotto led

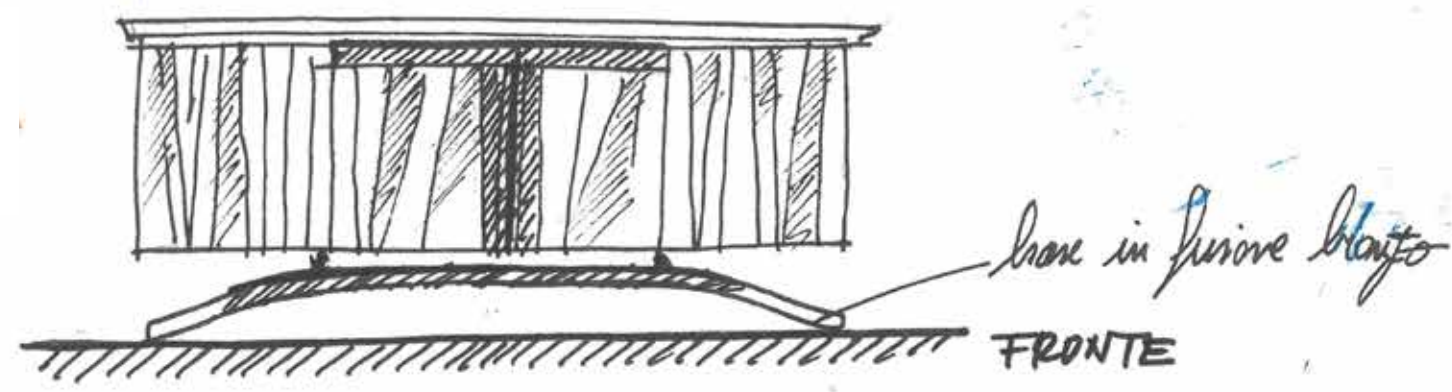
APERTURA AD ANGOLO BAR

girovole bar

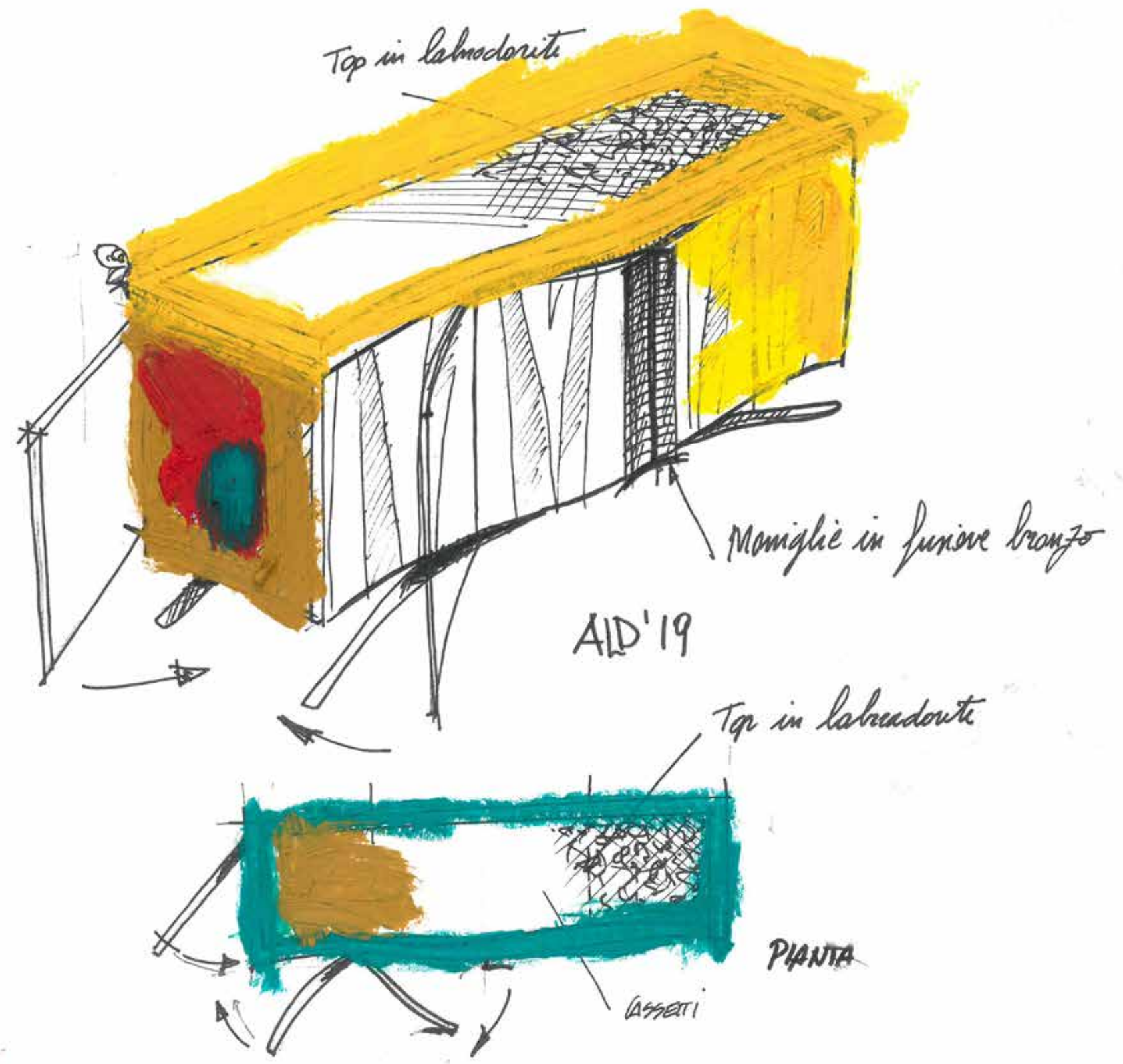
Interno
Esable
blu

Apertura ad angolo

base in fusione bronzo

FRONTE

Top in labradorite

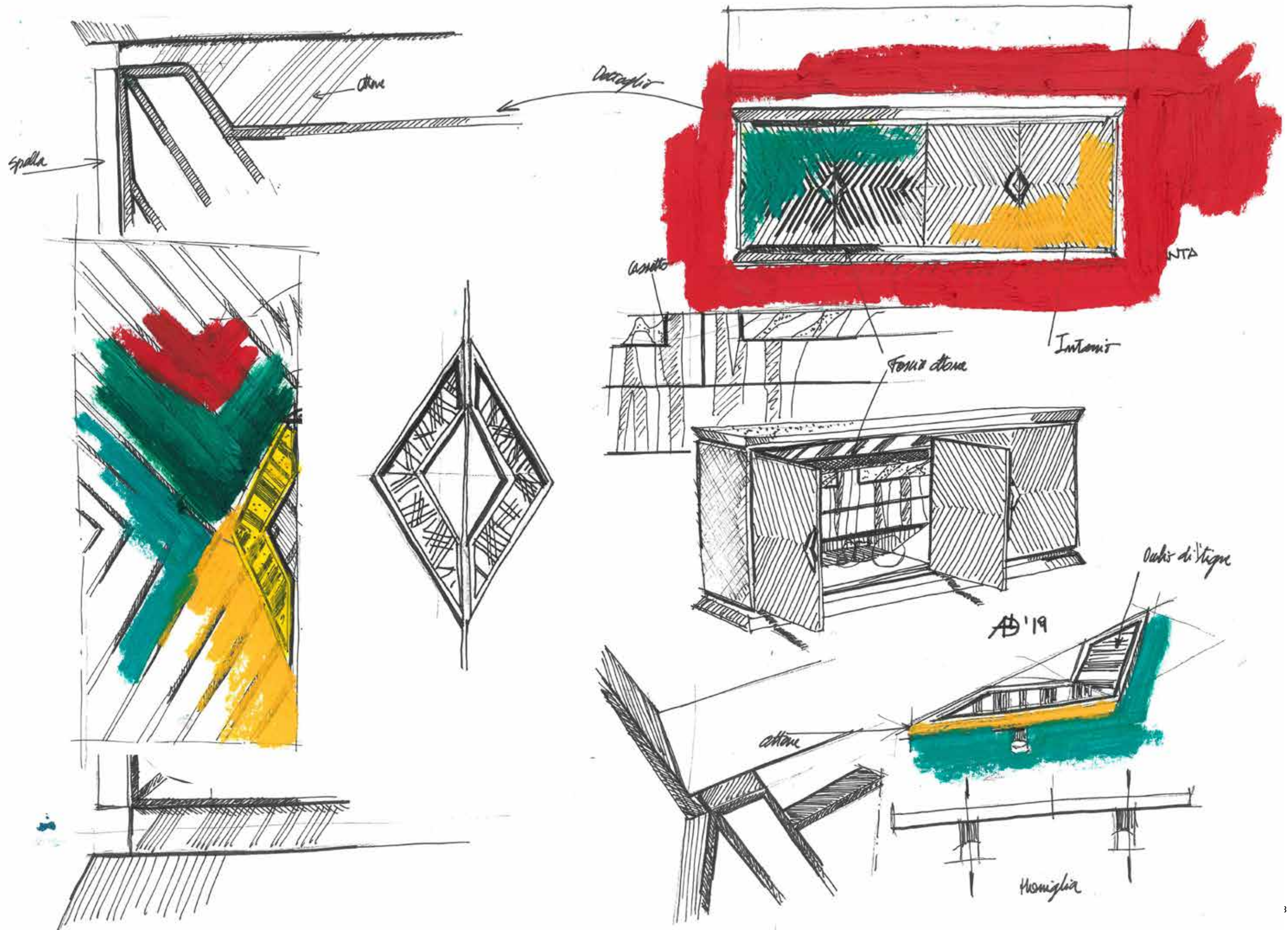
Maniglie in fusione bronzo

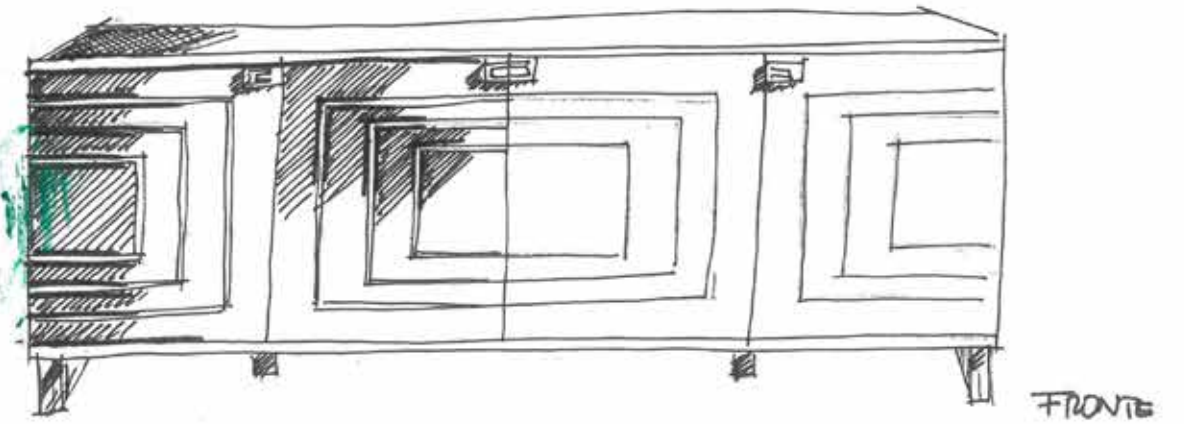
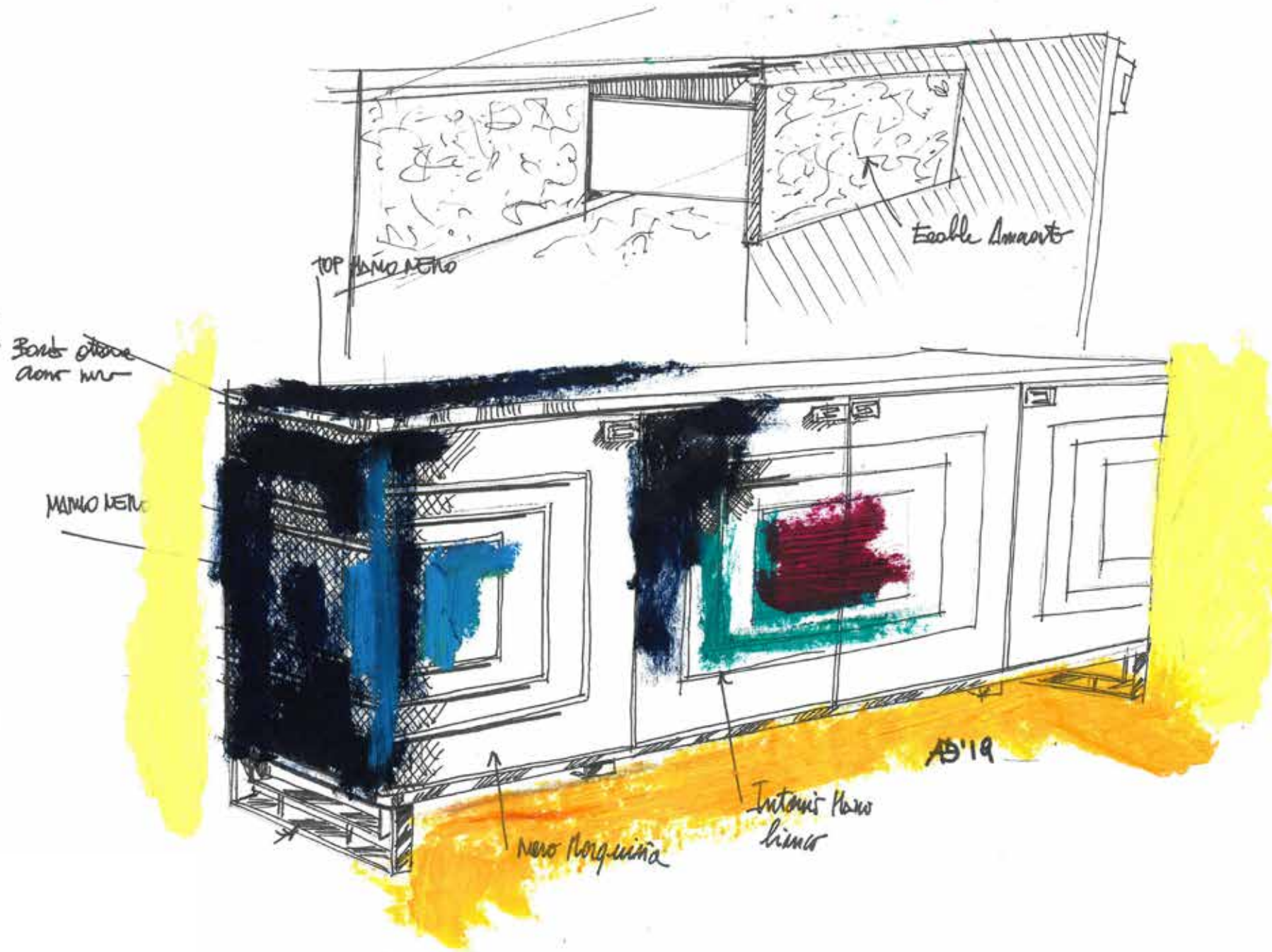
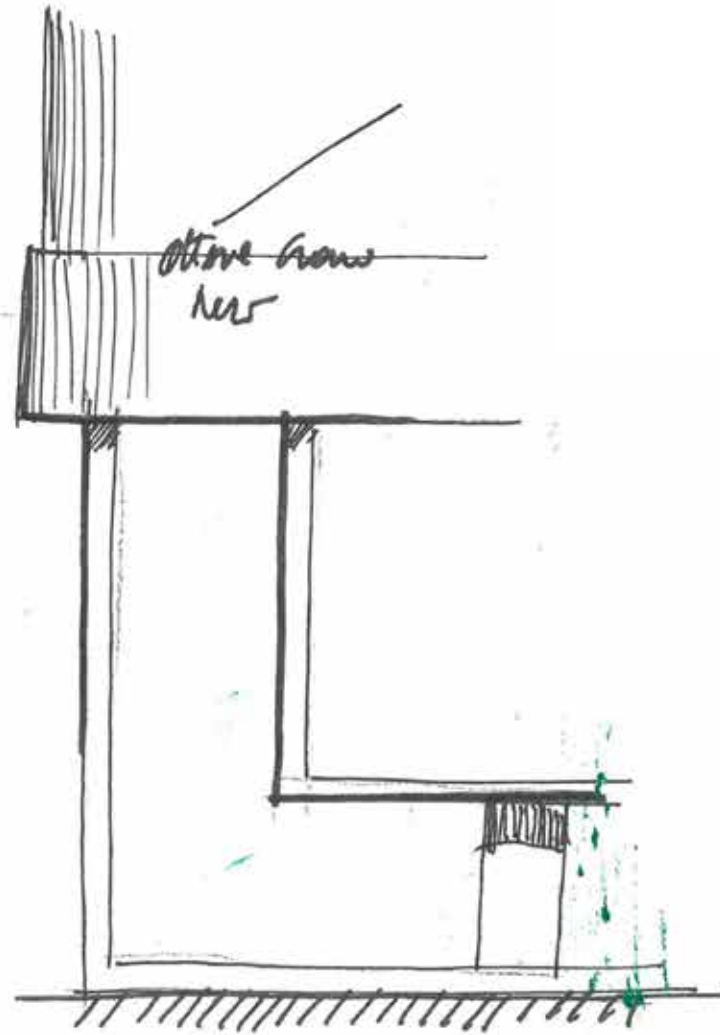
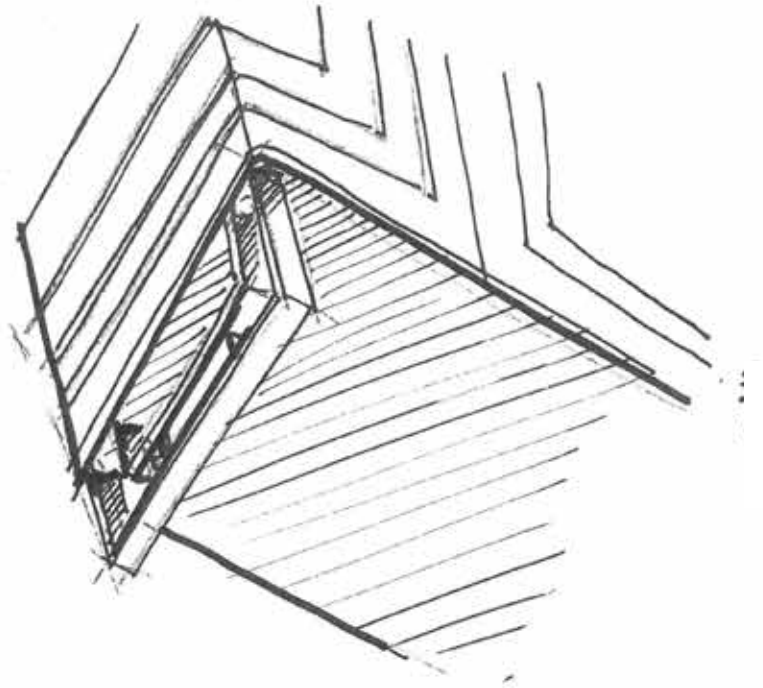
ALD'19

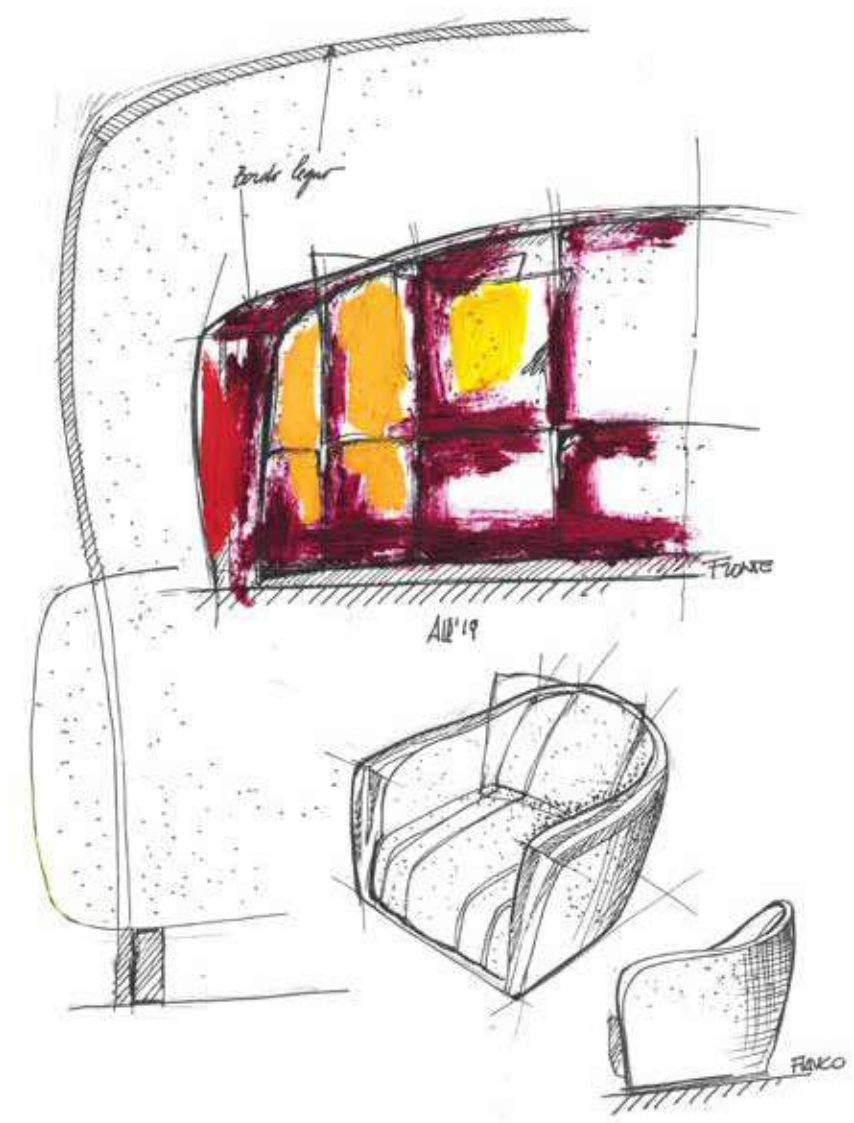
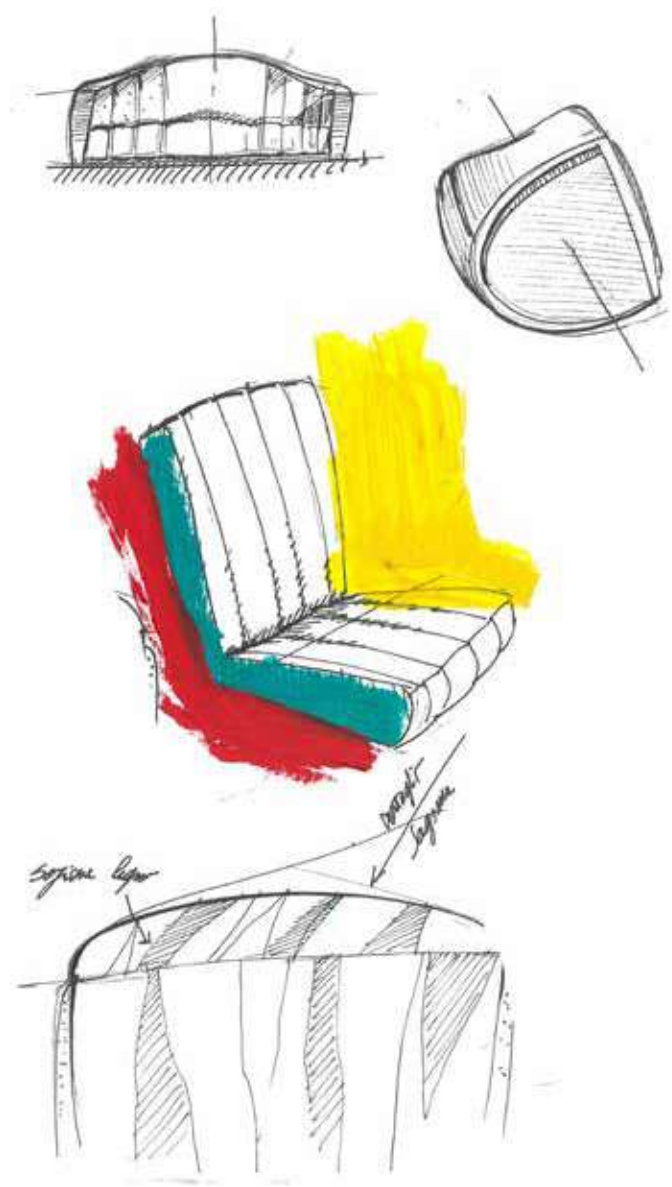
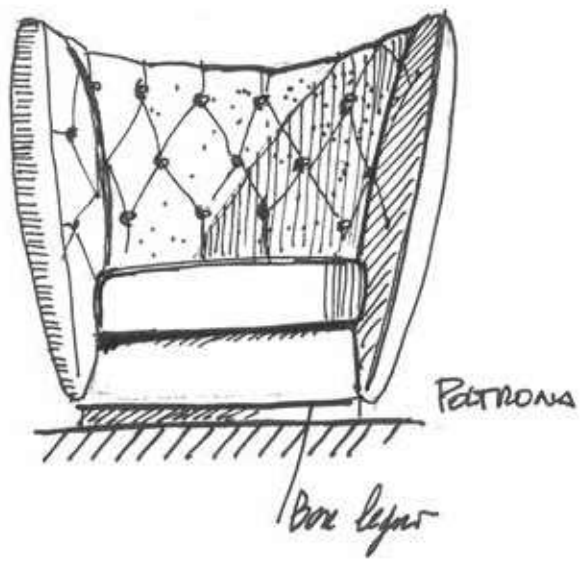
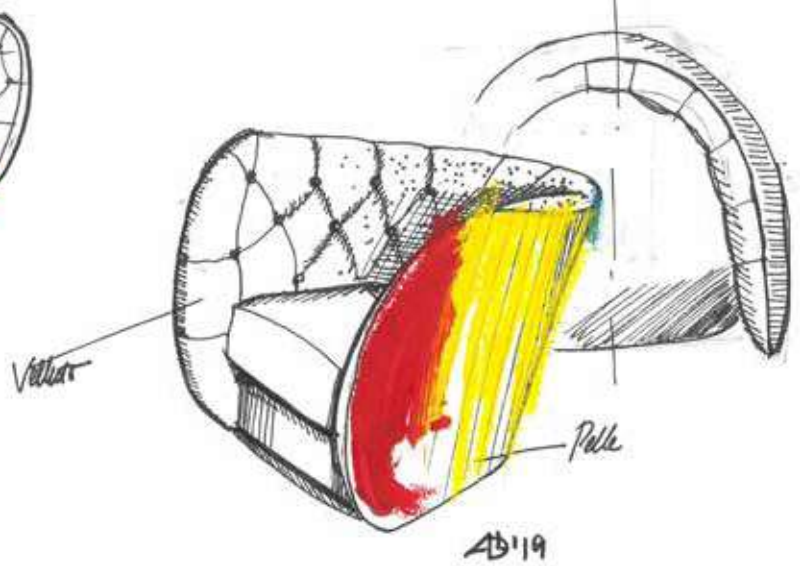
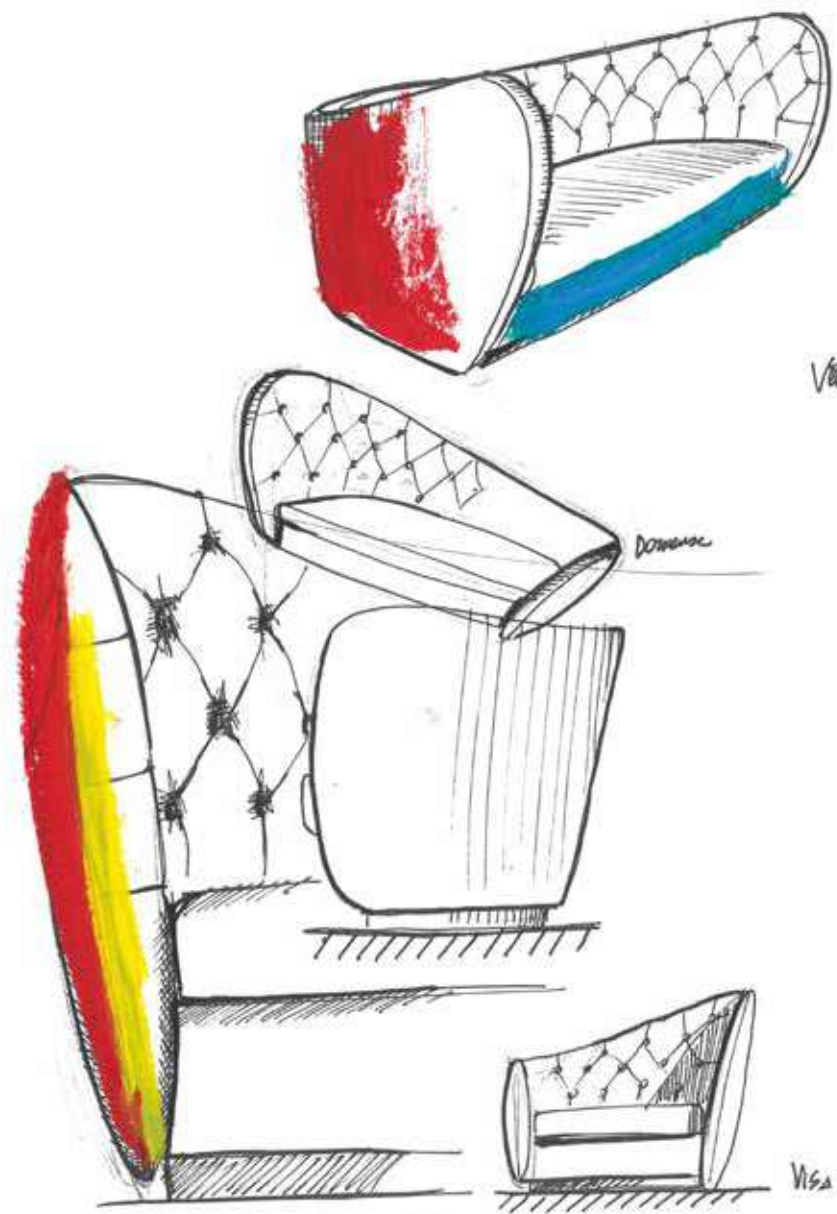
Top in labradorite

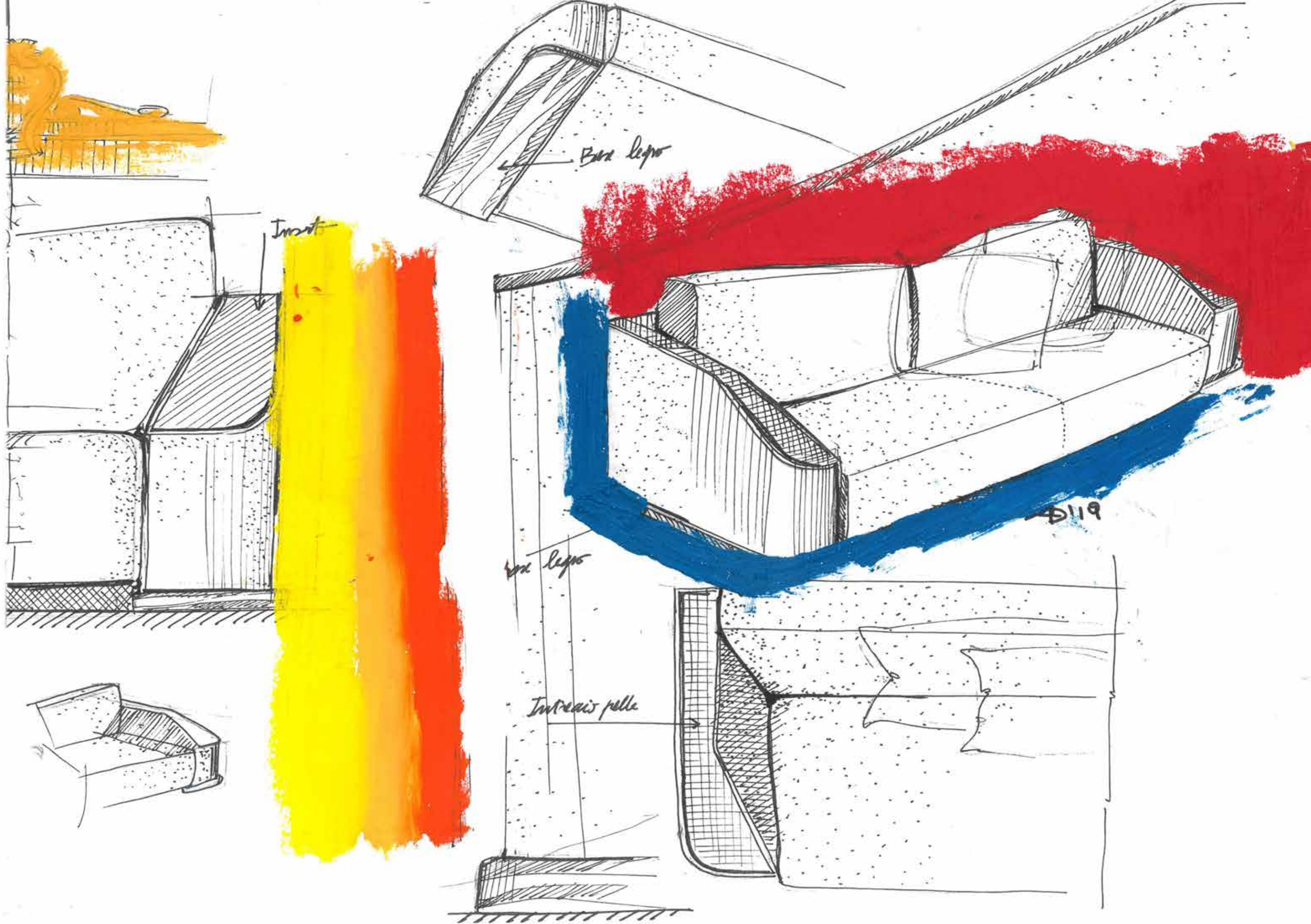
PIANTA

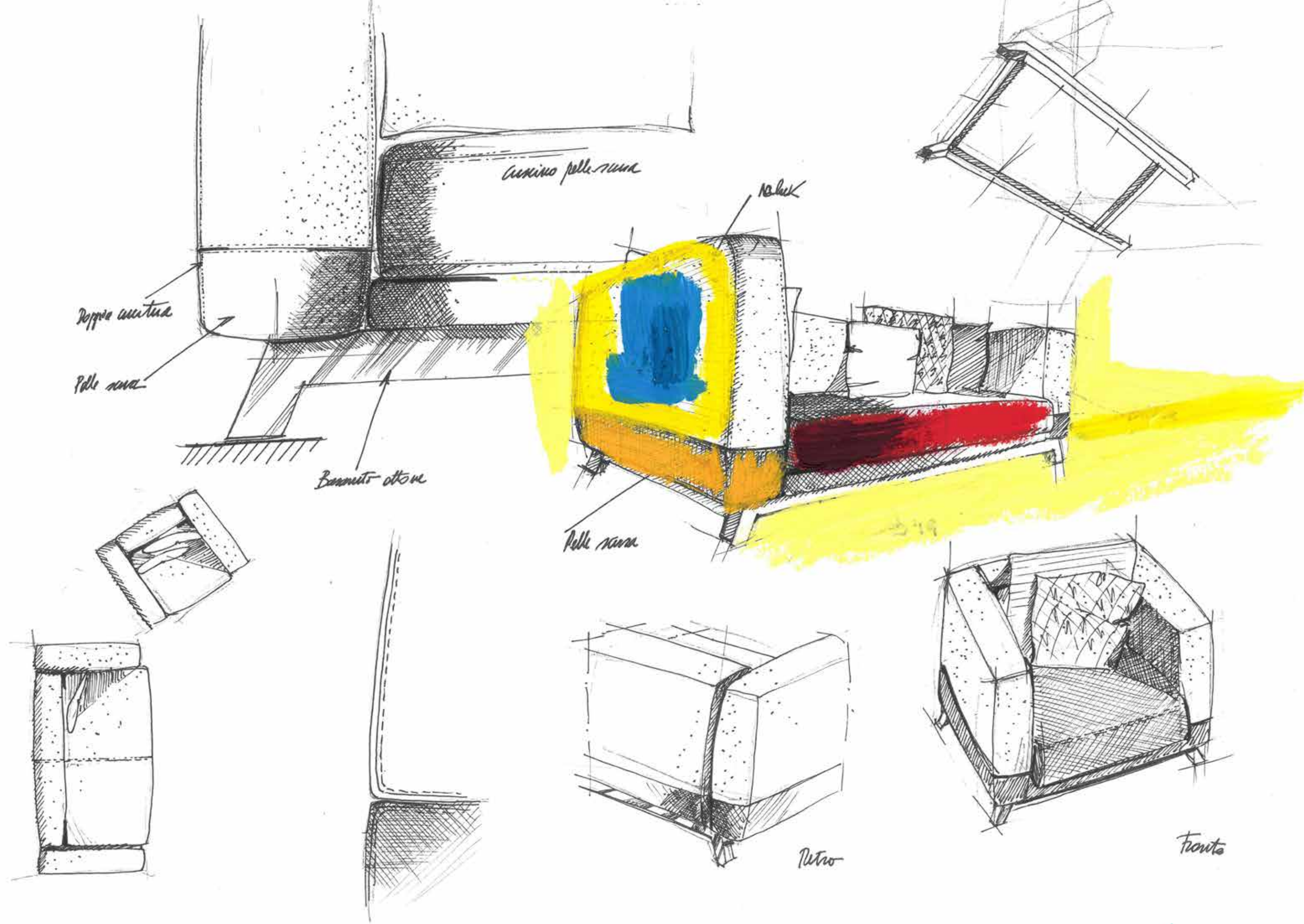
ASSETTI

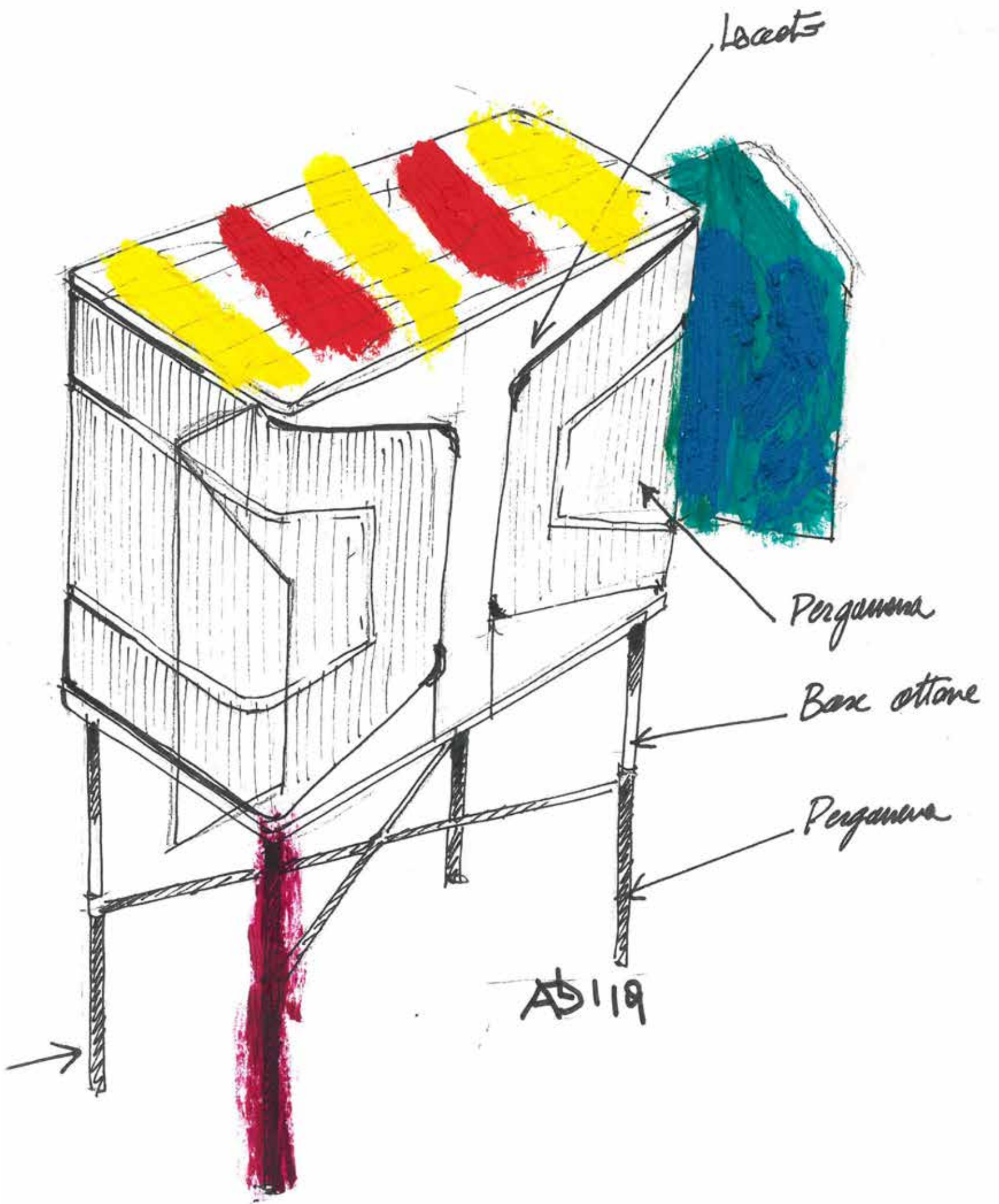
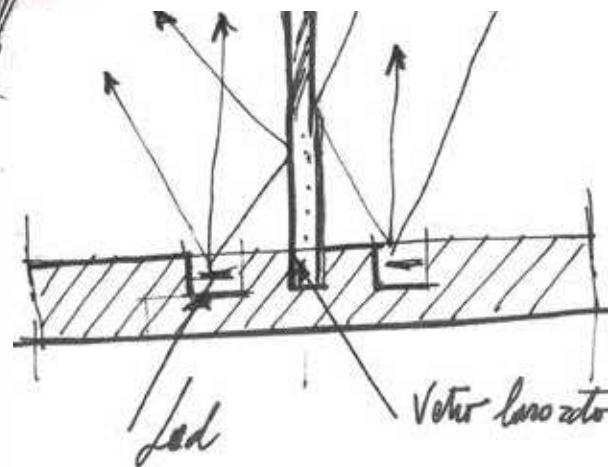
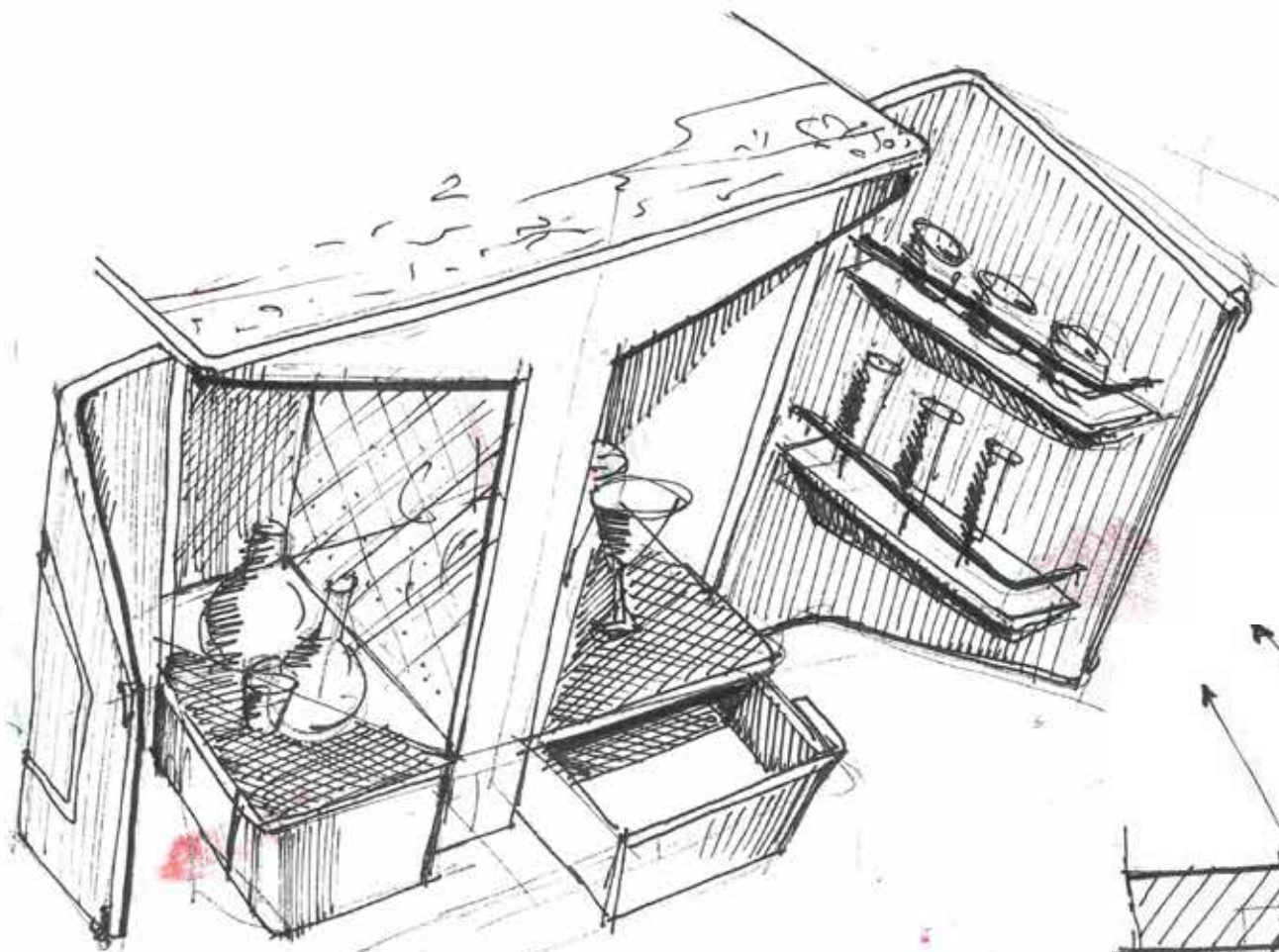
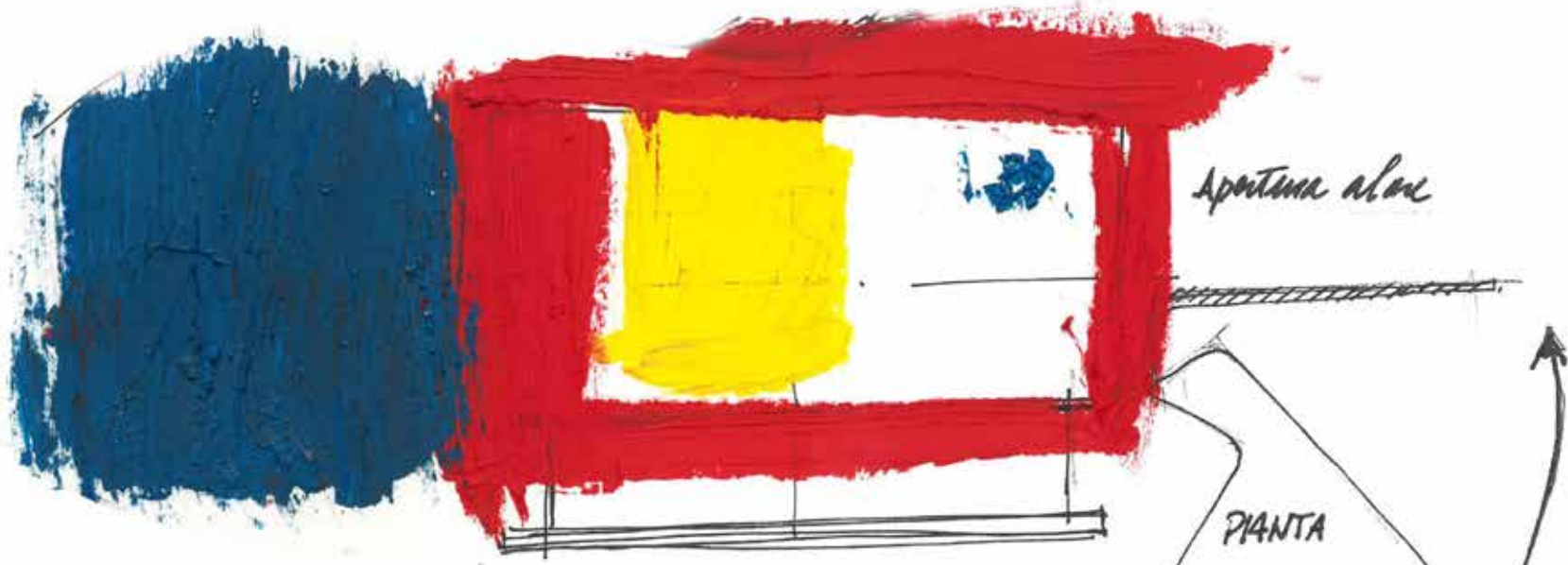

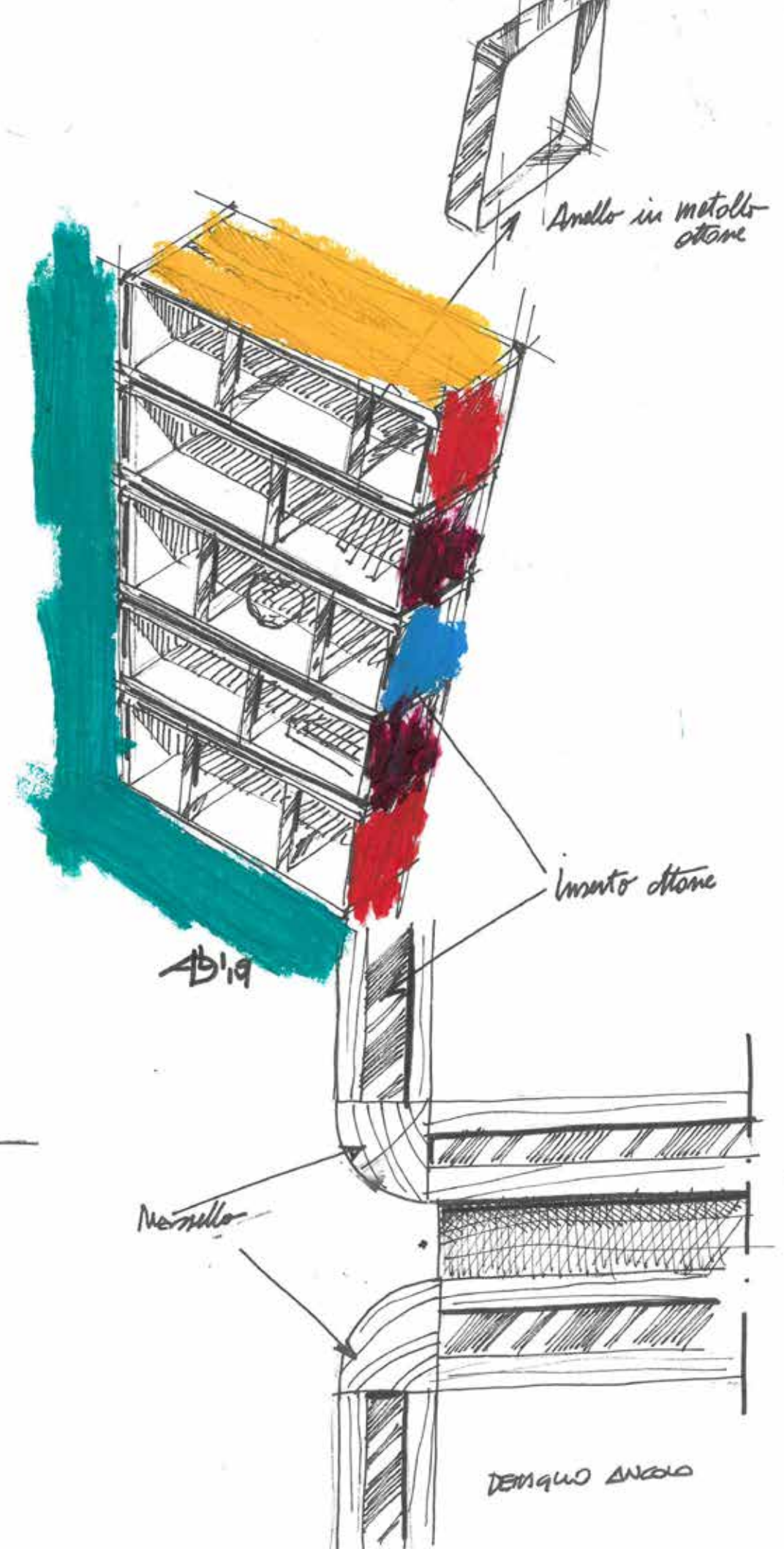
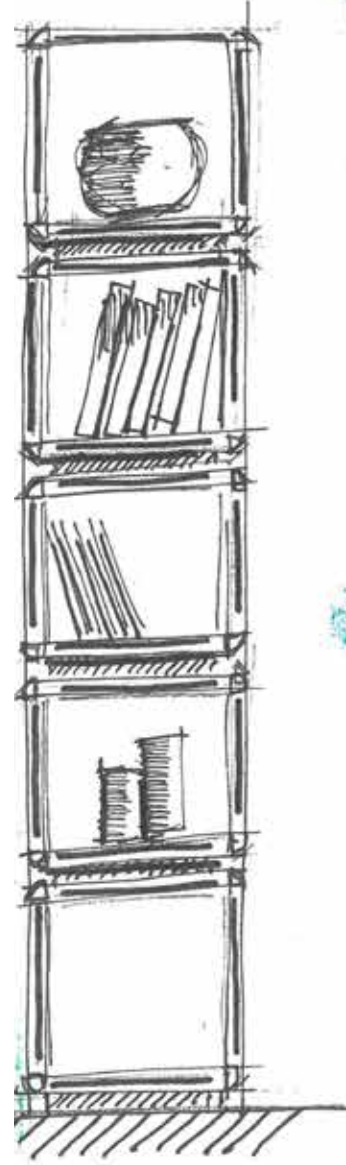
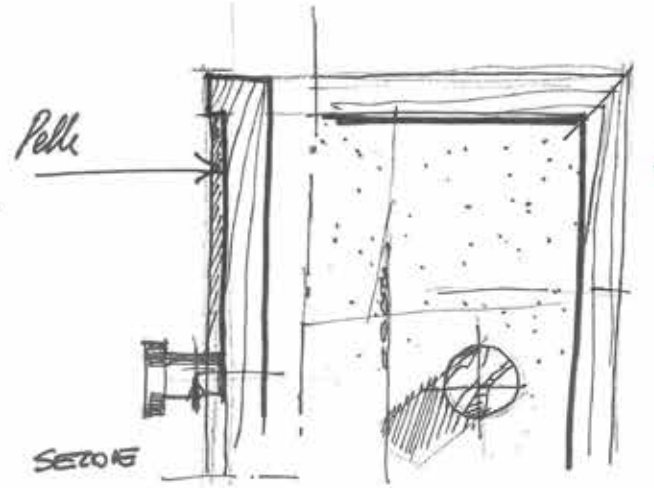
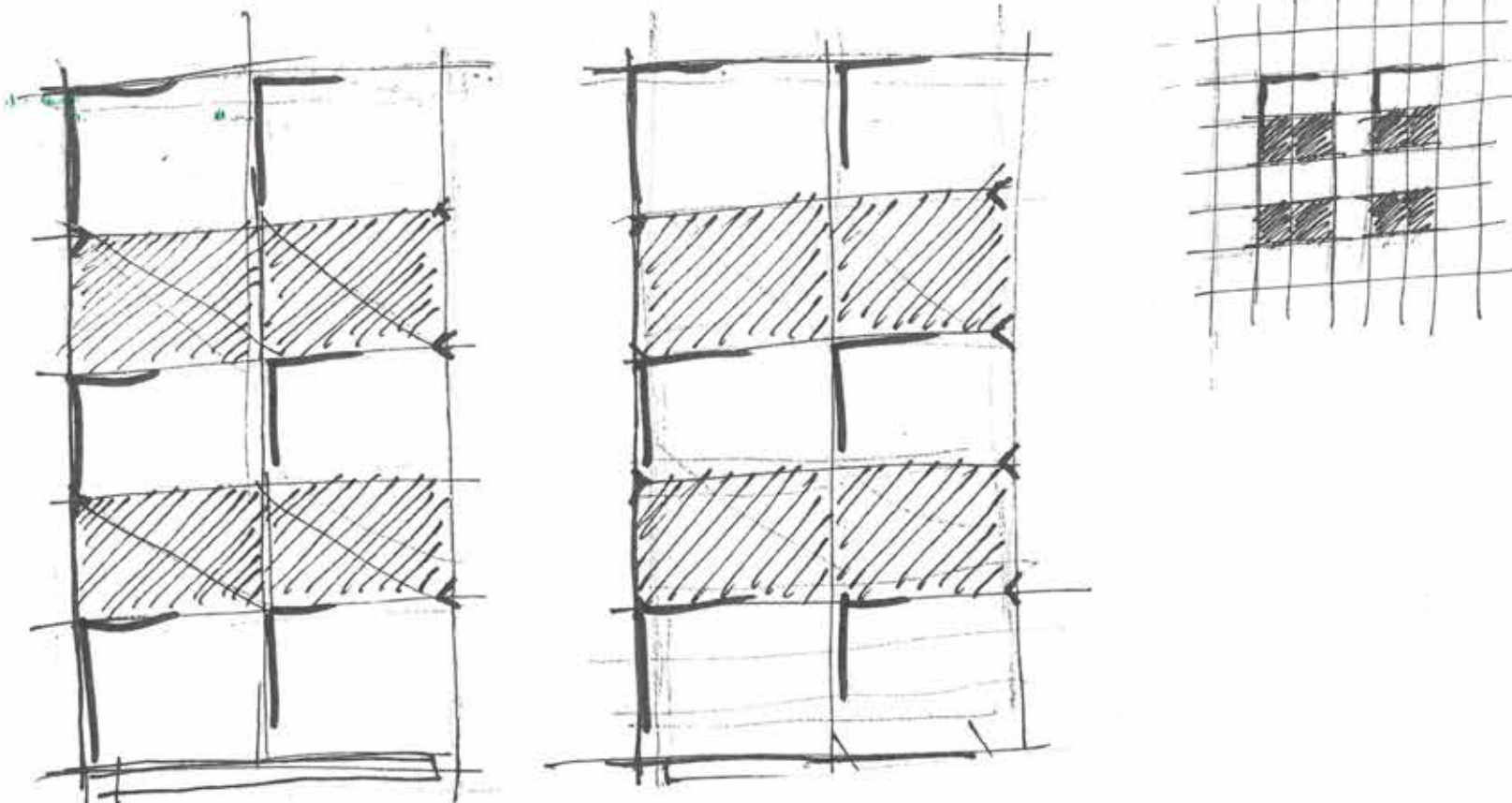

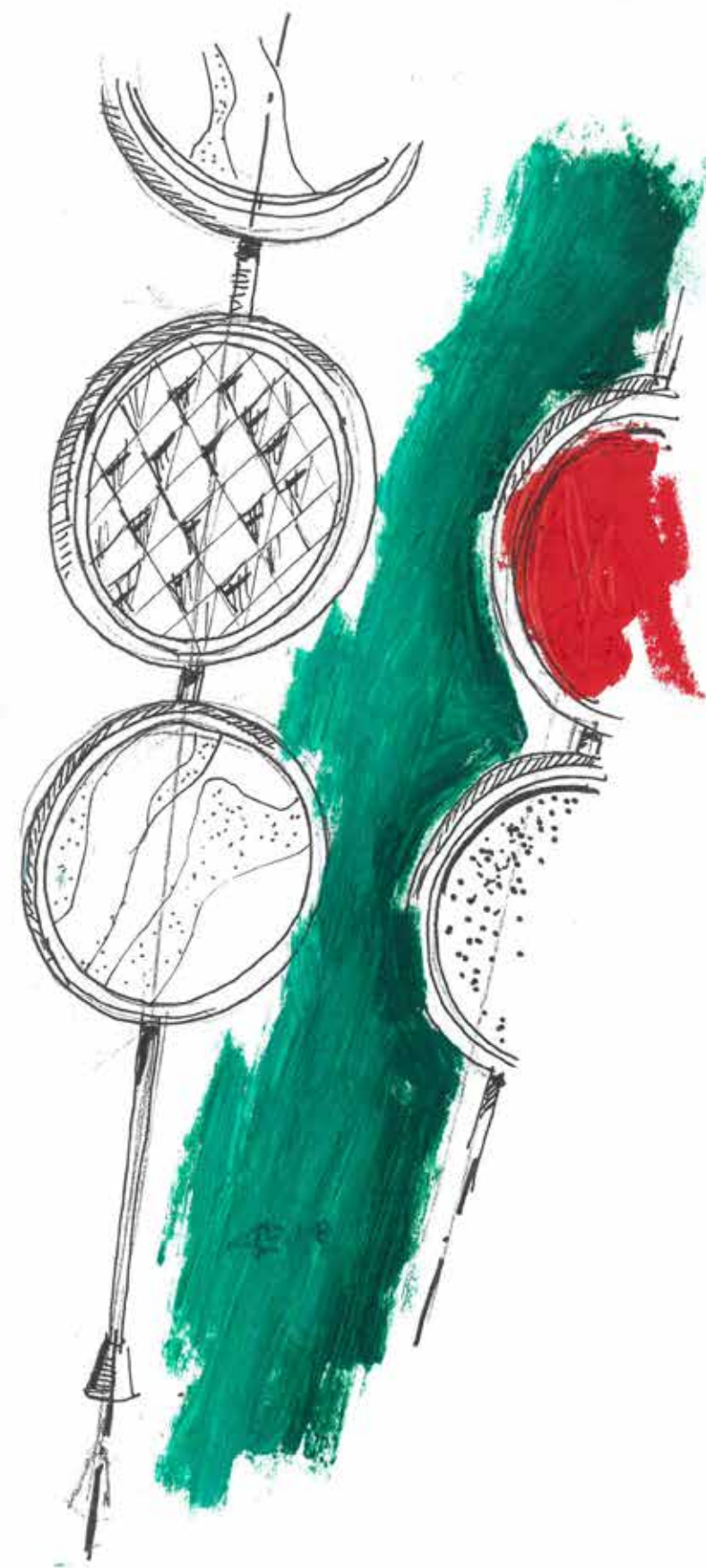
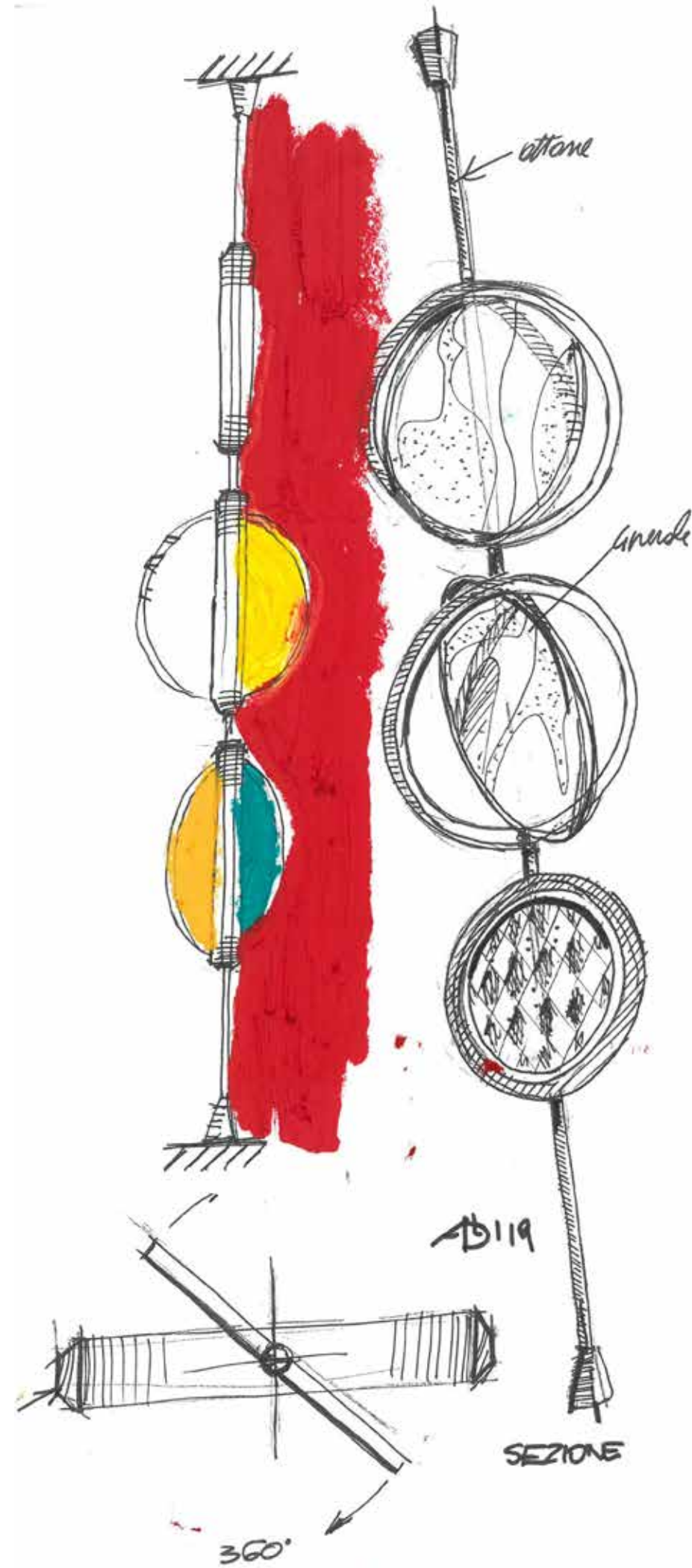
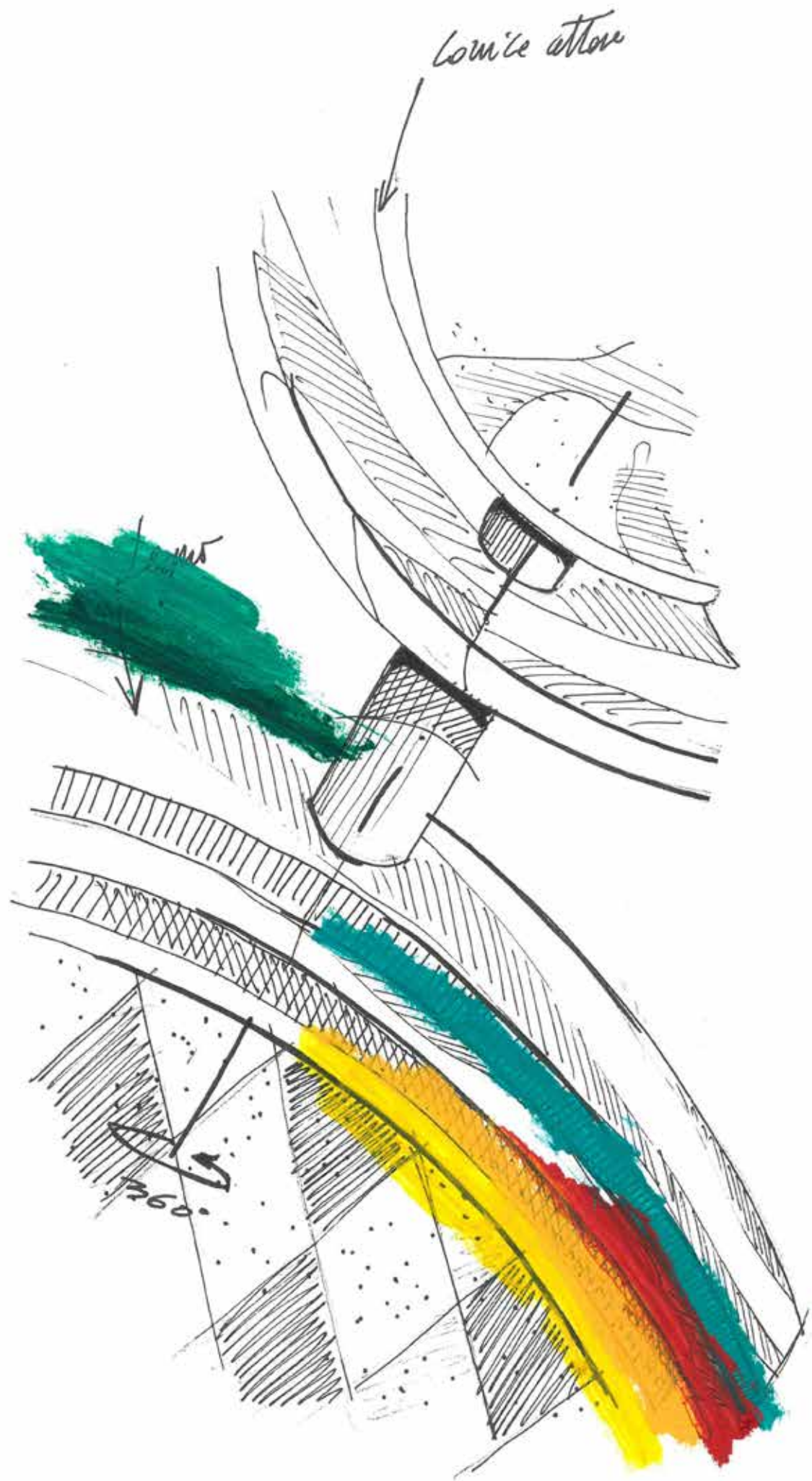

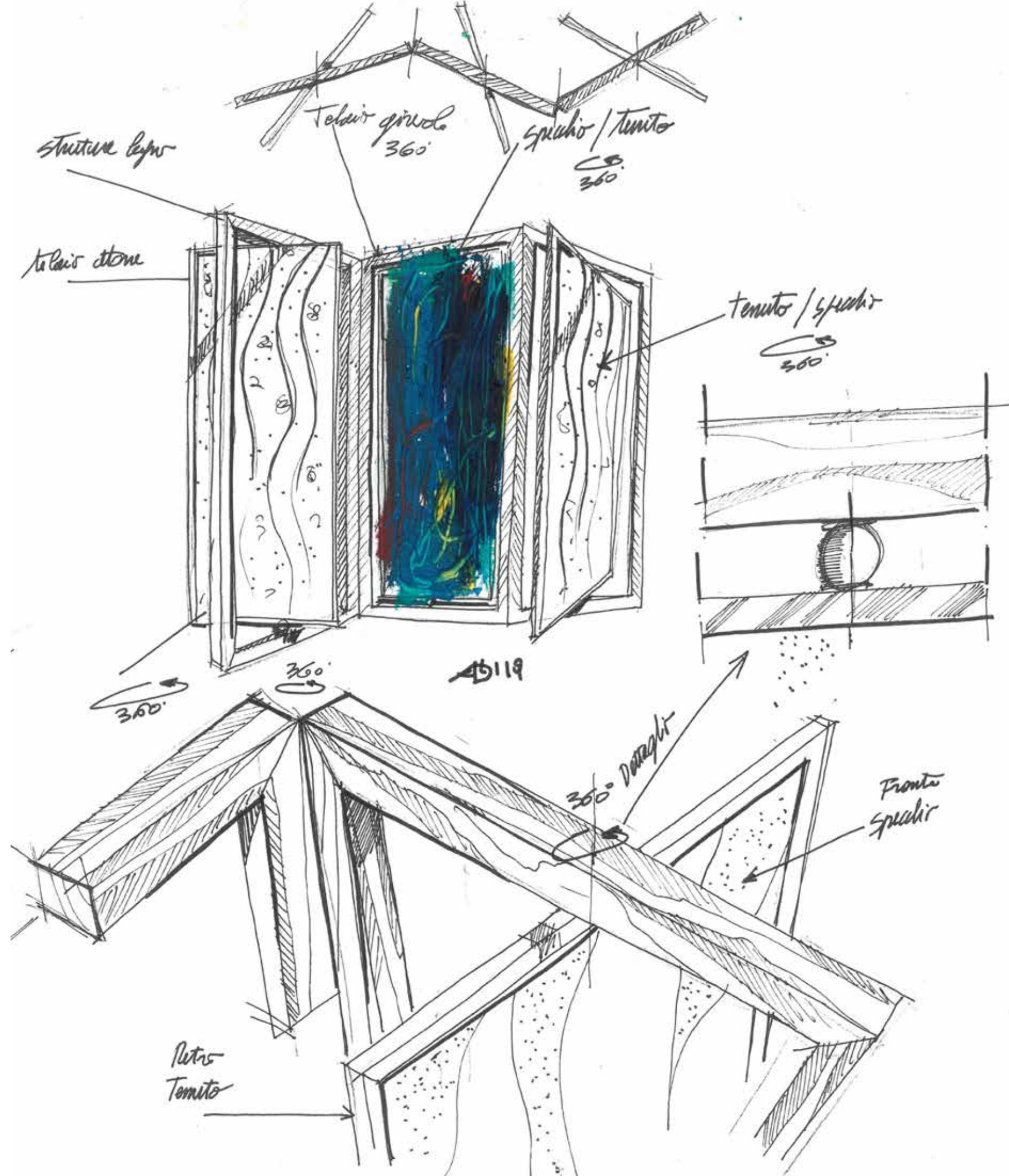
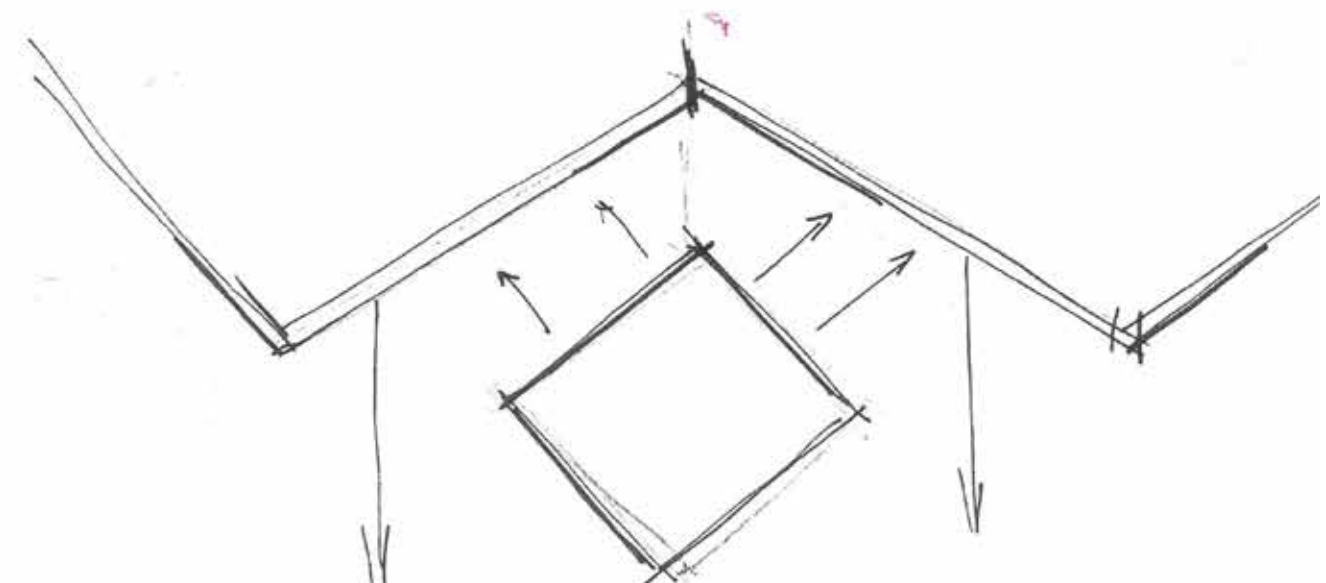
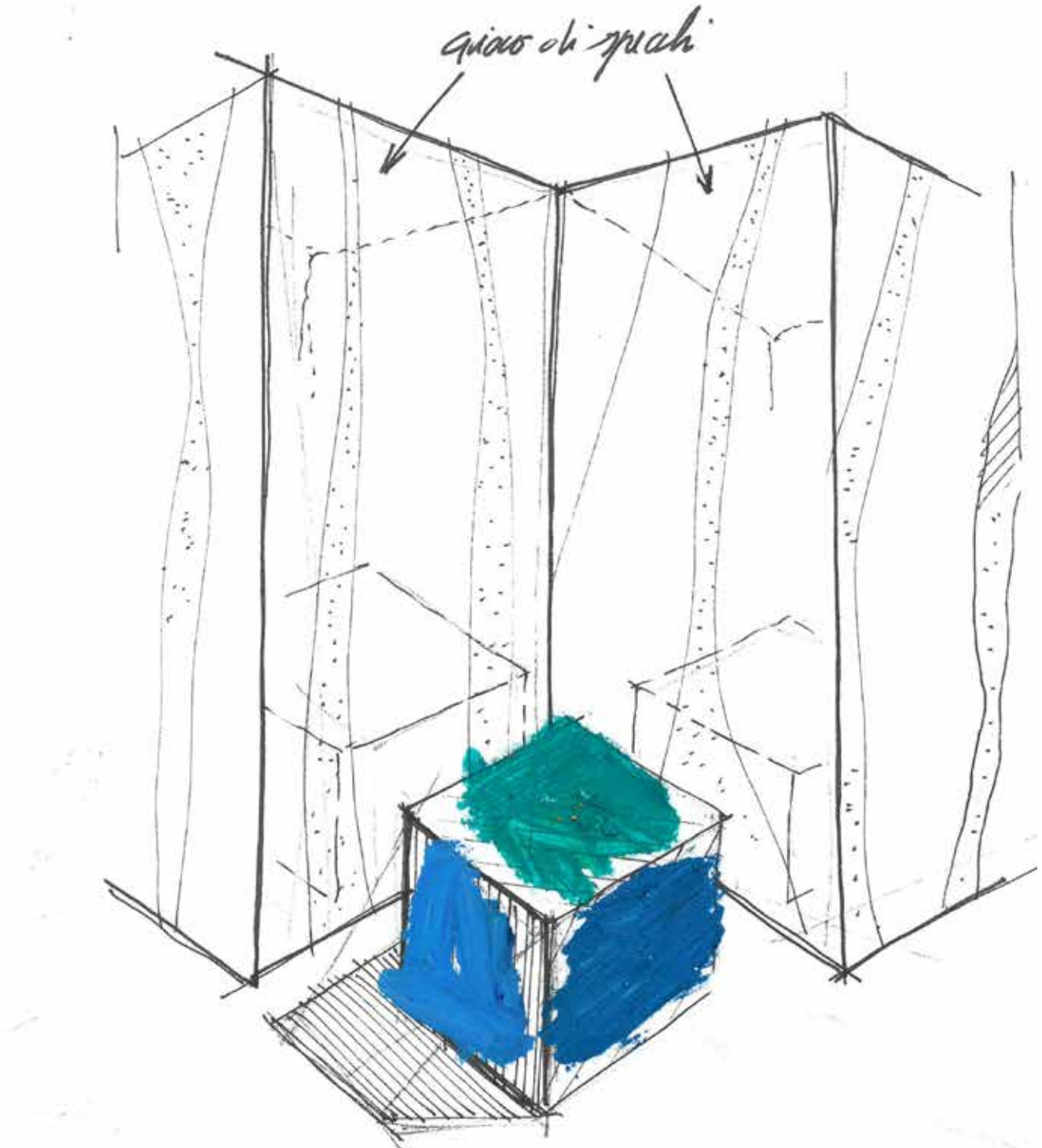

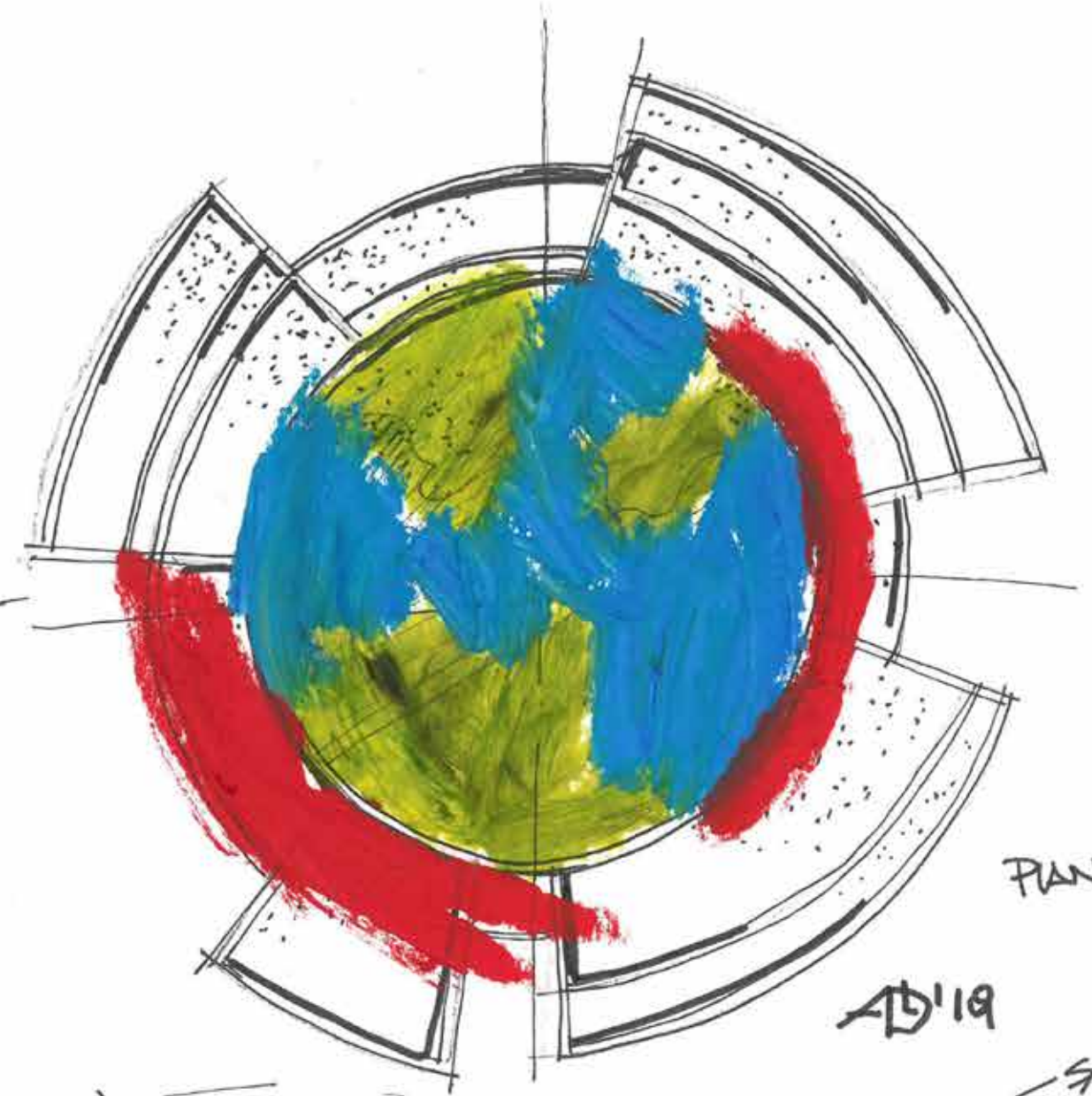

LABIRINTO CNOSSO

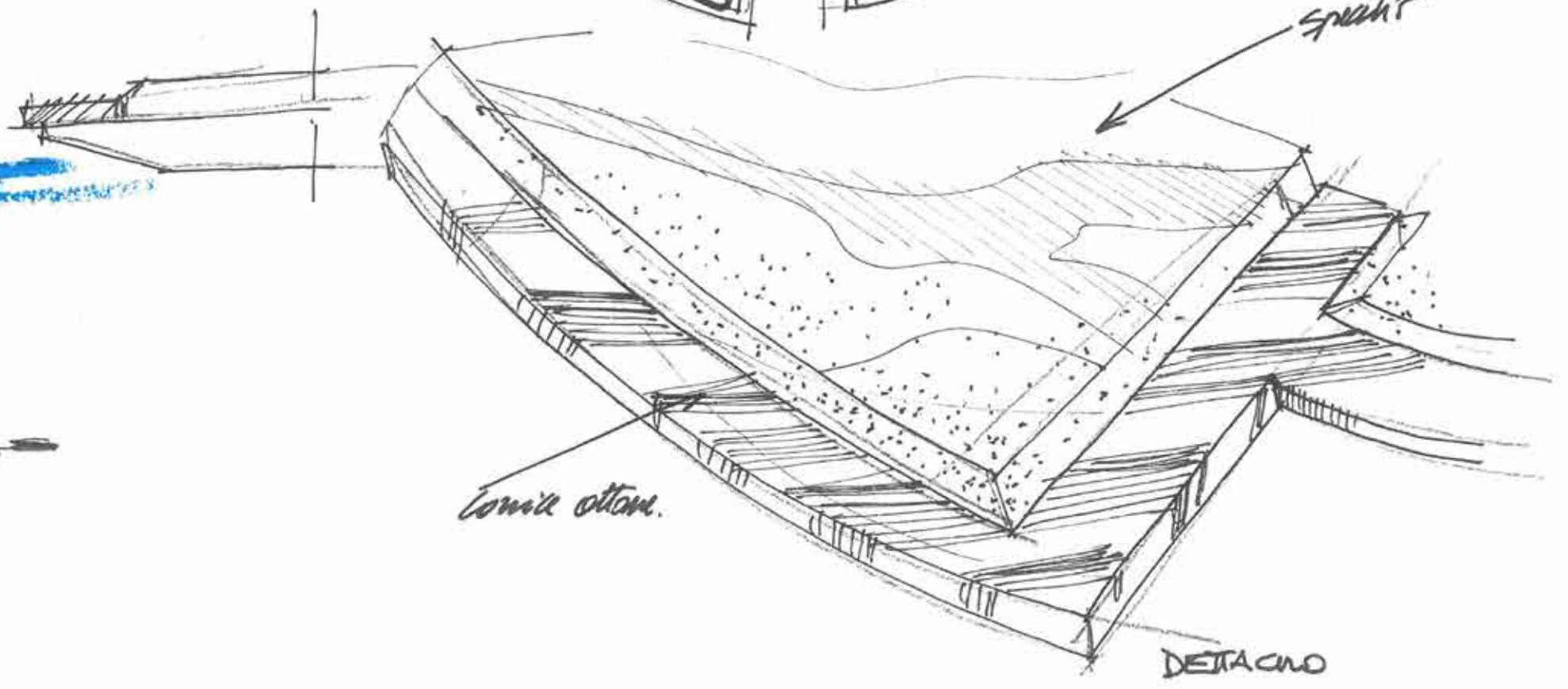
labirinto

PANTA

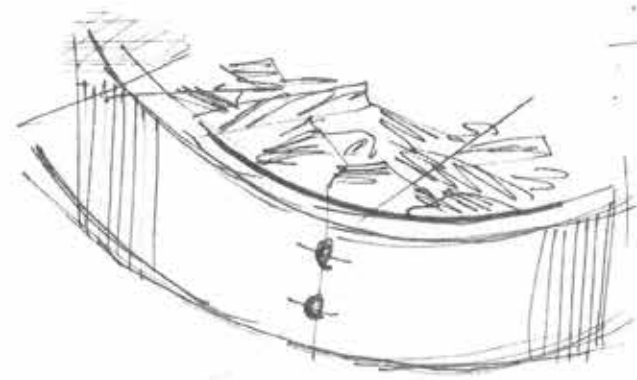
AD'IA

spachir

tonica ottom.

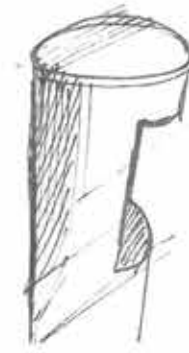
DETACNO

Aggancio garbino

PIEDINO
Cama

Onda

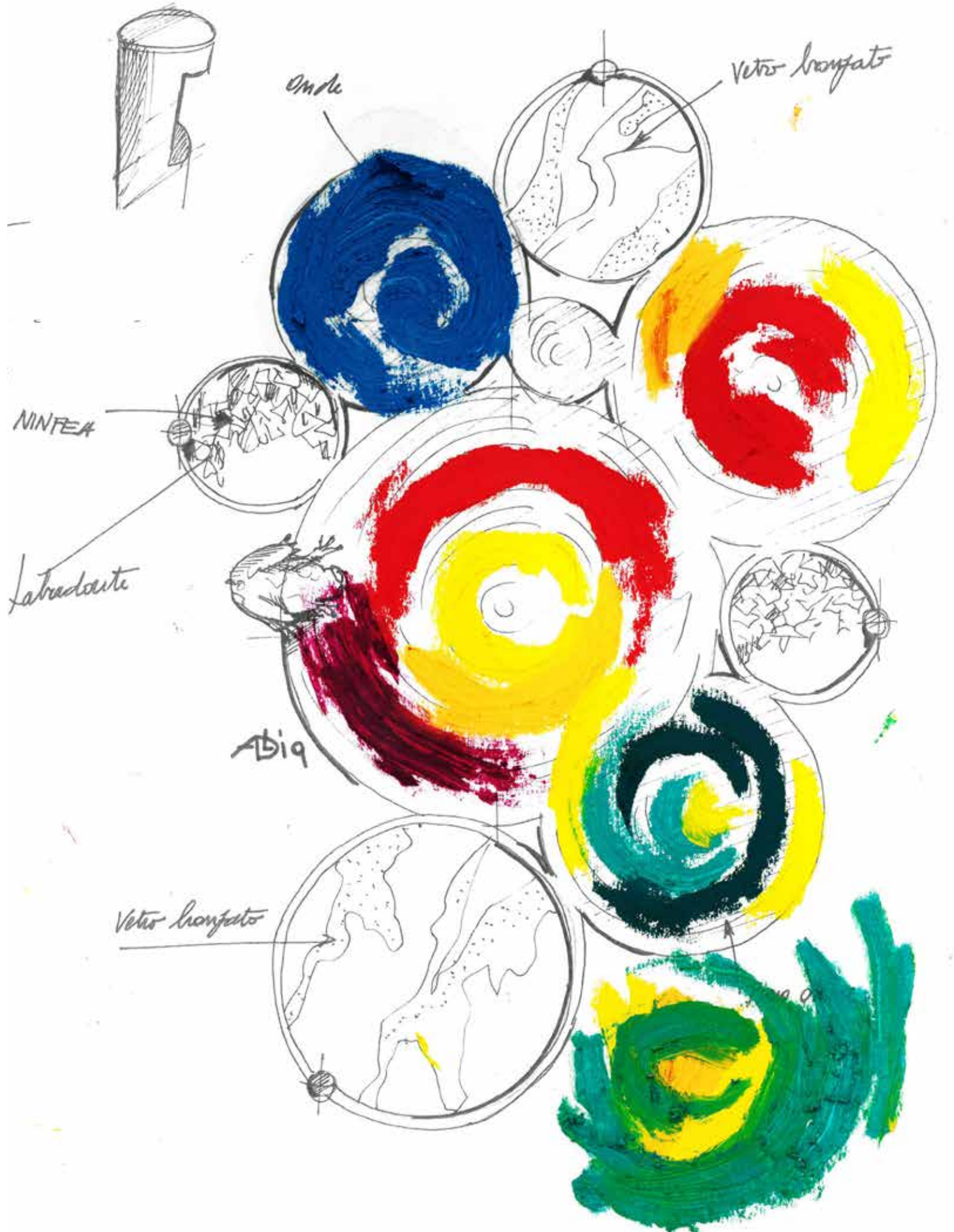
Vetro bronzato

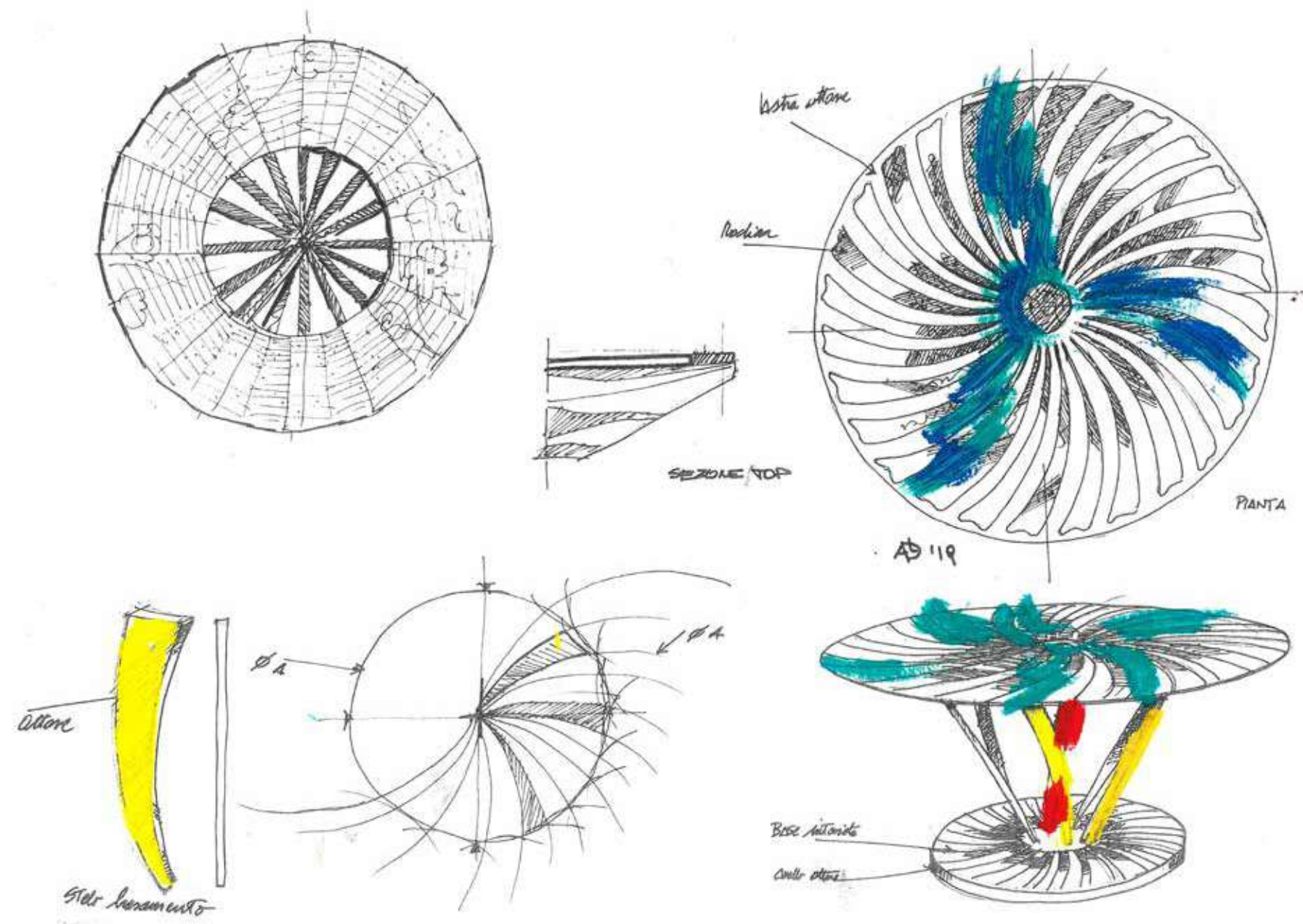
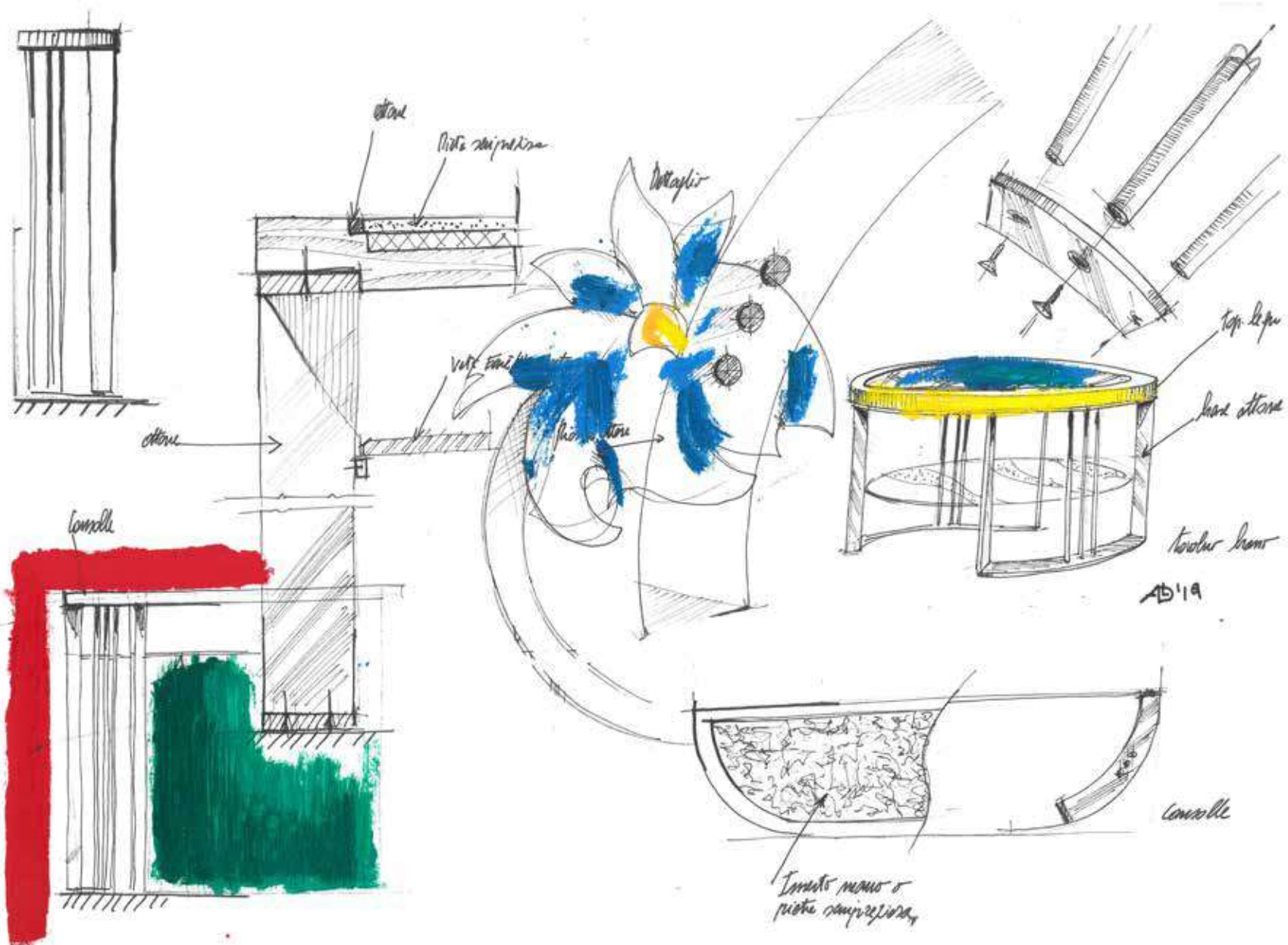
NINFEA

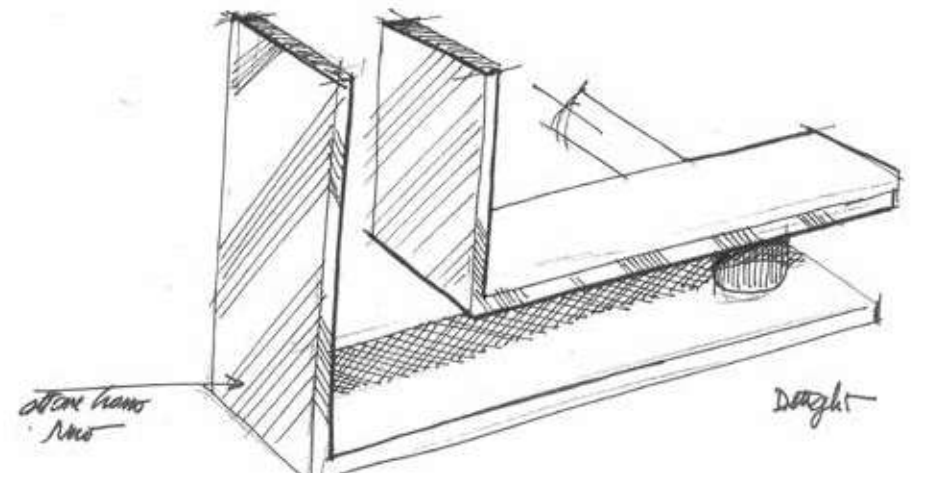
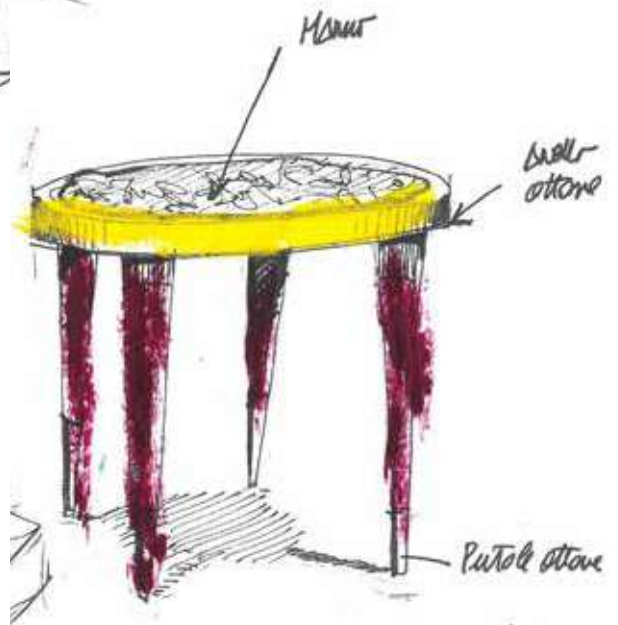
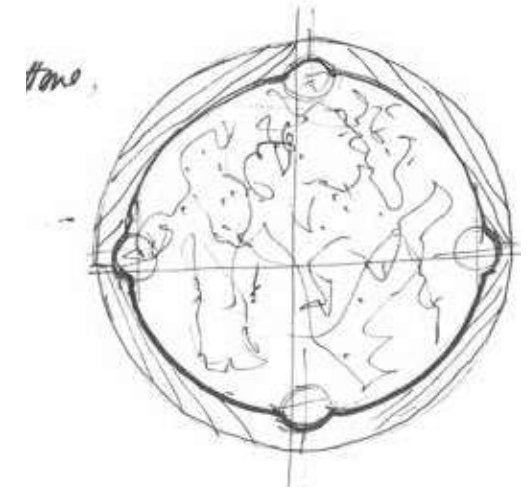
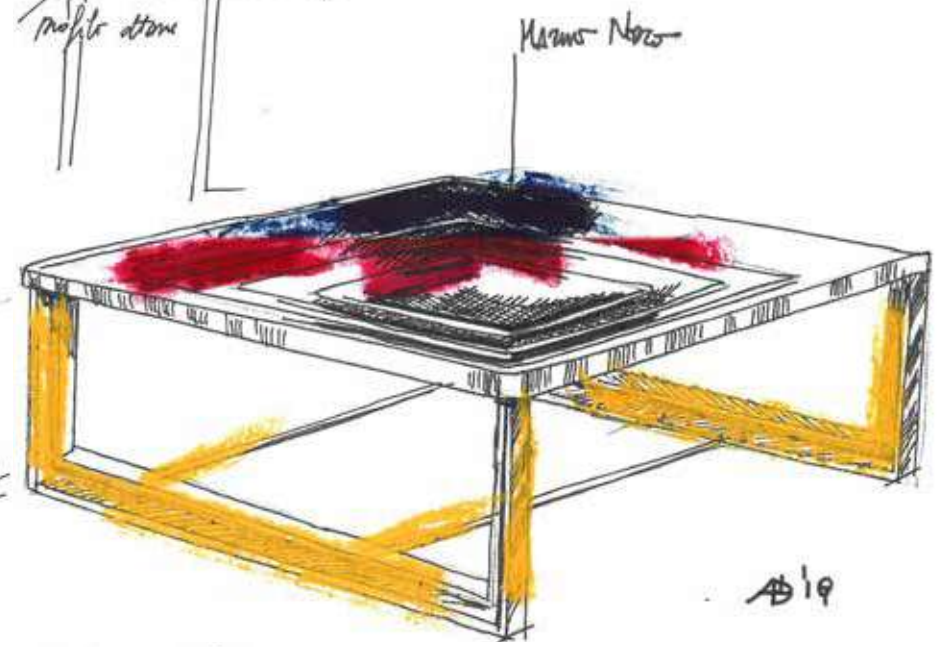
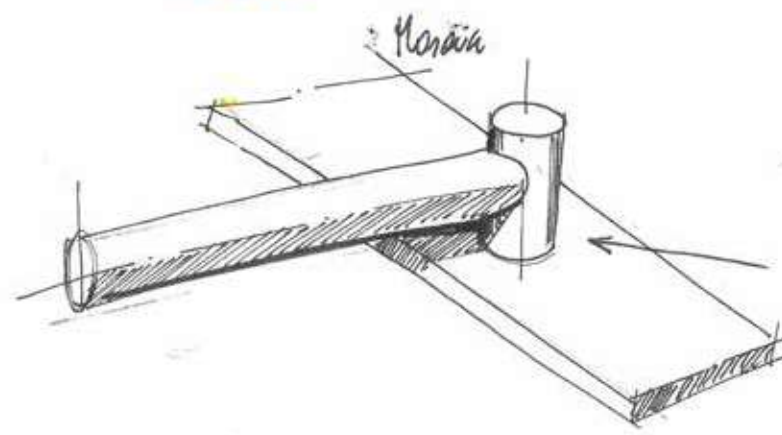
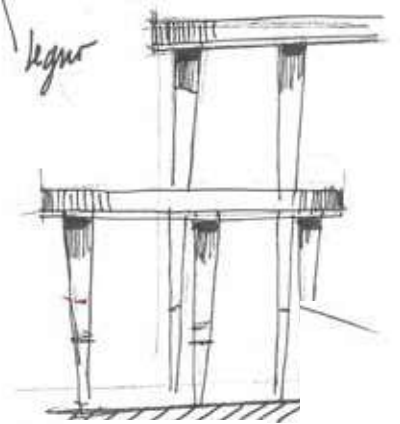
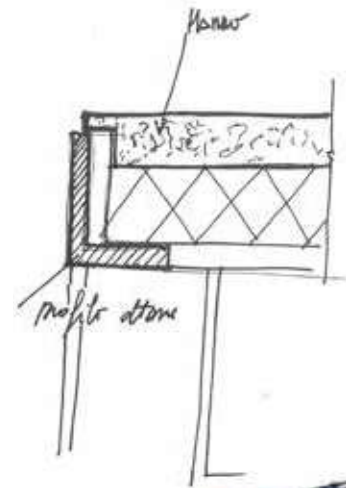
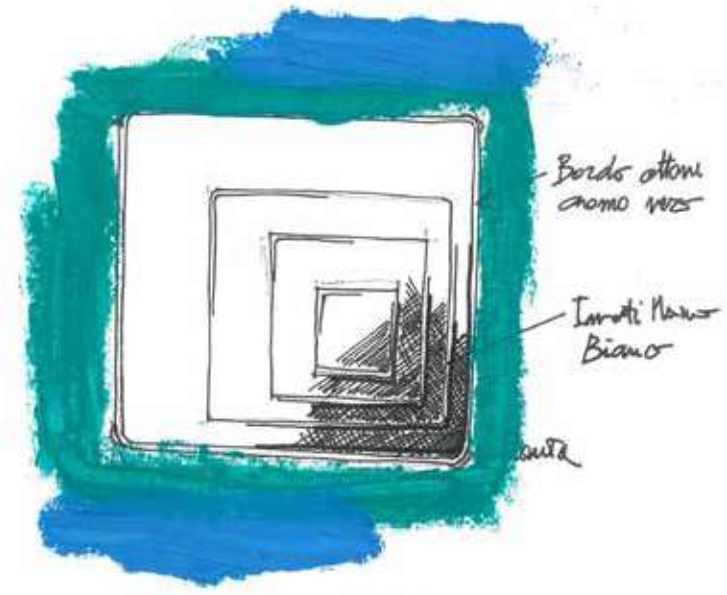
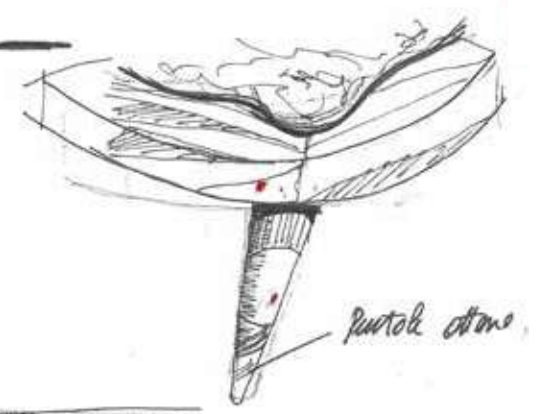
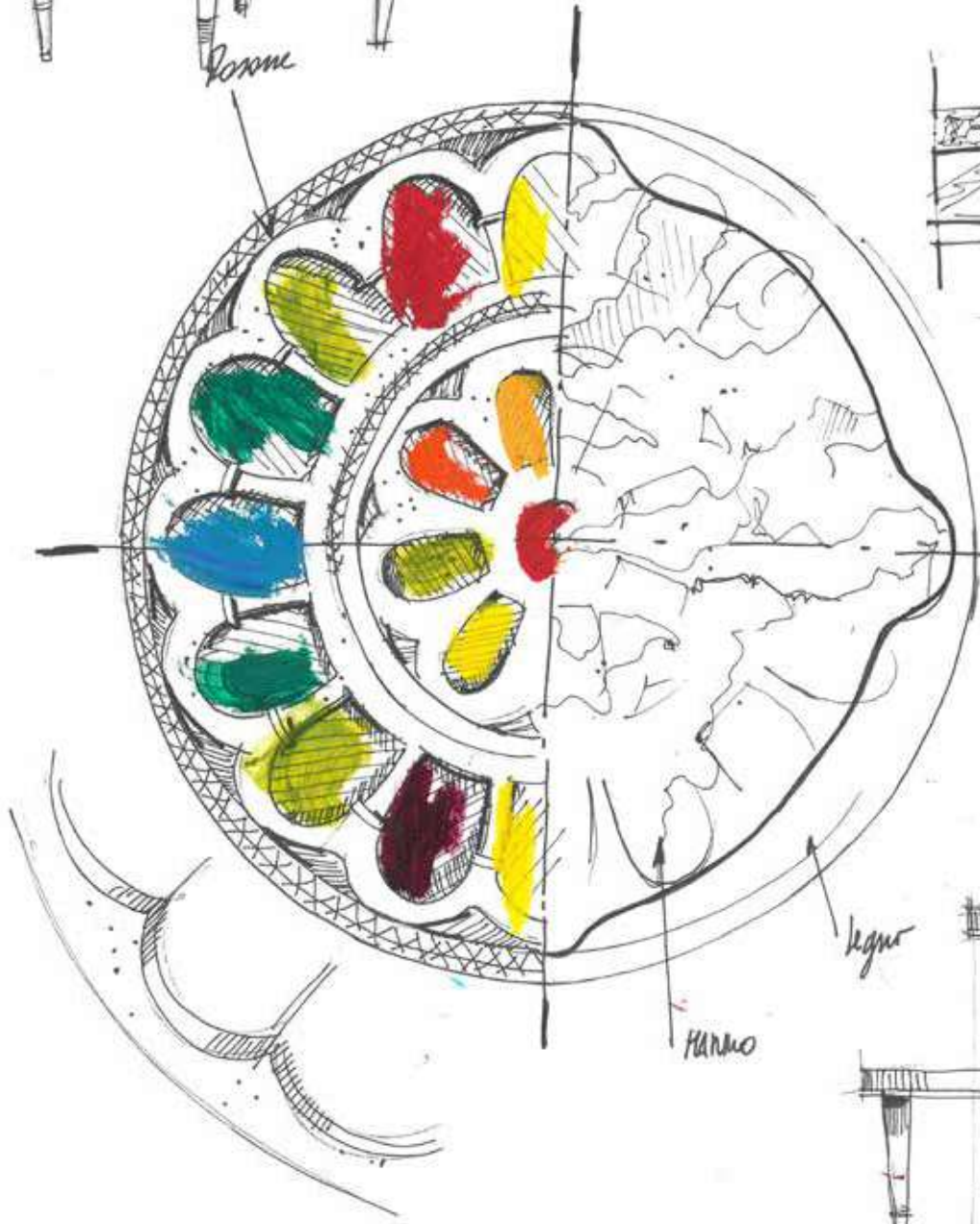
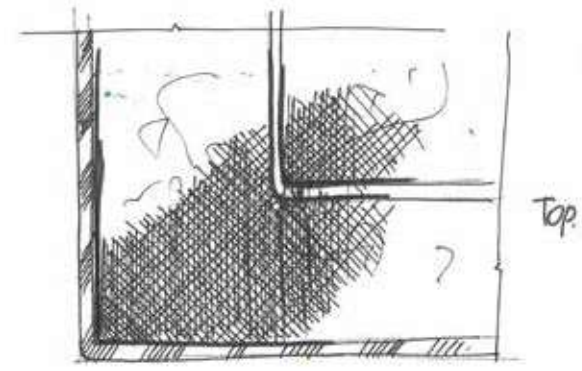
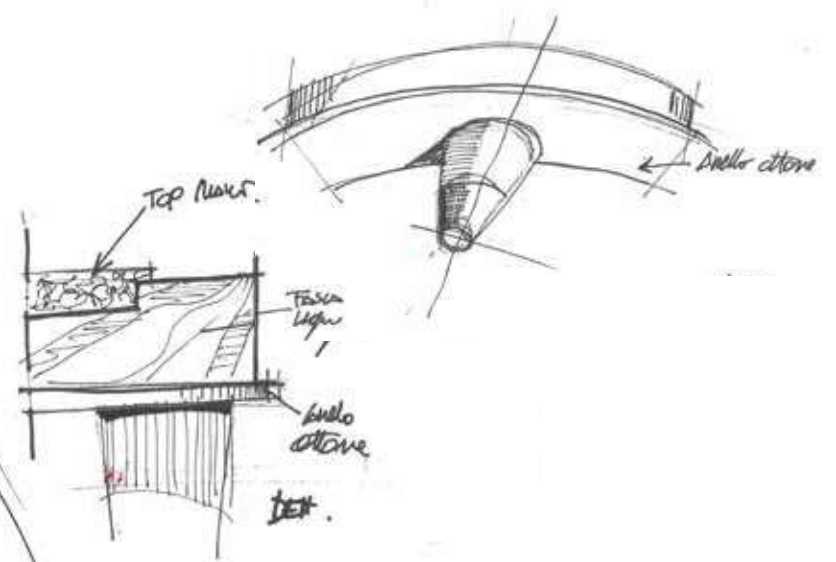
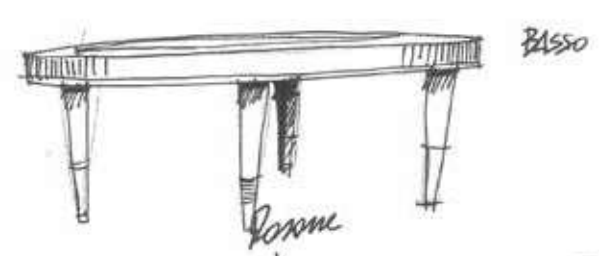
Labrodarte

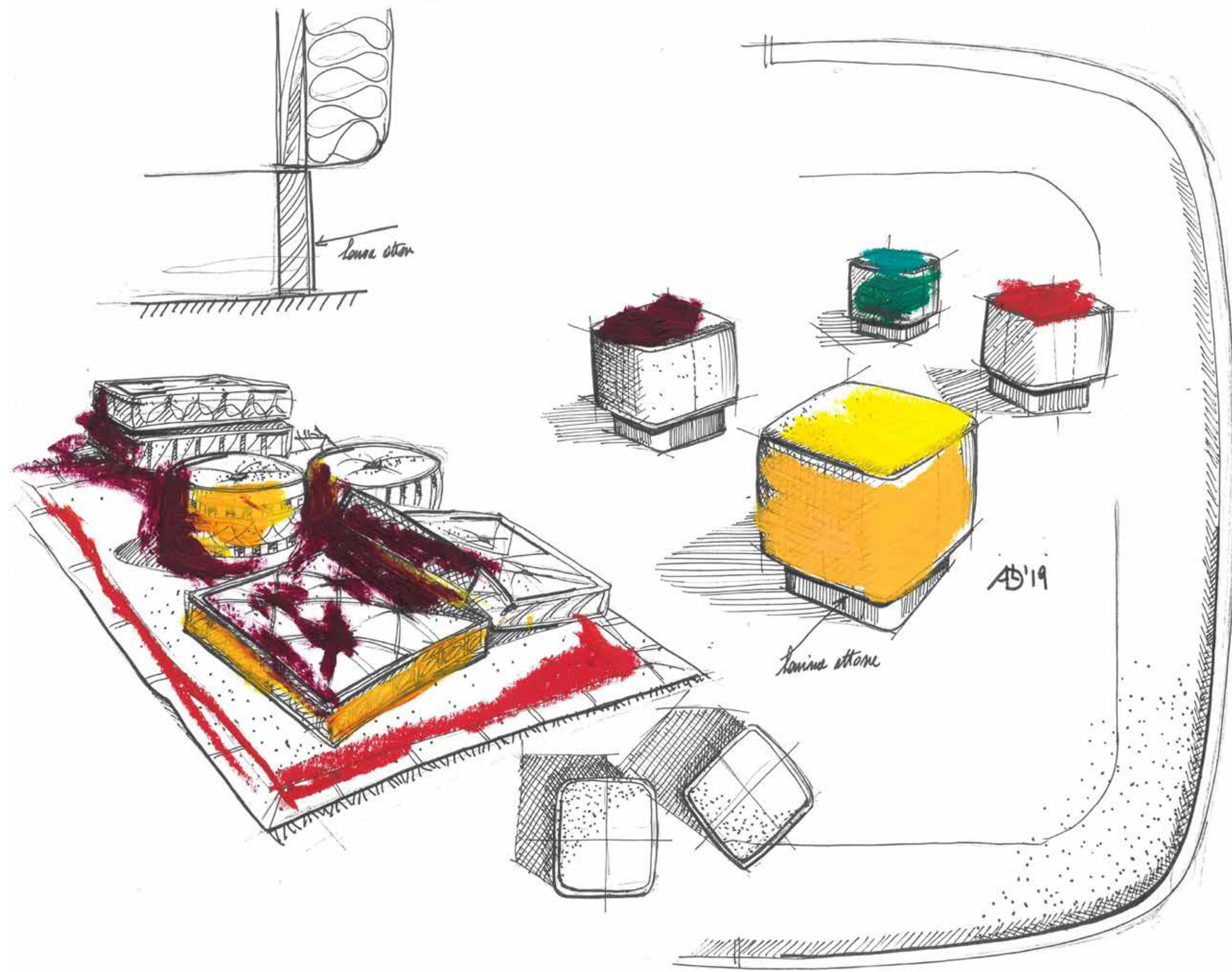
Abiq

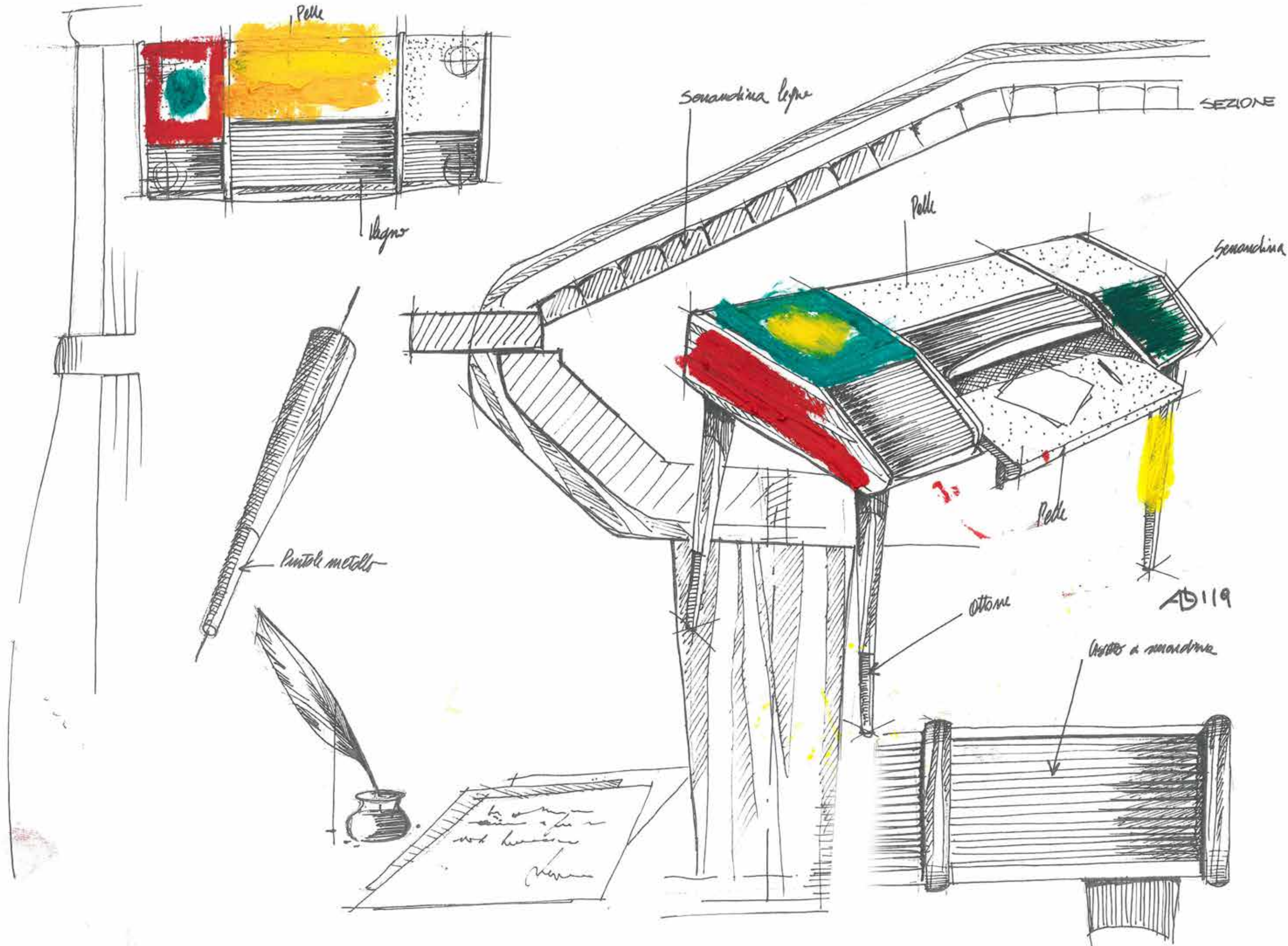
Vetro bronzato

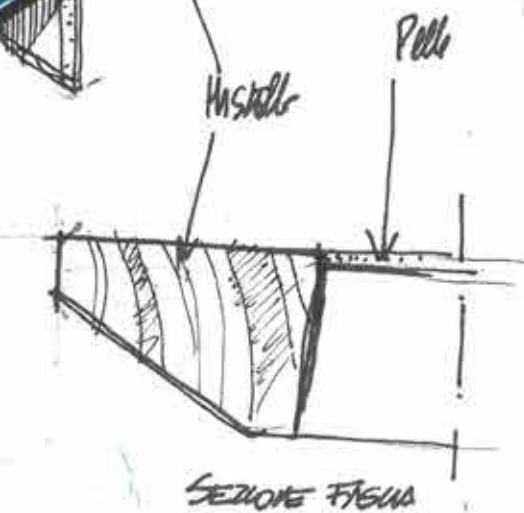
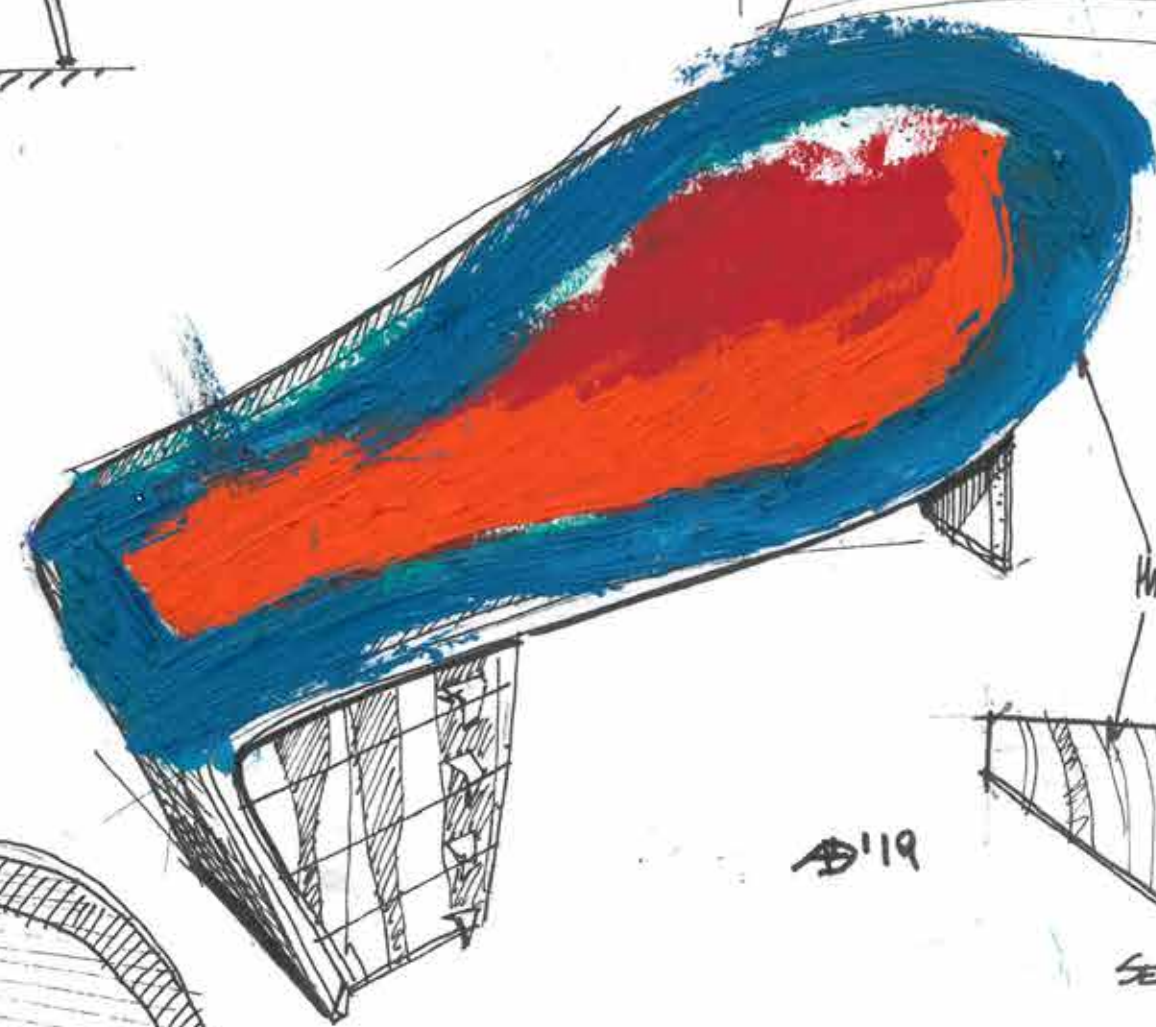
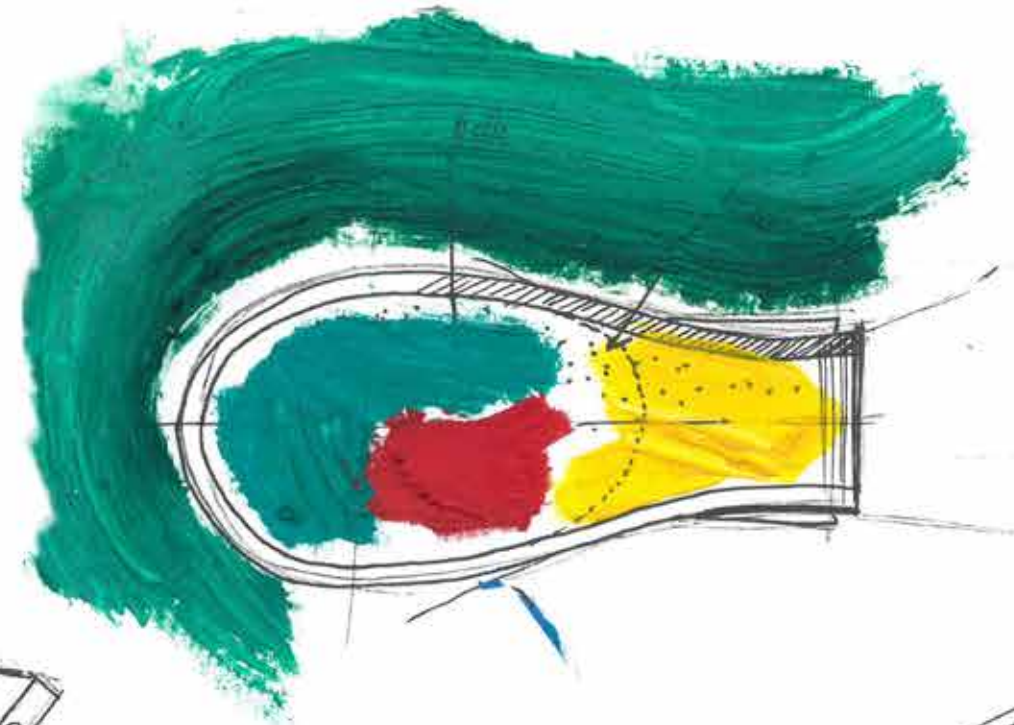
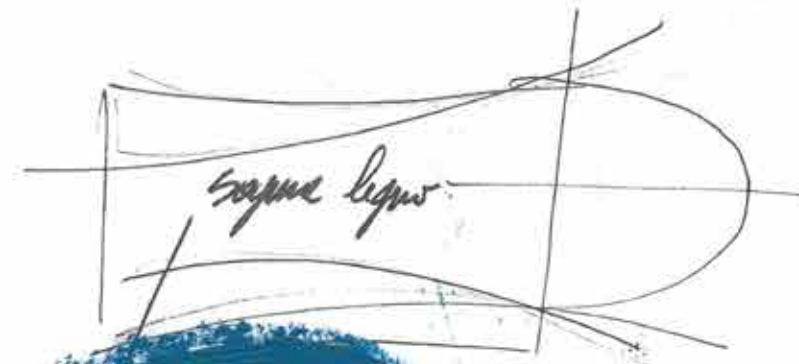
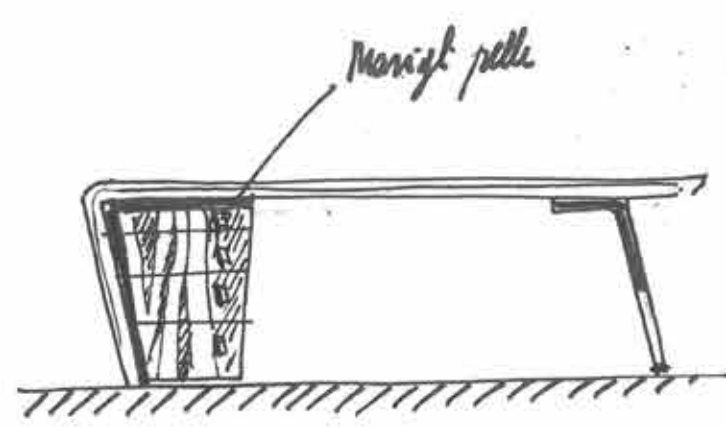
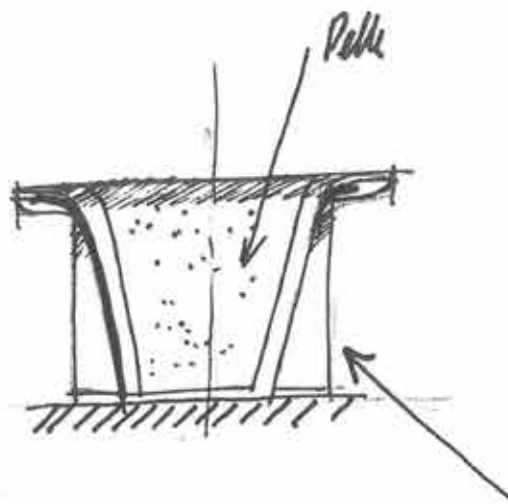

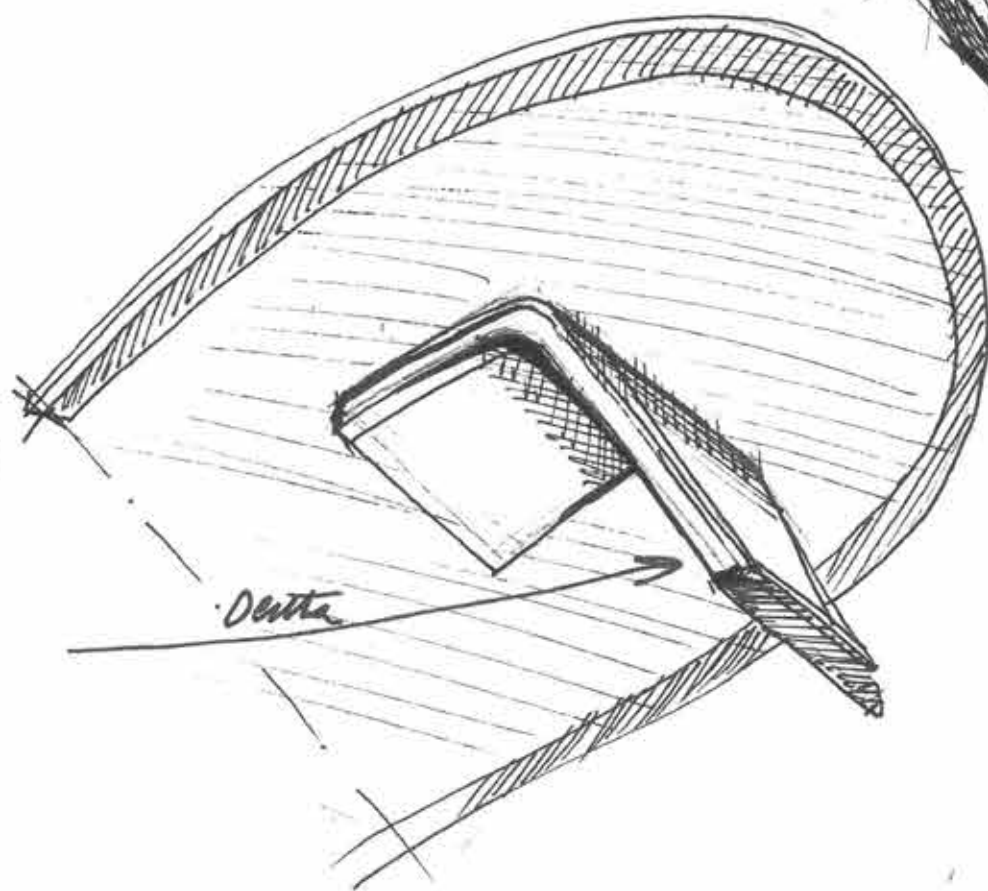
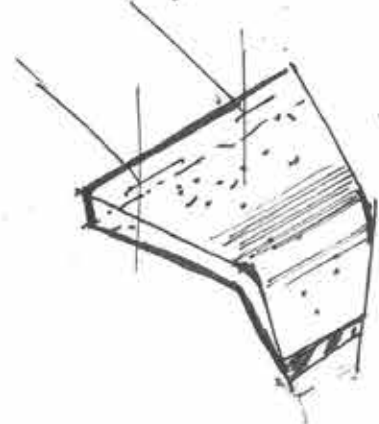

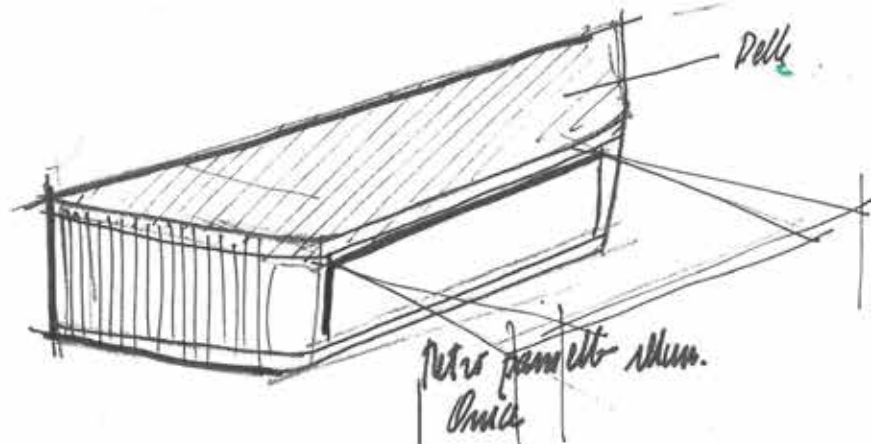
B'19

SEZIONE FISUA

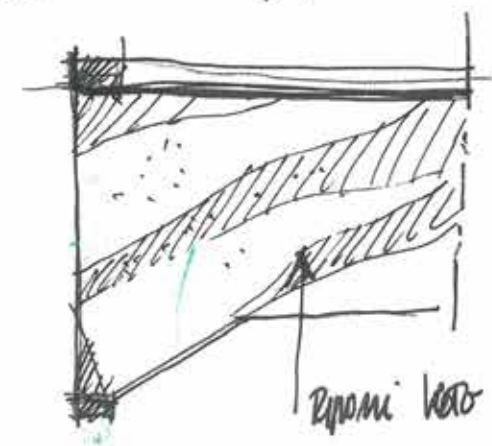
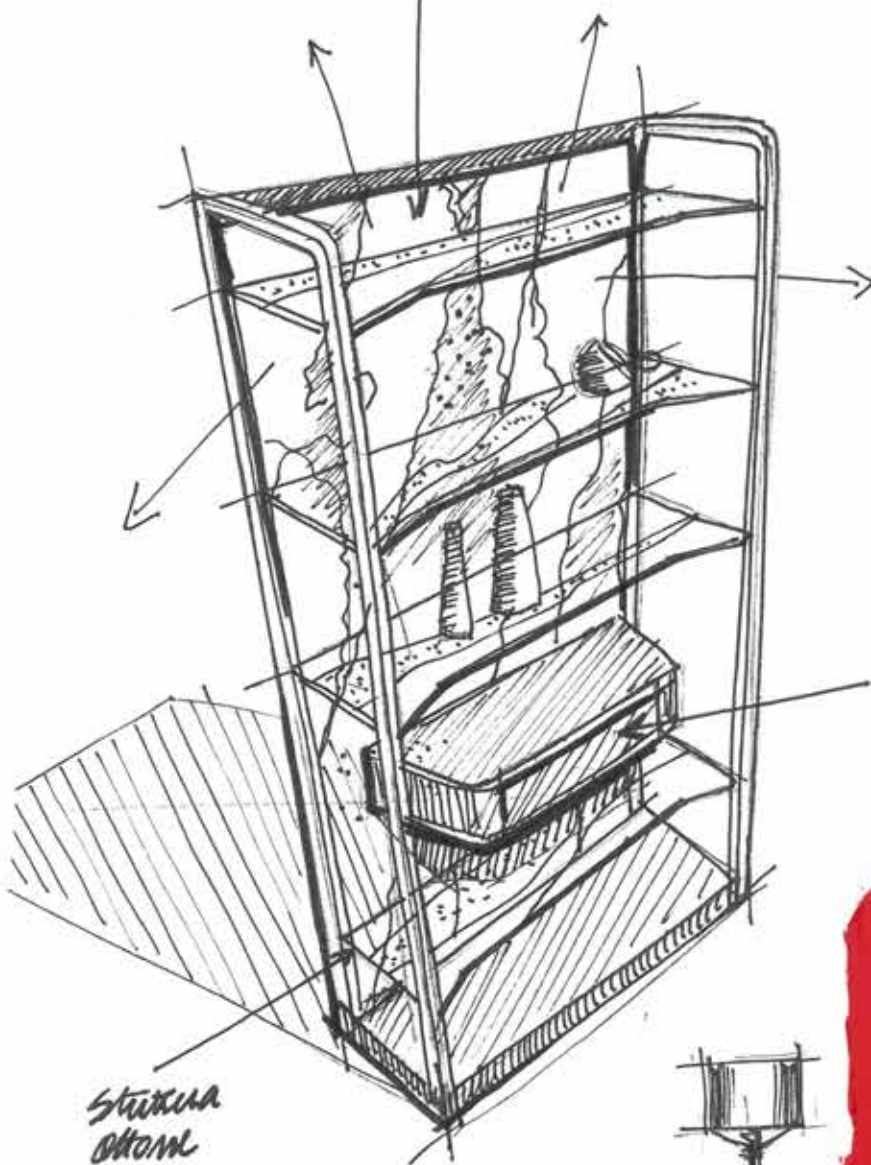
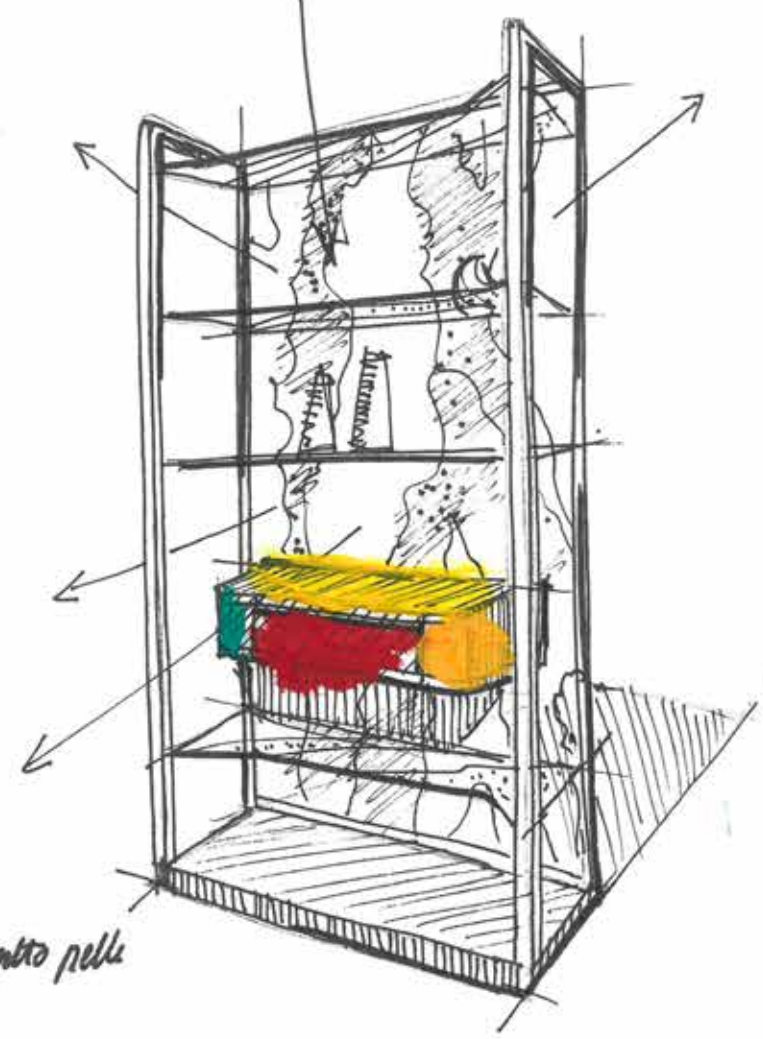
Maniglia

Petro panetto album.
Onia

Onia

Il Brand / The Brand

The VITOLUPO brand was established in 2018 as part of Ellevi. The company, founded in 1976, is the world leader in interior furnishings, cruise ships, and hotels.

Increasingly focusing on the design, construction, and installation of interior furnishings for big cruise ships, Ellevi has always stood out for its ability to represent the best of Italian design and gained recognition for the top quality of the materials used in production. It is a company that has been able to develop a new model of project management, proposing a flawless path from design to production and on through to renovation—an all-round service that guarantees to the client a dedicated partner in the handling of projects, even under strict deadlines requiring turnkey solutions. Today, after more than forty years of activity, the company has a robust industrial structure with plants distributed throughout Europe, as well as offices in Miami and London.

It is on these rock-solid foundations and on the basis of the vast experience acquired in the field that a new company branch was established, dedicated to the pursuit of the highest achievements of design aesthetics and the promotion of a new culture of contemporary interior furnishing. Supported by a thorough knowledge of the oldest and strongest traditions of craftsmanship along with a veritable Archive of the finest materials, the VITOLUPO brand today represents the pinnacle of excellence in the luxury sector.

Each product is the result of a creative process that aims to epitomize exclusiveness, the fruit of a noble artistic culture inherited from antiquity yet still able to pursue the most daring forms now made possible by state-of-the-art technology. In the course of this refined process, drawing from various traditional crafts practiced by skilled, creative, and unique hands still present in the Italian territory, each piece of furniture remains far from fast market consumption and fleeting fashions to rightfully enter the dimension of Art, seeing its value grow and consolidate over time. The mission of every VITOLUPO “object” is to introduce solutions of the finest quality, to offer impeccable forms to the various functions of a private setting, suggesting to whoever inhabits it an encounter with pleasure and beauty.

For a VITOLUPO product, the experience of luxury arises from the excellence of the materials used, always rare and precious, the fruit of an extreme selection, and key to the bespoke process of tailoring performed on them. Each article of furniture and all the components making up its solid structure can only be the result of customization and the skilled workmanship that makes them unique. These are one-off pieces that technology can never copy, deeply symbiotic with the ever-changing, individual characteristics of the materials used, ranging from the semi-precious stones to the veining of noble hardwoods to the rarity of the fabrics and the colors of the metals. We can declare that each piece of VITOLUPO furniture can only be genuinely itself, because it is never identical to the next. Indeed, we know that the craftsman is not a machine making perfect reproductions, but an artist in dialogue with himself, ready to listen to and interpret the materials he handles so skillfully.

With these values, VITOLUPO embodies excellence and defines the rules that alone can lead, in the culture of furniture-making, to the true dimension of luxury.

Il brand VITOLUPO nasce nel 2018 nell’ambito di Società Ellevi, fondata nel 1976 e leader mondiale nell’arredamento di interiors per progetti di alta gamma nei settori navi da crociera e alberghiero.

Specializzandosi sempre più nella progettazione, produzione e installazione degli arredamenti interni per le grandi navi da crociera, l’azienda Ellevi ha sempre avuto come proprio tratto distintivo la capacità di rappresentare i vertici del design italiano ed essere riconosciuta per l’estrema qualità dei materiali della propria produzione. Una realtà imprenditoriale in grado di sviluppare un nuovo modello di gestione della commessa capace di perfezionare un servizio di progettazione, realizzazione e ristrutturazione a carattere totale, garantendo al cliente un unico interlocutore nella gestione di opere che richiedano prestazioni chiavi in mano anche in tempi molto ristretti. Oggi, dopo oltre quarant’anni, l’azienda dispone di una solida struttura industriale distribuita in Europa oltre ad avere uffici operativi a Miami e a Londra.

Su queste solide fondamenta e sulla grande esperienza acquisita sul campo nasce il ramo dedicato alla ricerca dei livelli più alti dell’estetica del design, per una nuova cultura dell’arredamento contemporaneo. Favorito dalla perfetta conoscenza delle più antiche e solide culture artigianali, predisponendo di un vero Archivio dei Materiali di pregio, il brand VITOLUPO oggi rappresenta il vertice nell’ambito dell’eccellenza e del lusso.

Ogni manufatto risponde a un processo creativo che si è posto l’obiettivo di produrre valori esclusivi, frutto della cultura nobile dell’arte ereditata dall’antichità ma anche in grado di perseguire le soluzioni più ardite fornite dalla tecnologia contemporanea; lungo questo processo raffinato, attingendo alle diverse culture di mani educate, creative, uniche, ancora presenti nei territori italiani, ogni arredo esce dall’immediatezza del consumo e della condizione effimera delle mode, per entrare a pieno diritto nel patrimonio dell’Arte, in quella dimensione che vede crescere e rafforzare il suo valore nel tempo. La missione di ogni ‘oggetto’ VITOLUPO è quello di introdurre soluzioni di altissimo pregio, offrendo forme impeccabili alle diverse funzioni di un ambiente privato e suggerendo a colui che vi abita l’incontro con il piacere e la bellezza.

L’esperienza del lusso per un manufatto VITOLUPO nasce dall’incontro tra l’eccellenza dei materiali utilizzati, sempre rari e preziosi, frutto di una selezione estrema, sulla cui centralità si inserisce un processo di sartorialità. Ogni arredo e tutte le componenti che ne organizzano la solida struttura non possono che essere il risultato di una costante personalizzazione, ma anche di quei passaggi che solo l’esperta manualità rende ‘pezzi unici’, mai ripetibili dalla tecnologia e in profonda simbiosi con i caratteri sempre diversi e indipendenti del materiale impiegato, dalle pietre semipreziose alle venature di un nobile legname, alla rarità dei tessuti e alla cromia dei metalli. Possiamo affermare che ogni arredo VITOLUPO non potrà che essere se stesso, autentico perché mai identico a uno successivo. Sappiamo infatti che l’artigiano non è una macchina che riproduce alla perfezione, bensì un artista in dialogo con se stesso, pronto ad ascoltare e a interpretare il supporto che ha nelle mani esperte.

VITOLUPO con questi valori definisce l’eccellenza e pone quei vincoli a una cultura dell’arredo che soli conducono alla vera dimensione del lusso.

中文文本

从白天到黑夜

安德烈亚·德尔·古尔乔 (Andrea B. Del Guercio).

这本图册，通过大量图片依照醒来、起居、休息的日常时间顺序；追随着一条涵盖了居家中“从白天到黑夜”的时间脉络，在使用中的功能性和对应的解决方案之间，接受、“品味”、并与他人分享着自我的存在，、寂静时的等待和、交流时的参与。

随着时间和地点以及居家的时间流逝，增加那些“亭台”将决定着我们的生活的特征和品质:通过一系列对精致的美学功能精致的延伸而引入和表现这一切的“细节”，让“环境”的布局通过美得以丰富和显现出来。这些摆放在房间里的家具为我们的居住时光增添了价值。每个物件都在不同环境中的空间分布中构建了一系列的意象关系网络，能够满足并表达我们的品味，令个人的私密空间赏心悦目。

这本精美的图册是艺术与建筑、摄影与设计“紧密结合”的文化系列丛书。它完全不同于简单粗陋的商业目录，它邀请读者走近并与艺术品之美建立联系，感受工艺的古老、技术的珍贵、材料的奢华，感受创意人员带着对现代生活的敏感性进行的传承与创新。图册中收集展示的家具堪称文化遗产和艺术史中的珍品。

阅读本书，人们可以发现此类家具产品，其生产是基于对相当珍贵和稀有材料的科学使用，这些材料精心选自“自然档案馆”，并被纳入一家研究机构内部真正的数据库中。人们可观察到这些作品，其形状和颜色完全有资格纳入艺术文化体系，符合诞生于文艺复兴时期的作坊和现代第一批手工艺公司的设计理念。在这一理念中，再现人类手工艺的纯熟是永恒的主题。一个从过去走来，在今天大放异彩的过程。

就像绘画和雕塑作品一样，这里的每款家具都是限量版。这意味着每件家具都是独立而无可复制的艺术作品，即使是其基本的模型也是如此。事实上，材料（石材、木材和皮革）本身的尺寸变化，也赋予了家具独特性、不可重复性以及其自然生物资源方面所具有的稀有性。

另一方面，艺术品是指那些“按照艺术准则”做成的物件，也就是说，以最好的、堪称范例的方式制成。它们所有细节都近乎完美，制作者对其所用材料不仅了如指掌，并充分利用其往往不以人的意志为转移的天然特性，诞生的作品巧夺天工。

这是依敏感性而前行的一个设计过程和一类产品，并在当代艺术体系中占有一席之地。

本图册讲述的是“家居时间”系列，故事开始于清晨醒来的瞬间。因此，以家中最私密的卧室为中心。其它商业出版物总是避免从卧室开始，仿佛亲密关系不是家庭最主要的价值、最宝贵的核心所在一样。但其实如果不是房屋的“主人”，很难进入这个私密的卧室，而私密性正是从这里开始蔓延至整个住家，使开放和共享的空间（如客厅和饭厅）变得珍贵，再回到书房所具有的静修与隐秘。私密性是住家的灵魂，我们对住所怀有宗教般的尊崇，在这里，有生命中最重要东西-生活和生活所需要的最高质量。

在美学品质方面，对美的追求起着决定性的作用。这种追求不会被极端教条所吞没，也不会被将（创意）空间的创意让步于市场规则的数据所吞没，它能够重新找回热情和易逝的灵感，让能量和色彩中固有的活力重新绽放在使我们的思绪（焦虑）更加柔美的价值之中。

“在浓烈的紫色[...],
绿色和喜庆的红色[...],
白色和蓝色横幅上呐喊[...].
愤怒地在锅中翻滚,
在新鲜微甜的锅中找寻,
让橘红色的条幅在黄色和绿色的天空中延伸。”

赫尔曼·黑塞《克林格梭尔的最后一天》，1920

我们到自然的维度中寻找，发现了树木:所以每件家具都以树木、鲜花盛开的灌木丛、芬芳的树篱为名。无需寻找捷径和毫无根据的解决方案，植物的稳定性及其在景观中存在的确定性已被转换过来，反映在我们对住家的愿景中。而我们的愿景正是通过对家具的“收藏”来表达的。从枫树到木兰、从雪松到柏树，每一棵树都在家具的命名过程中转达了那种叙事，其中也包含了为生活带来好处的关系。每棵植物都把与其相关的品质从外部景观转移成室内景观，具体体现在家具材料的坚固性、多彩的表面呈现的自然性、体现我们与居住环境之间关系实质的稳定性和依赖性，还有历久弥新、恒久怡人的美感。

无需寻找效果上的关联，我们以树木的名字命名沙发和桌子，把山林间的亲密感和树木的力量带回我们的家中。这样我们便可以跟随时间的节奏谈论生活、谈论我们的过去、谈论带给我们稳定感和安全感的家、那个忠诚等待并让我们乐在其中的家。正如查尔斯·波德莱尔1861年在《书信集》中所描述的那样，气氛产生于我们在内部和外部之间、，如同森林与住屋之间，捕捉到的价值转移:

“自然是一座神殿，在那里
有生命的柱子不时留下朦胧的诗句。
人类穿过符号的森林，
而森林用熟悉的眼神把他注视”¹。

我们认为，在我们的房间里或书房中不应该全部都遵守单一风格或强制性规则。甚至不必理会那些关于家具、颜色和形状协调的“宝典”。与此相反，我们更注重家具之间的表达和对话。家具不仅是设计和制作人的创造成果，也是那些选择了家具的人努力的成果。正是后者根据自己的品味和情感的敏感性完成了它们的组合。在这里，您不会找到单一的品味和风格，不会找到彼此相似、属于“昙花一现”临时品味的形式系统。因为我们知道统一性往往是一种用来隐藏其平庸本质和创造力缺陷的工具。平庸者甚至以为，只需画出与使用功能被动对应的线条和体量，即可完成沙发或写字台的设计。

我们认为，对美的感知是个人参与的结果，并且也是一种选择的结果。这种选择要求具有相应素质的人，他能够在充满敬意的“倾听”过程中，在家具中发现材料与技术创造出来的完美和谐。

我们应该把创造力从最苛刻的生产经济规则束缚中解放出来(这种规则通常是劣质材料所赖以生存的条件)，使之具有自主性。与那些取消了所有形式的多样性不同、与那些剥夺了家具拥有者的审美独立性的重复性解决方案不同，在我们的家居中把一个书架的安装看作是一种创造性关系的结果，这种关系源自家具的象征价值、天然个性以及缟玛瑙石板的美学境界... 我的书架是产品在（中）相互作用中的所有元素之间达成全面和谐的情感诠释的成果。宝石温润简约的背光令材料的珍贵达到极致，其丰富的脉络和不断变化的微差，烛照着我的思想、引导我的品味、塑造我的人格，这难道与书籍的功能不是惊人的相似吗？

视线朝着一个神秘的家具移动，那是一个尺度适中但足以展现奢华的家具。如果暂且忽略对其使用功能的探究，神秘感的增加会吸引我们的注意，将我们带进美感的体验。透过观察家具，我们能感知到形式和材料、色彩和线条之美。Il Ginepro（杜松）安装在空间里，激发着我们的感知力，我们似乎害怕透露它的功能，联想着百宝箱，那种过去时用来珍藏宝物的保险箱，饱含着它的巨大价值:酒吧柜以开启的姿势展示自己，向更眩目的珍贵的美感进一步扩张。

我们关于家的概念离不开光，在这里我们试图不再仅仅依靠光源，而是想让每件家具，从La Magnolia（玉兰）到Il Gelso（桑木）、从沙发到桌子）都发出“自己的光”，也就是说，实体不仅仅是被动地回应外部的刺激。我认为“背光”的概念在构思、设计和实现阶段中已经成熟，也就是说，家具能够表达自己，因为它不仅被环境气氛所包围，同时也是独立的发光体，能发出一种亲密明亮的能量。这种体验似乎是一个创造过程的结果，在这一过程中，使得预选和使用的材料完美地连接和组合在一起，只要光线充足（无论是白天还是夜晚）就能够与住居环境产生互动。

我们必须观察并强调现代感的条件（也就是创意产品的卓越性）如何在“背光”原理中找到其起源，这一原理因马克·罗斯科而闻名，主导着艺术的“概念分析”文化，可在绘画的颜色亦可在木材的材质或石材的成分上应用。

我们因此可以肯定，这种想法与一成不变的设计方式背道而驰，后者的特点是取消介入（入射）、减少存在、减少肯定的解决方案，进入一种无光的状态，那是一种思想和情感都静止不动的死寂。

色彩的激发、增强但不侵害对表面和体量的感知，因此得以分布并游走在不同解决方案之间；色彩不会放弃它的存在和力量，在某些情况下甚至自我脱颖，而某些情况下则选择发酵:色彩的决定对象、遵循指导性原则，通过“突燃”把细节特殊化。

这个红色和白色、黄色和蓝色如同音乐页面上的音符诠释细节（时而对位，时而协奏）的过程并非产生于设计的选择，也不是对应同一物件的外部所决定的。色彩从物体的内部产生，通过在表层的积极存在而成长至成熟。而这些表层往往特别珍贵，有必要保持其自然本质的香气。通过从绿色到棕色的多种铜绿的生成，色彩的尺度在其所有扩展和入射中得以体现。这种色彩是青铜铸件高贵历史在今日的再现。

色彩的存在是一种自然的选择，这是对材料认识和研究其关系的结果，这些材料是经过挑选并存放在丰富的经验“档案”中。进行分类和记录后，红色的变量（例如皮革和织物的棕色）在白色和黑色的石头之间，启示并细化了每个体量的定义，引导我们的品味走向对于家庭的正确定义。

在我们对家的定义中，私密关系并不代表一个封闭且无法接近的系统，家是一个被爱的地方，需要尊重它的品质和我们的价值；私密关系的最终结果将以最好的方式说明意图，该意象引导我们选择与两把扶手椅对话的沙发，而一系列明亮的圆形台面则为空间增添了活力。我们白天按照忙碌的时间节奏活动，而在夜晚，我们则在环绕着的寂静中娱乐自己，但无论如何，总是这种私密的气氛决定着我们对美的追求，而这种追求又引导了我们的选择。

在这种优雅而珍贵的氛围中，住家和我们的存在也正在进入一种共享、选择性接纳的关系。如果说大桌子是采用了柔和的椭圆形线条接待我们的客人，那么客厅沙发则可以在绝对宁静的氛围提供交谈的空间；如果珍贵的案板在大理石环和水晶延展的亮度之间形成了完美的平衡，那将暗示着材料和形状的力量与严谨，那么多彩的织物则让人联想到交织着精致的情感表达。

经过漫长的研究和文献整理，我们可以肯定，我们已经能够面对奢侈品领域，首先从查尔斯·波德莱尔的名句“在那里，一切都是秩序与美丽，/奢华、宁静和尊享”出发，然后力图在各个时代的艺术史中，以及地球上所有的文化地域中，为这一重要术语提供答案和解决方案。事实上，美丽属于在文化上和精神上因无尽的地域、人群和社会有千差万别，他们知道如何在不同时代不断自我更新，达到难以想象的优雅高峰。这一财富的规模(时而稀有、神秘，时而外露、极端)间接地启发了整个生产，把美丽与奢华之关联定为终极目标，并通过创造力和古老的技术，同时依仗着当代的大胆创新来得以实现。回顾和研究过去的高贵遗产，让我们确信，奢侈品的叙事中没有价值尺度，不可能在一个僵化的判断体系中进行我们偏好的假设和选择。因此可以肯定，“眨眼”之时一切都可能改变，而在“弹指”之间一切都可以逆转。我们知道，在当下，因各种历史原因，有关奢侈的主题和兴趣已经被拙劣地使用到无以复加的程度，完全偏离了该术语应有的实际价值。我们之所以在此展示的目的意在抓住其本质。因此，我们决定做一个面对面的对比，比较能定义高雅文化的厚度，能创造一种不拘于形式、而使物材的内在变得更为丰富的美，用这种独特的美包装每件家具，并使之在时间的恒定中泰然自若：

“是岁月的打磨，
让家具闪亮，
如最稀有的花朵
装饰我们的住房。
它们的花香
有淡淡的琥珀味飘荡。
富丽的天花，
深邃的镜子，
东方的辉煌。
一切都在用甜美的母语、
隐秘的灵魂、
向我们述说衷肠。

在那里，只有秩序和美丽，
奢华、宁静和尊享。”

鲍德莱尔，《遨游》，1857

¹ 本文作者译

安德烈亚·德尔·古尔乔（Andrea B. Del Guercio）1954年生于罗马，现居住米兰和弗里布尔戈两地。
布雷拉美术学院现代艺术史教授。
1988年威尼斯国际双年展总监，2005年双年展相关活动总监。
1990年至1994年曾任佛罗伦萨普里莫·孔蒂（Primo Conti）基金会前卫艺术历史档案馆馆长。
他是大型展览的策展人，特别项目、专著专题书籍的策划。

卧室

IL CILIEGIO（樱桃木） 床

如同在画布表面上一样，缝线是根据和谐感性的设计绘制而成画面在整个床头板上延伸，创造出一种情感、一种体验、一种梦想。床围板与床头板采用相同的材料，并通过两个青铜铸件做成的床腿连接到踏板。床腿又高又细，轻巧并加强了床的立体感。床头柜平板如同两个小小的“绘画”调色板，其突出部分令床头板更加显眼。曲线的床腿出现在底部，好像它们由画家的手支撑着一样。这个家具完美融合了精湛的皮革工艺和青铜铸件工艺。

LE GINESTRE（鹰爪木） 梳妆台、小柜、床头柜

含蓄且包络的形式创造出古风典雅的氛围。这些产品的形态力图在家具中重新诠释巴洛克建筑中椭圆线条的精巧表达。包着羊皮纸的外饰增强了家具的曲线美并产生引人入胜的质感。带有金属套圈的细高柜腿令产品简洁优雅。顶部玛瑙的镶嵌使床头柜达到致美，增添了和谐与优雅感。梳妆台上还添加了一个椭圆形的镜子，该镜子安装在叉架支撑上，能够纵向摆动。

IL CIRMOLO（松木） 床

…于是睡神在他数千个儿子中唤醒能够以任何形象出现在梦中的天才-- 摩尔普斯。
（奥维德）

如同在双翅之间的拥抱之中，床头板的设计让人联想到神话人物摩尔普斯的形象。带衬垫的皮革嵌件随床头板曲线变化，提示并增强了包络感。皮质床围也经过刺绣处理，不仅增强了家具的风格统一，也提高了它的美学价值。

LE TAMERICI（桤柳） 书桌、小柜、床头柜、梳妆台

皮革装饰同样“拥抱”小书桌、床头柜、小柜、梳妆台的结构。这种装饰元素还出现在抽屉前板的做工中，与床头板形成了视觉和情感上的联系。实木家具腿和边框彰显了木器加工的精湛技艺，增添了家具的优雅感。

餐厅

IL GELSO（桑木） 桌

圆桌雕塑般的塑性展现了精湛的石材加工和玻璃与金属的镶嵌能力。由三条扭曲的螺旋线组成的底座，使产品轻盈而富有活力，似乎在挑战万有引力定律。镶嵌了大理石边框的水晶桌面增强了虚/实、轻/重之间的对比，赋予产品自然的平衡。尽管桌子是一个“重要的存在”，但它允许家具和物品以和谐的方式相互作用，因为三条螺旋曲线把整个装饰空间都融入了和谐。

LA ROBINIA（刺槐） 小桌

这款桌子表现出的黄铜板加工能力令人赞叹，铜板作为镶嵌物成为装饰元素。扇面形状增强了光影效果，创造出无休止的涡旋动感。“躯干”的设计是通过镶嵌植物的三维投射获得的，而顶部则是双色的半宝石和大理石镶嵌而成。

IL PLATANO（悬铃木） 桌

桌子的线条和形式严守古典艺术规范，在所有部分都发展和彰显了曲线和圆的原理。大理石桌面的黄铜镶嵌图案是套着圆圈的椭圆，构成涟漪向外展开。桌子的底部是通过实木弯曲获得，其加工技艺非常精湛。两种材质实木的并置对比，进一步突出了加工的难度。

IL CIPRESSO（柏木） 桌

精工制作、下细上粗的圆桌腿构成这款桌子的主要特征。桌腿与桌面相接处的倾角打破了矩形严格的对称，并与包含在几何图形中的平面构成连续体，在视线中消失。桌腿的顶部设置了半宝石（虎眼）的镶嵌元素，通过美丽波状光线的反射，让宝石闪亮出“火焰”的效果。

L'AGRIFOGLIO（冬青） 椅子

这款椅子是木工技术和皮革加工工艺的完美结合。柔软和包络的形状使之和谐、感性，如同最豪华汽车设计的典型内饰，给人视觉和触觉上的享受。皮革的加工是通过在木质结构中进行嵌合而完成的，木质结构包裹在皮革中，构成真正的第二层皮肤。在使用青铜的款式中，扶手嵌入青铜的细节使形象更为丰富。

L'OLEANDRO（夹竹桃） 椅子

这款椅子的三脚架形状使其具有鲜明特征。软垫和围合的靠背延伸形成两个前腿。后腿形态则与之完全不同。在这里，黄铜采用细高跟鞋的形状让人浮想联翩。主干上还有一个皮革或织物的细节，进一步突显了轻盈和典型的“Y”形。轻质的坐垫令椅子不受结构限制，也不妨碍对特殊轮廓的观看。

IL PRUGNOLO（李木） 椅子、单人沙发

沙发背部的设计灵感来自尼罗河马蹄莲或百合。这种精致的花朵具有包络结构，漏斗形的长花苞具有不同的用途。一种新的研究和设计理念催生了舒适、符合人体工程学的沙发。具有薄金属轮廓的底座增强了沙发“花冠”的效果，使其平衡、轻巧、和谐。

I CORBEZZOLI（杨梅木） 单人沙发

某些细节带给这套沙发椅强烈的时尚感。黑色镀铬黄铜铰链在其整个轮廓上延伸，优雅十足，让人联想到高级时尚手袋。四只军刀状的腿增强了线条的无限主题，与沙发椅的女性形态完美契合。纤细而必不可少的底座增加了座套的动感和塑性。

LA QUERCIA（橡木）

橱柜

橱柜中央部分的波浪形赋予它无限动感，将其线条投射到平面的地平之外，并与周围环境融为一体。贵重的材料（例如紫檀木、蓝枫木、青铜铸件和半宝石）通过巧妙的光影组合带给人新奇的情感体验。来自“珠宝盒式酒吧柜”的双侧照明又令蓝枫木得到突显；转角开启的独特柜门大大延长了让人惊奇的刹那。橱柜的整个主体都放置在青铜铸造的底座上，使其既轻巧又醒目。柜门上的长把手堪称绝对独特的表达。富拉玄武岩板在顶部整个表面上的设置令其更加光彩夺目。这种石材的主要特征是拉布拉多的光学现象，移动观赏时呈现蓝色、紫色、绿色、黄色和橙色闪亮变化，而这些颜色正是许多东方文化的典型颜色。

LA PALMA（棕榈木）

边柜

边柜看起来像一个古老而珍贵的百宝箱，可用来珍藏奇珍异宝。这件家具独特的几何形状传承了装饰风艺术的特征。嵌体两色线条的夸张和重复创造出的光影效果与手柄的菱形形状非常协调。而细部镶虎眼之类半宝石的手柄则恰如珍宝，起到画龙点睛的作用。这种设计选择，使边柜的正面具有和谐的几何图案。边柜内部的效果同样光彩夺目，不仅因为柜门的镶嵌图案，斑马木或卡那莱托胡桃木的使用更形成了强烈的色彩和情感对比。顶部柜面的黄铜和大理石不仅增加了家具的价值，而且赋予了它更大的庄严感。

LA CAMELIA（山茶木）

边柜

在这里，大理石“刺绣”延展至“肩”部。有了这种启示性图案，对边柜的解读就不再只是通过经典的正交投射来完成，视线会不知不觉地读取三维信息。黑色镀铬的黄铜底座增强了整个家具的发光体量。

客厅

L'EUCALIPTO（桉木）

沙发、座椅、对坐、沙发床

高而宽的侧围造就出郁金香花的外形，邀你入座、体验舒适。与平滑和连续的靠背相比，填充工艺在柔软舒适的内表与刚硬连续的外表之间形成了迷人的材质对比。连续优美的波浪线使家具的轮廓特征尤为突出。在对坐扶手椅和沙发床中，这些线条被夸大并创造出一种亲密而有趣的游戏。

IL CASTAGNO（栗木）

沙发和沙发椅

这款沙发的独特之处在于座垫和靠背的条状结构。这种图形细节再现了某一时期汽车内饰的加工工艺。沿整个轮廓延伸的木框以及特殊的“肥皂”造型，让人联想到大牌汽车的豪华设计。底座（也是木质的）为装饰风格划上句号，让精致、珍贵和时尚的产品脱颖而出。

LA MAGNOLIA（玉兰）

沙发

重要且有形的侧围带给产品庄重的外观，让人联想起古代宝座。这一原理也用在座垫的填充中，尽管采用了整体式设计，但仍可确保高度的舒适性。两个中央靠垫的可变形状产生皇冠效果，使沙发显得更加庄重。沙发上的一组软垫确保了舒适感，并进一步突出了柔软、舒适的内里与坚固、守护外表之间的差异关系。皮质的插入物在扶手的上表面延伸至整个轮廓（如同中世纪的毛边）突显了这种沙发的特殊轮廓。低矮而突出的木质底座加强并完善了庄重感。这款沙发堪称软垫家具的“王者”。

IL FRASSINO（白蜡木）

沙发和沙发椅

如同柔软的摇篮，填充了羽毛的坐靠垫让人置身温暖的怀抱。高超的工艺可以与手袋和高级时装的制作比美。抛光的黄铜底座给产品带来稳定感和附加值。这种填充垫的独特之处在于无论是看还是摸都能感到不变的温柔。

IL TIGLIO（椴木）

沙发和沙发椅

沙发装饰的质感使人联想起高贵的君主建筑。这种联想明显体现在两侧和靠背的填充工艺上，而图案细节则呈现了纺织工艺的经典绉缝。黄铜底座被处理成带有珍贵边框的镯子。在特定情况下，边框占据了外壳的色彩特征，创造出连续一致的形象。

LA BETULLA（桦木）

单人沙发

雕刻线条的延伸令小沙发的轮廓变得格外柔和，石材的使用丰富了它的轮廓。白色大理石中的几何镶嵌物与黑色玛奎纳大理石外壳形成对比，增强了其轻便性，而大理石带来绣花织物般的美感。簇绒填充更具经典的沙发品味，与外壳的硬质结构相得益彰融。

L'AGRIFOGLIO（冬青）

休闲椅、沙发椅

这些家具是木工技术和皮革加工工艺的完美结合。柔软和包络的外形增添了和谐感和愉悦感，如同观看和触摸豪华汽车内部装饰时的享受一般。皮革的加工是通过在木质结构中进行嵌合而完成的，木质结构包裹在皮革中，构成真正的第二层皮肤。休闲椅和沙发椅宽裕的尺度使其能够利用沙发垫，确保最大的舒适度，而不缺少工艺的精细度。

IL MIRTO（桃金娘）

吧柜

正面的小龕精细地覆盖着黄铜箔，龕底用暗色石英（铁眼）处理，让人联想到珍藏着长生不老药的佛龕。打开门时，强烈的反光犹如闪电营造出非凡的戏剧性效果，令人惊叹不已。

IL GINEPRO（杜松） 酒吧柜

门的半开半合营造出理想的拥抱氛围，让人联想到鲲鹏展翅的壮观。羊皮纸的材质双色强调了结实厚重的结构与可移动的轻巧部分之间的对比。四个黄铜/羊皮纸圆柱形的纤细支腿让人联想到动物的形体，令产品更轻盈、更优雅。小柜的内部采用贵重橡木和彩色玻璃处理，营造出一种感动和不可抗拒的魅力风格。

IL NOCE（桃木） 书架

因家具双面可用，所以可用来分隔空间。但与其他陈设和家具的美学连续性并不因此中断。这款产品让人联想到跳棋游戏，可以构成灵活且始终不同的场景设计和效果。拐角处的圆弧处理和实木的使用丰富了产品的手工艺价值。黄铜嵌件具有灯光效果，使其显得更加轻巧。插入带门的盒子（做工精细、带有珍贵皮件），可以将书架转变成为一个箱体。为与书架保持一致性，盒子同样设计成双面的。

IL MELOGRANO（石榴木） 屏风

该屏风让人联想到狂欢节服装五彩面料的经典几何图案。镜面圆盘可旋转360度，反射的色度多样缤纷，角度不同，色度不同。这与屏风有趣多变的特性完美结合。木质外框经过专业的“钻石切法”处理、固定在黄铜立柱上，可确保产品的坚固。固定在天花板和地板上的压件会产生张力，能够保证屏风稳定而不损坏墙壁。该屏风允许通过连续改变旋转镜面盘的材料-几何结构来增强色度。

IL LAURO（月桂） 屏风

双向可动性使其实用且非常灵活。坚固的实木外部结构包含另一个可旋转360度、更加轻盈结构。后者摆脱了地面的支撑，设法在空间自由“绽放”，通过对周围墙壁的映射，改变了环境的美感。可旋转面板一面为镜面，另一面则采用织物或木材覆盖。

L'ALLORO（月桂） 镜子

铭刻着古老的克里特岛迷宫和沙特尔大教堂的记忆，这面镜子再现了古代艺术的诗情画意。从设计图案可看到程式化的太阳，边框的黄铜发出金色的光芒。与镜子结合的多彩玻璃嵌件让神奇无以复加。这些多彩的元素与实木和宝石清谈互动。

IL BOSSO（黄杨木） 镜子

想到水仙的神话时，人们眼前马上会出现那喀索斯顾影自怜、自鸣得意的形象。水镜跌落时的破裂让人联想到这些表面解构后的组成。这些图像通过移动、时间的流逝来重新构图，并为同一图像创建更多的视图。把它们进行几何化处理，重新组装成三维互锁的拼图。单色的使用令平面和图形混淆，进一步增强这种破碎感。

IL SAMBUCO（接骨木） 茶几桌

该产品令人联想到漂浮在水面上、生动的睡莲形像。带有同心圆的黄铜桌面如同动态的涟漪，产生金光四射的效果。浮雕做工犹如印象派典型的密集笔触。拉长石（半宝石）的镶嵌结构使之更加引人入胜，而相同的虹彩产生的效果，则与莫奈最著名的睡莲异曲同工。朦胧的烟晶台面邀请您在表面之外“寻找”深藏的宝物。

LA ROBINIA D'ORO（金刺槐） 茶几桌

这款茶几桌表现出的黄铜板加工能力令人赞叹，铜板作为镶嵌物成为装饰元素。扇形形状增强了光影效果，创造出无休止的涡旋动感。“躯干”的设计通过镶嵌植物的三维投射获得，并与双色实木底座完美对接。

I RODODENDRI（杜鹃木） 茶几桌

这一系列的小型茶几和桌台的开发以带有纤细垂直线条的黄铜底座为起点。这些金属结构支撑着镶嵌了半宝石的木质桌面。这是一种文艺复兴时期的技术。1558年，美第奇大公费迪南多一世在佛罗伦萨创立硬石工坊时，这一技术达到高峰。在十七世纪，它被用来装饰家具和桌面，并通过彩色镶嵌物与巴洛克式桌台典型的金色底座形成鲜明对比。

IL LILLÀ（丁香木） 茶几桌

ILilla（丁香木）茶几代表着一个经典的家具系列，桌腿和桌面的实木完全采用手工制作。桌面利用石材部分凹陷以形成花环图案。细高的黄铜桌腿尖端使其整体上优雅有范儿。

INOCCIOLI（榛木） 茶几桌

三腿小桌的设计理念是轻盈，这一理念通过实木桌腿和椭圆形镶嵌桌面的加工得以实现。中间搁板与桌腿结合，它如同树干的分支一样，成为创造和谐自然连续性的细节。

GLI OLMI（榆木） 茶几桌

桌面再次呈现了几何镶嵌设计。底座设计采用的也是这种方法。黑色镀铬黄铜的纤细简洁线条与桌面的几何线条完美结合。

L'ALBICOCCO（杏木） 蒲团凳

这个坐垫的形状恢复了柔软的东方坐垫的价值，强调了舒适和美观的理念。就像在一个私密温馨的东方起居室中一样，多个彩色的蒲团凳营造出一种亲密感和多彩梦幻的效果。

书房

IL LECCIO（圣栎）

小书桌

小书桌让人联想到二十世纪初的气氛。实木百叶板盖住了使用空间，也隐藏了中央可拉出的平板。书桌由此变成了“密件箱”，起到保护机密和重要文件的作用。与当今浮躁、肤浅地联络趋势相反，该物件力图恢复过去亲手写信的那种浪漫、“古意”。主体采用珍贵的皮革内饰，配以珍贵的木质元素，赋予书桌更大的价值；采用实木和黄铜尖头饰边四条腿，使其更加完美，并具轻盈夺目的风格。

IL CEDRO（雪松）

写字台

桌面通过曲线设计形成一个一气呵成的连续表面（侧翼），抽屉柜被插入其护翼之下。桌头部的“牙齿”为结构提供了必要的支撑，保证其稳定性。如同一条真蛇，桌面完全用皮革包裹，深色边框则增强了轮廓。这张写字台堪称总统级办公家具领域的顶级产品。

IL CARPINO（鹅耳枥）

书架

该书架的构思，考虑了实际的用途，也考虑了它的装饰作用。设计的焦点集中在石质的后面板上，如果背光照明，它会变成墙面装饰，像一块真正的墙板。巴基斯坦绿玛瑙和蜂蜜玛瑙等珍奇材料的使用让人把它与希腊艺术珍品联系在一起。书柜的双重功能使其具有极大的使用灵活性。立柱和小盒子的皮革外表层创造出优美典雅的效果，与简约轻巧的形象完美融合，而水晶架和完全悬垂的抽屉令这种感觉得到加强。

VITOLUPO是Ellevi公司2018年推出的一个品牌。Ellevi公司创建于1976年，专注于游轮和酒店的高端设计，是全球内装修行业的领军企业。

因长期从事大型游轮内部装潢的设计、制作和安装，Ellevi公司一直以来都代表着意大利的顶级设计能力，代表着装潢材料的极优品质。它是一个能够开发出订单管理新模式的企业，能够全面完善设计、制作、翻修服务，保证客户在业务上一直拥有一个唯一的对话者，即便是对待时间紧急并要如期完工的工程也是如此。如今，经过40多年的努力，公司已经在欧洲拥有一个稳固的产销结构，并在迈阿密和伦敦开设了两个运营办公室。

有了这样坚实的基础，有了丰富的专业经验，一个面向现代内部装潢新文化的最高水平设计审美研究部应运而生。因为拥有对最古老最丰厚手工艺文化的认识，拥有真正的贵重材料档案库，VITOLUPO品牌堪称是现今高端与奢华内装修领域的泰山北斗。

每一个制品都对应着一个设定了制造独特价值目标的创作过程，这是从古代继承而来的高贵艺术文化的结果，同时也能够勇于追求最现代技术赋予的解决方案；本着精益求精的精神，汲取孕育在意大利的、独特而富于创造力的多种手工艺文化，每件家具都能突破消费的即时性和时髦的易逝性，堂堂正正地进入艺术殿堂，进入那种历久弥新、在时间中永恒的境界。

可以说，VITOLUPO每件家具的使命都是：采用最高质量的解决方案，为私人环境提供各种功能提供无可挑剔的形式，让居住其中的人们与愉悦和美丽相遇。

VITOLUPO手工制品的奢侈体验来自所用各种稀珍材料的卓越之间的碰撞，这是以“缝制”过程为中心的“极选”之结果。每一件家具及其组成部件都完全是持续个性化的结果，是极为高超的手艺让它们成为现代技术也无法复制、独一无二的“绝版”。同时，它们能够与所用材料具有的千差万别、各自独立的特性（从半宝石到珍稀木材的纹理，从稀有织物到金属的颜色）完美共生。

每个VITOLUPO家具都是独一无二，与众不同的。我们知道，工匠并不是复制完美的机器，而是与自己对话的艺术家，他们随时倾听并娴熟地演绎着手中的材料。

凭借这些理念，VITOLUPO体现了卓越，并定义了家具制造文化中，一个唯它引领的独特规则，即将之带到真正的奢华境界。

戴尔·古尔乔（A.B. Del Guercio）

Ото Дня к Ночи
Андреа Б. Дель Гверчо

Настоящее Издание посредством множества изображений иллюстрирует время, следуя ему с момента пробуждения, в продолжение всей дневной жизни и возвращаясь к часам, вновь дарующим отдых. Это период жизни «между днем и ночью» внутри собственного дома, протекающей в повседневных заботах и решениях интересующих вопросов, когда принимая свое собственное существование и «наслаждаясь» им, мы готовы разделить его с другими в предверии минут тишины или же в моменты общения.

Постепенно, в течение тех часов, что мы проводим внутри своего дома, в определенных местах образуются своеобразные зоны, определяющие характер и качество нашего существования; они обретают свой стиль, обогащаются оригинальными «деталю», призванными подчеркнуть и выделить самое важное за счет утонченного расширения своей эстетической функции.

Благодаря своей красоте, мебель определяет расстановку в доме, придает ценность времени, которое мы в нем проводим; каждый предмет в пространственном распределении различных интерьеров формирует сеть взаимосвязанных образов, призванных принять и выразить наш вкус, создать атмосферу доверия и личного «наслаждения».

Изысканный стиль данного издания связан с престижной серией альбомов по искусству и архитектуре, фотографии и дизайну, и задает дистанцию от редуцирующего характера обычного коммерческого каталога. Приглашая читателя приобщиться к миру прекрасного, этот альбом сам стал произведением искусства, плодом опыта развития древних ремесел и раритетных технологий, ценных материалов, изученных и переработанных восприимчивым сознанием современного творческого человека. Можем утверждать, что данное издание представляет собой тщательно отобранную и систематизированную Коллекцию, созданную в недрах наследия культуры и истории искусства.

Здесь представлено мебельное производство, созданное на основе научного использования зачастую ценных и редких материалов, тщательно отобранных из Архивов Природы и внесенных в настоящую Базу Данных научно-исследовательского института. Перед нами изделия, формы и цвета которых относятся в полной мере к сфере художественной культуры с соблюдением дизайн-концепции от самых истоков ее зарождения в мастерских эпохи Возрождения до первых производственных предприятий современной эпохи при постоянном культивировании опыта ручного труда. Трудовой процесс, который пришел из прошлого, чтобы стать высшим достижением настоящего.

Ограниченный тираж каждой мебельной серии, также как при выпуске авторской графики или скульптуры, делает каждый предмет неповторимым и самостоятельным произведением даже в рамках базовой модели. Фактически, сами материалы, разнообразие размеров камней, так же как дерева и кожи, придают предмету уникальность, неповторимость, редкость при биологическом разнообразии природного богатства.

С другой стороны, произведение искусства – это объект, который представляет собой знание, образец того, как надо делать «по правилам искусства», то есть наилучшим, образцовым способом, когда все детали стремятся к совершенству, не боясь сравнения с подсобным материалом и усваивая его же тайные указания, его часто автономную и независимую от воли человека природу. Это процесс проектирования и производства, который прогрессирует, адаптируясь и развиваясь, стремится и достигает своей нынешней позиции в современном искусстве.

Сборник рассказывает о Коллекции во «времени», в каждый момент жизни дома, начиная с утра, с момента пробуждения. Поэтому первым предстает интерьер спальни – самое интимное место в доме, откуда коммерческие издания всегда избегают начинать показ, как будто интимная близость не является главной ценностью дома, его самым значимым ядром.

Из этого частного уголка, куда трудно получить доступ всем, кроме хозяев, чувство близости распространяется на всю жилую зону, облагораживая открытые и общие места – гостиную и столовую, чтобы затем перейти к культовой близости хозяйского кабинета. Все в доме очень индивидуально, это почти религиозный пиетет к месту, где наиболее важная ценность – жизнь – протекает при постоянной потребности лучшего.

С позиции эстетики стремление к красоте играет решающую роль, не впадая в крайнюю строгость условностей, ограничивающих творческое пространство жесткими правилами рынка, оно позволяет вернуть обратно тепло, мимолетность, энергию и жизненную силу, присущие цвету – те ценности, которые так скрашивают наши тревоги.

*«Он вгрызлся в выцветший сиреневый ...,
в радостные зеленый и красный цвета ...,
в сине-белые шести каркасов. Яростно рыл он кадмий,
люто месил сладковато-прохладный кобальт,
тянул расплывшийся крапак по желтому и зеленому небу».*
Герман Гессе, *Последнее лето Клингзора* (1920. Перевод С. Апта)

Мы отправились на поиски в мир Природы и обратились к деревьям, поэтому каждый предмет мебели получил название дерева или цветущего куста, или благоуханной живой изгороди. Не сразу и не без основания, мы переосмыслили роль растений, их несомненное уверенное присутствие в ландшафте отражено в Коллекции мебели через наше представление о доме. При выборе названий каждому предмету мебели вместе с именем дерева – от клена до магнолии, от кедра до кипариса – мы постарались вложить их символическую роль и пользу в жизни планеты.

Каждое растение перенесло из окружающего пейзажа во внутренний мир дома ощущение прочности используемого материала, природную естественность красок, стабильность и укорененность как основу и характер наших взаимоотношений с данным местом и, прежде всего, Красоту – вечную, непостоянную, одним своим присутствием творящую добро.

Присваивая дивану или столу название дерева, мы неосознанно возвращаем в дом интимность лесной чащи и силу дерева с тем, чтобы ото Дня к Ночи не прерывалось течение времени, нашей истории и жизни в доме, который навсегда остается гарантией нашей стабильности и безопасности и преданно ждет нас. Эта же атмосфера взаимообмена ценностей в отношениях между внешним и внутренним миром, между лесом и домом, отражена в стихотворении Соответствия Шарля Бодлера, 1861 года:

*«Природа – некий храм, где от живых колонн
Обрывки смутных фраз исходят временами.
Как в чаще символов, мы бродим в этом храме,
И взглядом родственным глядит на смертных он».*
(Перевод В. Левика)

Мы решили, что в спальне, как и в кабинете, не должно быть принудительных правил одного стиля, как не должно быть обязательного формального соответствия единой системе координат всех предметов, цветов и форм. Мы предпочли другой путь:

метод сочетания и диалога между предметами – плод творчества не только пректировщиков и создателей, но прежде всего тех, кто остановит на них свой выбор и сразу расставит, согласно своему вкусу и чувству прекрасного.

Здесь вы не найдете единства вкуса или общности стиля, или однотипных формальных систем, подверженных мимолетным прихотям вкуса, потому что единообразие часто используют как инструмент, прикрывающий ошибки посредственного творчества, когда спроектировать диван или письменный стол значит просто пассивно скомбинировать линии и формы в соответствии с заданными функциями эксплуатации изделия.

Мы считаем, что восприятие красоты – это результат личного участия, а значит, результат выбора тех качеств предметов интерьера, которые рождаются в процессе стремления к идеальной гармонии между создателем и теми материалами и методами, которые он использует, внимательно и с уважением «прислушиваясь» к самому процессу.

Освобождая творчество из рамок жестких правил экономии производства, от которых часто зависит плохое качество материалов, мы предоставляем независимость и, следовательно, эстетическую автономность в разнообразии выбора изделий нашим будущим владельцам мебели; таким образом, установку библиотечного стеллажа внутри жилой зоны мы видим как синтез творческого взаимодействия символической ценности самого изделия, его естественной природы и эстетической составляющей плиты из оникса...

Тогда моя библиотека станет результатом эмоциональной интерпретации, полностью согласованной между всеми элементами, взаимодействующими в финальной работе.

Ценность материалов, подчеркнутая теплой и обволакивающей подсветкой камня, богатством его прожилок и переливами оттенков – это ли не идеальное соответствие роли моих книг их собственной задаче прояснять мое мышление, ориентировать мои вкусы, обеспечивать необходимые для моей личности инструменты?

Взгляд притягивает закрытый предмет мебели четких размеров, символически намекающий на богатство. В тот момент, когда восприятие утилитарных функций предмета ускользает, начинает расти его загадочная сущность, привлекая и проецируя наше внимание на красоту формы и материала, цветовые решения и эстетические линии изделия.

В другой части помещения установлен Il Giperго (Можжевельник), так притягивая взгляд, будто мы боимся раскрыть его тайну, напоминающую нам о сундуке с сокровищами, защитными доспехами, о хранилище клада невероятной ценности. Барный шкафчик сам раскрывается навстречу жесту; это следующий виток эстетического выражения самого ценного и ослепляющего.

Свет – неотъемлемый атрибут нашей философии дома, но роль света в настоящем проекте жилого пространства освобождает нас от прямой зависимости от его источников. Мы следуем идее, что каждый предмет обстановки, от La Magnolia (Магнолии) до Il Gelso (Шелковицы), от дивана до стола, излучает «свой собственный свет», то есть сам становится источником, а не просто отражает внешние облучения.

Полагаю, что идея «подсветки» была разработана еще на этапе замысла, проектирования и реализации предмета, для того, чтобы он мог «заявить о себе» как в окружении среды – остальных предметов, так и независимо – в виде самостоятельного источника света.

Этот опыт, по-видимому, явился результатом творческого процесса, в котором выбранные и используемые материалы связаны и подобраны вместе в совершенной

гармонии и вполне способны стать частью среды жилого помещения и при дневном освещении, и ночью.

Стоит особенно подчеркнуть, что одно из главных требований современности, а именно исключительность творческого продукта, берет свое начало в принципе «подсветки», разработанном Марком Ротко, и является решающим в культуре анализа концептуального искусства, применимым сегодня и к цвету в живописи, и к природе материала – дереву или композиции камня.

Можно утверждать, что такая ориентация идет вразрез с тенденцией к бесконечной фазе планирования, нацеленной исключить случайности, снизить авторское присутствие, уменьшить число утвердительных решений, чтобы попасть в темноту, в такое молчание, где не бродят идеи и эмоции.

Без лишней агрессии цвет помогает оживить и выделить поверхности и формы, равномерно сочетаясь с другими, уже предложенными цветовыми решениями; сила цвета и его яркость ненавязчивы, хотя в некоторых случаях он готов заявить о себе – и подавляет, а в других, наоборот, предпочитает парить; цвет определяет форму предмета, следует его очертаниям, подчеркивая детали внезапным «воспламенением».

Этот процесс, в котором красные и белые, желтые и голубые цвета, как ноты в партитуре, подробно излагают музыкальный текст, то в виде контрапункта, то как симфонию; он не прописан заранее в проекте дизайнера, не соответствует внешнему определению самого объекта. Цвет рождается именно изнутри объекта и вызревает на поверхности, благодаря активному взаимодействию с материалом, ценность которого часто позволяет даже сохранить свой натуральный запах.

На разных покрытиях хроматическое распределение цветовой гаммы проступает случайно, от зеленого до коричневого, в зависимости от типа патинирования, который сегодня подбирается методом бронзового литья также, как и на протяжении всей своей благородной истории.

Проявление на поверхности того или другого цвета происходит естественным образом, в следствие глубокого знания и внимательного изучения природных материалов, изъятых и подобранных вместе из великого Архива Опыта; каталогизированные и записанные варианты красных оттенков, как и коричневых для кожи и ткани, а также белых и черных для камня, подсказывают и дают детальное описание каждого тома, ориентируя наш вкус на правильную оценку дома.

В нашем понимании дома близость, уют – это не закрытая и недоступная система, а любимое место, которое требует уважения к своему качеству и нашим ценностям; близость – это конечный результат ясного, осознанного намерения, побудившего нас сделать выбор конкретного дивана в сочетании с двумя креслами, вместо яркого набора круглых столешниц, придающего пространству динамичность.

Мы ходим по дому в оживленное дневное время, а ночью пребываем в тишине, которая, наконец, окутывает нас, но всегда и в любом месте именно атмосфера близости определяет тот вектор красоты, который направлял наш выбор.

В такой элегантно бесценной атмосфере дома и нашего существования в нем формируются новые взаимные отношения исключительного гостеприимства.

Если большой стол предлагает мягкую овальную линию, чтобы привлечь наших гостей, а диван в гостиной приглашает к разговору в атмосфере абсолютного спокойствия; если главная идея – в идеальном балансе мраморной округлой поверхности и мощного сияния хрусталя – предполагает силу и строгость материалов и форм, то многоцветность тканей воспринимается с той же деликатностью, с которой сотканы эти чувства.

В заключение этого длинного исследования и его документирования можем утверждать, что нам удалось постичь территорию роскоши, опираясь на слова Шарля Бодлера *“Там все только порядок и красота, / Роскошь, покой и нега”*, мы решили дать ответ и показать какое воплощение эта важная цитата нашла в истории искусства всех времен и всей культурной географии планеты. Право обладания красотой принадлежит бесконечному числу мест и территорий, группам населения и обществам, столь различным по культуре и духовности, что за долгие века они научились постоянно обновляться, достигая невероятных вершин элегантности.

Объем этого наследия, теперь редкого и секретного, и даже декларативного и экстремального, косвенно вдохновил наше производство, поставив целью добиться взаимосвязи между красотой и роскошью с помощью творчества и старинных технологий, но со смелым безрассудством современности.

Наблюдая и изучая благородное наследие прошлого, мы уверены, что в рассказе о роскоши нет шкалы ценностей, что невозможно выдвигать гипотезы и отдавать предпочтения в рамках жесткой системы суждений, так как все может измениться в «одно мгновение ока», а один «взмах крыла» может все повернуть вспять.

Мы знаем, как часто в современности проблемы и интересы, связанные с миром роскоши, использовались несообразно, уводили от реальных ценностей, которые исторически подразумевает этот термин. Цель, которую мы себе поставили и надеемся воплотить, – утверждение его подлинного значения. Таким образом, мы решили понять глубинный смысл элегантности и красоты, которая не может быть только формальным термином, а обогащаясь ценностью природного материала, наделяет каждый предмет мебели тем редким качеством подлинности, которое только крепнет в стабильной невозмутимости времени:

*“Вся мебель кругом
В покое твоём
От времени ярко лоснится.
Дыханье цветов
Заморских садов
И веянье амбры струится.
Богат и высок
Лепной потолок,
И там зеркала так глубоки;
И сказочный вид
Душе говорит
О дальнем, о чудном Востоке.*

*Это мир таинственной мечты,
Неги, ласк, любви и красоты.”*

Ш. Бодлер, *Приглашение к путешествию*, 1857
(Перевод Д. Мережковского)

Андреа Б. Дель Гуерчио родился в Риме в 1954 году и живет между Миланом и Фрибуром. Заведующий кафедрой истории современного искусства в Академии Художеств Брера. Комиссар на международной Биеннале искусства в Венеции в 1988 году и сопровождающих ее мероприятий в 2005 году. Президент Фонда *Primo Conti Archivi* исторического авангарда между 1990 и 1994 во Флоренции. Он куратор крупных выставок и специальных проектов, монографий и тематических альбомов.

Спальня

IL CILIEGIO (ВИШНЯ)

Кровать

Будто на поверхности холста, швы «рисуют» гармоничный и чувственный мотив, украшающий все изголовье и передающий эмоциональный заряд. Периметральные выступы кровати обиты тем же материалом, что и изголовье, и соединяются с изножьем кровати через две литые бронзовые ножки. Высокие и тонкие, они создают ощущение легкости и придают объем восприятию всего изделия. Полочки тумбочек напоминают палитру живописца, а их выступающая часть подчеркивает грациозность изголовья. Прикрепленные к основе изогнутыми ножками, они будто покоятся на руке художника. Особую ценность в этом изделии представляют детали из литой бронзы и выделка кожи.

LE GINESTRE (ДРОК)

Туалетный столик, комод, тумбочка

Неброская округлая форма воссоздает атмосферу прошлого. В структуре этой мебели переосмысляются архитектурные формы овала и эллипса, органично вписанные в барочную стилистику. В обитом пергаментом корпусе выделяются овальные линии и завораживающая сложность конструкции. Высокие тонкие ножки с металлическими наконечниками подчеркивают строгое изящество изделия. Верхняя крышка из оникса завершает отделку тумбочки, придавая ей гармоничность и элегантность. Туалетный столик оборудован овальным зеркалом. Оно закреплено на вилкообразном основании, обеспечивающем зеркалу продольное вращение.

IL CIRMOLLO (КЕДРОВАЯ СОСНА)

Кровать

“...Повелитель Сна был отцом тысячи сыновей, целого племени, но из всех их он выделял Морфея, который умел принимать облик любого человеческого существа по своему желанию” (Овидий). Изголовье напоминает мифологического персонажа Морфея, будто сложившего свои крылья в объятие. Вставки из стеганой кожи образуют на стенке плавную линию, напоминающую жест объятия. Корпус кровати также украшен обивкой из кожи, что придает модели стилистическое единство и подчеркивает ее эстетическую уникальность.

LE TAMERICI (ТАМАРИСК)

Письменный стол, комод, тумбочки, туалетный столик

Обивка из кожи будто обволакивает детали письменного стола, комода, тумбочек и туалетного столика. Этим декоративным элементом обиты также фасады ящиков, создавая зрительное и эмоциональное единство с изголовьем кровати. Ножки изделий, как и обрамление, демонстрируют мастерство обработки дерева и придают элегантность всему изделию.

Столовая

IL GELSO (ШЕЛКОВИЦА)

Стол

Скульптурная пластика этого стола наглядно передает уникальность обработки камня с вмонтированными деталями из стекла и металла. Основание из трех спирально изогнутых ножек придает изделию легкость и динамичность, будто бросая вызов законам гравитации. Обрамляющая стекло мраморная кромка столешницы подчеркивает контраст полного и пустого, тяжелого и легкого, что придает изделию естественную соразмерность. Несмотря на свое функциональное преимущество в интерьере, стол не затмевает остальные предметы мебели и аксессуары, а за счет своей спиральной формы позволяет гармонично объединить все элементы обстановки.

LA ROBINIA (АКАЦИЯ)

Стол

Этот стол представляет уникальный образец обработки листовой латуни, использованной для инкрустации в качестве декоративного элемента. Веерообразные мотивы создают игру света, визуально приводящую столик в бесконечное вихревое движение. Ножки задуманы в виде трехмерной проекции инкрустированной столешницы на основание стола, где повторение двухцветного мотива создает визуальное единство всей модели.

IL PLATANO (ПЛАТАН)

Стол

Канонические формы и линии этого стола характерны для классического искусства. Во всех его составных элементах ярко проявляются принципы кривой линии и круга. Эллипс с кругом внутри – мотив инкрустации из латуни на мраморной столешнице – расходится концентрическими кругами вокруг центра. Основание стола представляет собой искусно выполненные детали из изогнутой древесины. Контраст материалов двух составных частей, соседствующих друг с другом, еще больше подчеркивает сложность обработки материала.

IL CIPRESSO (КИПАРИС)

Стол

Отличительная особенностью этого стола – искусно выточенные ножки сложной формы. Установленные под наклоном, они разрушают строгую прямоугольную симметрию и создают единое целое со столешницей, размывая визуальные границы. Верхняя часть ножек инкрустирована полудрагоценными камнями (Тигровый Глаз). Великолепные волнообразные световые блики придают камням “пламенный” эффект.

L'AGRIFOGLIO (ОСТРОЛИСТ)

Стул

В этом стуле отражаются мастерство обработки дерева и ремесленные кожевенные навыки. Мягкие округлые формы придают стулу гармонию и чувственность, создавая визуальное и тактильное ощущение комфорта, как в салонах самых роскошных автомобилей. Кожа специальным способом закрепляется на деревянной

конструкции, обволакивая ее почти естественным образом. В бронзовой версии стул украшен вставкой элемента из бронзы в подлокотники.

L'OLEANDRO (ОЛЕАНДР)

Стул

Особенность этого кресла – его трехножная форма. Спинка с мягкой обивкой плавно переходит в передние ножки. Принимая очертания высоко взмывающей линии стилета. Задняя латунная ножка полностью отделена от двух передних. Вдоль нее проходит вставка из кожи или ткани, что еще больше подчеркивает легкость и характерную форму в виде буквы “У”. Сидение с легкой обивкой не сковано жесткими рамками общей структуры и не нарушает оригинального силуэта модели.

IL PRUGNOLO (ТЕПН)

Стул, креслице

Дизайн спинки навеян формой Каллы или Лилии Нила. Этот нежный цветок имеет свернутую структуру, а удлиненная цветоножка в форме воронки предлагает другое его использование. Именно так возникла идея изучить и спроектировать удобное эргономичное сидение. Основание из тонких металлических профилей преподносит “бутон” сидения, делая его сбалансированным, легким и гармоничным.

I CORBEZZOLI (ЗЕМЛЯНИЧНОЕ ДЕРЕВО)

Креслице

Дизайн этого креслица продиктован законами моды, о чем свидетельствует выбор некоторых деталей. Застежка-молния из черной хромированной латуни, проходящая по всему контуру, придает креслицу элегантность и схожесть с дорогой модной сумкой. Четыре изогнутых саблей ножки создают эффект непрерывной линии, идеально сочетающейся с женственными формами креслица. Тонкая и строгая основа приподнимает сидение, подчеркивая его пластичность.

LA QUERCIA (ДУБ)

Сервант

Волнообразная форма центрального отделения этого серванта создает ощущение непрерывного движения. Оно будто продолжается за гранью своей поверхности и растворяется в окружающей обстановке. Такие благородные материалы, как палисандр, синий клен, бронзовые сплавы и полудрагоценные камни, создают настроение благодаря уникальной игре света. Синий клен приковывает к себе взгляд за счет подсветки двух боковых “барных отделений”. Дверцы с необычным угловым открытием усиливают момент неожиданности. Основание корпуса серванта целиком выполнено из бронзового сплава, делая его легким и строгим. Длинные ручки на центральных дверцах придают облику изделия абсолютную уникальность. И, наконец, вся поверхность серванта украшена наборной плитой из лабрадорита. Главной особенностью этого замечательного материала является его оптический эффект лабрадоресценции – радужных переливов голубого, фиолетового, зеленого, желтого и оранжевого цветов, типичных также для многих восточных культур.

LA PALMA (ПАЛЬМА)

Сервант

Этот сервант напоминает старинный драгоценный сундучок, внутри которого бережно хранится редкое сокровище. Характерные для эпохи Арт Деко мотивы из геометрических форм придают ему уникальность. Чередование двух цветов инкрустации створок создает восхитительный оптический эффект, удачно сочетаясь с ромбовидной формой ручек. Подобно ювелирным изделиям, эти ручки украшены вставками из полудрагоценного камня тигровый глаз. Благодаря этому дизайнерскому решению на фасаде серванта создается гармоничная игра геометрических форм. Внутреннее пространство украшено не только повторением мотивов дверных инкрустаций, но и, в основном, отделкой из древесины зебрано (орех Каналетто). Это сочетание создает насыщенный визуальный и эмоциональный эффект. Латунь и мрамор поверхности придают дополнительную ценность этому предмету мебели и подчеркивают уникальность его отделки.

LA CAMELIA (КАМЕЛИЯ)

Сервант

На этой модели мраморная “вышивка” органично переходит на боковые части. Этот графический прием не только помогает воспринимать изделие в привычном двухплоскостном измерении, но и позволяет взгляду охватить трехмерность всего серванта. Основание из черной хромированной латуни подчеркивает единство цветовой гаммы.

Гостиная

L'EUCALIPTO (ЭВКАЛИПТ)

Диван, кресло, визави, кушетка

Корпус в форме тюльпана, высокие и широкие боковые части позволяют удобно расположиться на этих диванах. Контрастируя с ровной поверхностью внешней стороны, стеганая обработка внутри спинки создает очаровательное сочетание материалов: мягкого и уютного – внутри, твердого и гладкого – снаружи. Волнообразная непрерывная линия контура придает модели уникальность. Особый акцент на этих линиях в креслицах визави и кушетке создает интригующую и доверительную атмосферу.

IL CASTAGNO (КАШТАН)

Диван и кресло

Особенность этой модели заключается в раме, оформляющей как сидение, так и спинку. Диван выполнен в традициях роскошной салонной обивки в старинных автомобилях. Деревянная рама, проходящая по всему контуру дивана, и особый дизайн, напоминающий плавные линии туалетного мыла, воссоздают эксклюзивный car design лучших автомобильных марок. Деревянное основание дивана придает изделию эстетическую завершенность, изысканность, роскошь и единство стиля.

LA MAGNOLIA (МАГНОЛИЯ)

Диван

Массивные фигурные боковые поручни придают этому дивану парадный вид, напоминая троны прошлых веков. В том же стиле решена и обивка невероятно удобного бесшовного сидения. Волнообразный контур двух центральных подушек напоминает деталь архитектурного декора с коронным завершением, придавая изделию торжественность. Мягкие подушки на сидении создают уютную атмосферу и в свою очередь подчеркивают контраст между мягким и удобным внутренним пространством дивана и его строгим, надежным корпусом. Вставки из кожи на поверхности подлокотников и по всему периметру переносят нас в Средневековье, подчеркивая уникальный контур этого дивана. Выступающее основание из дерева придает дополнительную монументальность всему облику изделия. Этот диван является образцом “величественного” стиля мягкой мебели.

IL FRASSINO (ЯСЕНЬ)

Диван и кресло

Нежная мягкость подушек с наполнителем из пуха будто приглашает погрузиться в легкую атмосферу релакса. Диван напоминает лучшие традиции ручной выделки сумок и изделий высокой моды. Основание из полированной латуни передает ощущение прочности и величия изделия ручной работы. Особая мягкость этого дивана воспринимается как визуально, так и при соприкосновении с его поверхностью.

IL TIGLIO (ЛИПА)

Диван и кресло

Характерный элемент этого мягкого дивана – рустовка, восходящая к архитектуре аристократических дворцов. Яркое тому доказательство – стеганая обработка корпуса. Графический мотив напоминает классические традиции текстильного ремесла. Основание из латуни, будто браслет, украшен драгоценными вставками. Бордюр основания повторяет –цвет корпуса, что придает изделию цельность и гармоничность.

LA BETULLA (БЕРЕЗА)

Креслице

Пластичная трактовка скульптурных форм смягчает линии этого кресла, декорированного вставками из камня. На внешней части кресла геометрические инкрустации из белого мрамора, контрастируя с черным мрамором Маркина, подчеркивают легкость конструкции, напоминая эстетически безупречные вышитые ткани. Стеганая обивка придает модели классический стиль, идеально гармонируя с более строгой структурой корпуса.

L'AGRIFOGLIO (ОСТРОЛИСТ)

Лаунж, диванчик

В этих изделиях отражаются мастерство обработки дерева и ремесленные кожевенные навыки. Мягкие округлые формы придают стулу гармонию и чувственность, создавая визуальное и тактильное ощущение комфорта, как в салонах самых роскошных автомобилей. Кожа специальным способом закрепляется на деревянной конструкции, обволакивая ее почти естественным образом. Большие

размеры лаунджа и диванчика позволяют использовать их как мягкую мебель, наслаждаясь одновременно комфортом и безграничным изяществом дизайна модели.

IL MIRTO (МИРТ)

Барный шкафчик

Центральная ниша, изящно отделанная латунной фольгой, с задней стенкой из полудрагоценного камня (железный глаз), напоминает реликварий с хранящимся там драгоценным эликсиром. Открыв дверцы, вы поразитесь богатству световых бликов и сочетаний, создающих необыкновенный эмоционально насыщенный эффект.

IL GINEPRO (МОЖЖЕВЕЛЬНИК)

Барный шкафчик

Распахнутые створки – будто радушное объятие из раскрытых крыльев великолепных экзотических птиц. Двухцветное оформление подчеркивает контраст между прочным фигурным корпусом и более легкими подвижными частями. Четыре тонкие цилиндрические ножки из латуни воспроизводят зооморфные формы и придают изделию легкость и изящество. Внутреннее пространство шкафчика выложено ценными материалами, такими как карбальо и гранёное стекло, эмоционально насыщенными и стилистическим безупречными.

IL NOCE (ОРЕХ)

Стеллаж

Открытые с двух сторон стеллажи дают возможность разделять помещения, сохраняя при этом стилевое единство с мебелью и другими предметами обстановки. Напоминающий шахматное поле стеллаж позволяет создавать различные объемные комбинации из своих элементов. Обработка углов цельного дерева и высокое качество использованных материалов повышают ценность этого ремесленного изделия. Благодаря вставкам из латуни создается игра света, придающая дополнительную легкость всей структуре. Стеллажи могут служить и отделениями для ящиков с изящно отделанными высококачественной кожей дверцами.

IL MELOGRANO (ГРАНАТ)

Ширма

Ширма воспроизводит традиционный ромбовидный мотив ткани разноцветных карнавалов костюмов. Игра в превращения в совершенстве передается в цветовой гамме и множестве неповторимых и оригинальных отражений, возникающих благодаря вращению внутренних зеркальных дисков на 360°. Рамки из дерева, искусно выполненные в технике граненой резьбы, прикреплены к латунному стержню, придавая изделию абсолютную прочность. Зафиксированные на потолке и на полу крепления отличаются особой прочностью и обеспечивают устойчивость ширме, не повреждая стены. Богатство красок этого изделия создается благодаря непрерывному изменению положения вращающихся дисков.

IL LAURO (ЛАВР)

Ширма

Двойная раскладка делает эту ширму функциональной и очень подвижной. В массивной наружной раме заключена более легкая панель с поворотом на 360°. Не закрепленная снизу панель свободно вращается и отражает окружающие стены, преображая интерьер помещения. Вращающиеся панели имеют с одной стороны зеркало, а с другой обиты тканью или покрыты деревом.

L'ALLORO (ЛАВР)

Зеркало

Напоминая об античном лабиринте Крита и его изображении в Шартрском соборе, это зеркало воплощает поэтику античного искусства. В его дизайне отражено стилизованное солнце, а латунная рама отбрасывает золотые отблески. Вставки из цветного стекла в сочетании с зеркальными элементами усиливают магический эффект. Разноцветные элементы перекликаются с деталями из дерева и драгоценного камня.

IL BOSSO (САМШИТ)

Зеркало

В мифе о Нарциссе рассказывается о самодовольном любовании собственным отражением. Искаженная в момент падения зеркальная водная гладь воспроизведена здесь в изломанной конструкции поверхностей. Предметы отражаются в движении и временной протяженности, проецируя свои многочисленные перспективы. Затем эти изображения принимают геометрические формы и komponуются в трехмерной мозаике. Цветовое единство усиливает искаженность изображения, перемешивая перспективы и образы.

IL SAMBUCCO (БУЗИНА)

Столик

Это изделие напоминает плавающие на водной глади кувшинки. Выполненная из латунных кругов столешница создает ощущение движения воды, освещая поверхность золотыми бликами. Рельефная обработка воссоздает густые мазки краски с полотен импрессионистов. Инкрустация лабрадоритом (полудрагоценным камнем) придает изделию неподдельный шарм, а его радужные переливы – сходство кувшинками с самых знаменитых полотен Моне. Столешницы из дымчатого стекла будто приглашают приподнять поверхность в поисках сокрытых сокровищ.

LA ROBINIA D'ORO (ЗОЛОТАЯ АКАЦИЯ)

Столик

Этот столик представляет уникальный образец обработки листовой латуни, использованной для инкрустации в качестве декоративного элемента. Веерообразные мотивы создают игру света, визуальную приводящую столик в бесконечное вихревое движение. Ножки задуманы в виде трехмерной проекции инкрустированной столешницы на основание стола, где повторение двухцветного мотива создает визуальное единство всей модели.

I RODODENDRI (РОДОДЕНДРОНЫ)

Столики

Из латунных подставок с тонкими вертикальными профилями разрабатывается коллекция журнальных столиков и консолей. Эти металлические структуры поддерживают деревянную столешницу с мозаичными вставками из полудрагоценного камня. Обработка камня напоминает технику украшения мебели и столешниц эпохи Возрождения, применявшую полихромную инкрустацию для эффектного контраста со структурой мебели.

I LILLA (СИРЕНЬ)

Столики

Столики коллекции I Lilla (Сирень) представляют собой классический образец предметов интерьера с ремесленной отделкой на ножках и столешнице. Инкрустация выполненных из камня элементов напоминает рисунок розона. Латунные насадки на высоких и изящных ножках стола придают изделию утонченность и непревзойденный стиль.

I NOCCIOLI (ОРЕХ)

Столики

Особую легкость столикам с тремя ножками придает их специальная обработка и овальный узор инкрустированной столешницы. А соединение их с промежуточным столиком создает видимость ответвления от ствола дерева, придавая изделию гармоничность и естественность.

GLI OLMI (ВЯЗЫ)

Столики

Столешница инкрустирована в виде геометрических рисунков. Декор основания выполнен с применением этой же техники. Тонкие и четкие линии черной хромированной латуни прекрасно сочетаются с геометрическими линиями на поверхности столика.

L'ALVICOSSO (АБРИКОС)

Пуфик

Дизайн этого пуфика напоминает мягкость восточных подушек, приносящих уют в интерьеры. Подобно маленькому восточному салону, скрытому от посторонних глаз, множество разноцветных пуфиков создает доверительную атмосферу и восхитительную игру красок.

Кабинет

IL LECCIO (КАМЕННЫЙ ДУБ)

Письменный стол

Этот письменный стол воссоздает атмосферу начала XX века. Поднимающиеся деревянные створки открывают ящики стола и выдвижную поверхность. Как настоящий секретер, столик служит для хранения особо ценных документов. Вопреки современной тенденции быстрого и легкомысленного обмена сообщениями,

это изделие воскрешает романтическую, немного старомодную традицию писать длинные письма от руки. Обивка из высококачественной кожи в сочетании с элементами из дорогих пород дерева придает изделию особую ценность. А четыре выточенные деревянные ножки с латунными насадками завершают дизайн столика, придавая ему легкость и легко узнаваемый стиль.

IL CEDRO (КЕДР)

Письменный стол

Дизайн рабочей поверхности этого стола повторяет плавную непрерывную линию, накрывающую ящики. Ножка-клык на противоположном конце обеспечивает необходимую опору и гарантирует устойчивость стола. Подобно самой настоящей рептилии, стол полностью обит кожей, а затемненные края подчеркивают красоту контурных линий. Этот письменный стол – центральный элемент обстановки в интерьере президентского кабинета.

IL CARPINO (ГРАБ)

Стеллаж

Этот стеллаж может служить и как функциональный предмет обстановки, и как элемент декора интерьера. Уникальность этой модели придает стеновая панель из камня, которая при заднем освещении превращается в настенный декор, как настоящая панель буазери. Примененные изысканные материалы, такие как зеленый пакистанский оникс и медовый оникс, напоминают драгоценные предметы эллинистического искусства. Двойная функция этого изделия позволяет по-разному использовать его. Изящная и элегантная обивка из кожи как на опорах, так и на полках органично сочетается с общим дизайном модели, чью строгость и легкость подчеркивают стеклянные полки и выступающий ящичек.

Бренд VITOLUPO появился в 2018 году в рамках компании Ellevi, созданной в 1976 году и ставшей мировым лидером в проектировании дизайна интерьеров высокого класса для круизных судов и в гостиничном секторе.

Фокусируясь главным образом на проектировании, изготовлении и установке интерьеров для больших круизных судов, важнейшим отличительным атрибутом компании Ellevi всегда оставалась способность представлять вершину итальянского дизайна и добиваться признания за высочайшее качество вспомогательных материалов в своем производстве. Предпринимательская натура, позволяющая разработать новую модель управления заказами, так усовершенствовать комплексные услуги по проектированию, реализации и реконструкции, чтобы гарантировать заказчику единого оператора в управлении всеми проектными работами к «сдаче под ключ», а так же в экстремально сжатые сроки. Сегодня, спустя более сорока лет, компания имеет устойчивую производственную структуру, рассредоточенную в Европе, а также свои оперативные офисы в Майами и в Лондоне.

На этом прочном фундаменте, с огромным багажом опыта в области декора, создается отрасль, нацеленная на поиск высочайшего уровня эстетики дизайна, новой культуры современного оформления интерьера. Благодаря идеальному знанию древнейших и незыблемых ремесленных культур, имея в распоряжении настоящий Архив ценных материалов, бренд VITOLUPO сегодня представляет вершину совершенства и роскоши.

Каждое изделие-результат творческого процесса, цель которого-добиться исключительного качества, это продукт высокой культуры искусства, унаследованной из древности, способной, к тому же, претворять самые смелые решения, предоставляемые современными технологиями. В процессе такого рафинированного производства, опираясь на бесценный багаж обученных, творческих, уникальных рук, его создавших, и все еще сохранившихся на территории Италии, каждое изделие рождается из насущной потребности и эфемерных капризов моды, чтобы полноправно стать наследием искусства, войти в такое измерение, где его ценность только растет и укрепляется с течением времени. Миссия каждого «объекта» VITOLUPO – воплотить ценнейшие решения, придать безупречные формы различным предметам обстановки жилого пространства, предлагая их будущим обитателям встречу, полную наслаждения и красоты.

Опыт роскоши от изделия VITOLUPO зарождается из идеального сочетания используемых материалов, всегда редких и ценных, это результат крайне требовательного отбора, в центре внимания которого находится процесс пошива. Каждый предмет мебели и все компоненты, составляющие его прочную структуру– не что иное, как результат постоянной персонификации, а так же тонких настроек, с помощью которых только искусный мастер может превратить их в «уникальные изделия», не доступные технологическому воспроизводству, всегда в глубоком симбиозе с постоянно меняющейся и независимой природой используемого материала, от полудрагоценных камней до прожилок благородной древесины, с самобытностью тканей и расцветкой металлов.

Можем с уверенностью заявить, что каждый предмет мебели VITOLUPO может быть только сам собой, единственным оригиналом, подлинником, потому что он никогда не будет идентичен следующему. Мы знаем, что мастер– это не машина, которая воспроизводит изделия до совершенства, а художник в диалоге с самим собой, готовый вслушаться и интерпретировать опыт, приобретенный собственными руками.

Такими ценностями VITOLUPO определяет Совершенство и накладывает такие ограничения на культуру оформления интерьера, которые неизбежно приведут к истинному уровню роскоши.

